

Тор Хейердал
Путешествие на "Кон-Тики"

ТОР ХЕЙЕРДАЛ

ПУТЕШЕСТВИЕ

НА

"КОН-ТИКИ"

Тор Хейердал Путешествие на "Кон-Тики"

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга норвежского этнографа Тора Хейердала посвящена описанию предпринятого им вместе с пятью товарищами в 1947 году путешествия на плоту от берегов Перу до островов Полинезии. По исключительной решительности и умению, с которыми участники экспедиции совершили, пользуясь ничтожным материальным оборудованием, опасное морское плавание через Тихий океан, это путешествие является одной из самых смелых и выдающихся научных экспедиций последнего столетия.

На простом плоту из девяти бревен, скрепленных веревками из стеблей растений, с простым прямым парусом исследователи прошли 4 300 морских миль от берегов Южной Америки до островов Полинезии. Они проплыли на плоту вдвое больше, чем Колумб во время его первого путешествия к островам Вест-Индии, которое он совершил на хорошо оснащенных мореходных кораблях, хотя и небольших по размеру.

Успех плавания плота Хейердала был обусловлен точным анализом взаимодействия

течений и ветров этой части Тихого океана, и по глубине научного предвидения и смелости предприятия эту экспедицию можно сравнить только с дрейфом через Северный Ледовитый океан, выполненным в 1893–1896 годах другим норвежцем – Фритьофом Нансеном.

Целью экспедиции Хейердала было доказать, что древние жители Перу могли доплыть на своих плотах до островов Полинезии. Хейердал принадлежит к группе этнографов, придерживающихся «американской» гипотезы о происхождении полинезийцев. Эти ученые считают, что острова Океании были заселены выходцами из Южной или Северной Америки. Противники этой гипотезы прежде всего указывали на отсутствие у древних жителей Америки и в особенности у жителей тихоокеанского побережья мореходных судов.

Хейердал, пытаясь опубликовать свою монографию об американском происхождении полинезийцев, встретил в научных кругах, придерживающихся общепринятой гипотезы об азиатском происхождении полинезийцев, резкую оппозицию и, чтобы доказать свои предположения, решил прежде всего опровергнуть возражение о невозможности плавания из Перу в Полинезию на примитивных перуанских судах. И он блестяще доказал, что на плоту, ничем не отличающемся от древнего перуанского, можно проплыть, пользуясь течением и пассатными ветрами, почти до центра Полинезии.

Но, как пишет в послесловии и сам Хейердал, он доказал этим только мореходные качества бальсовых плотов. Для доказательства американского происхождения полинезийцев нужно было более солидное научное обоснование, и этому вопросу Хейердал посвятил специальное большое исследование, которое до его путешествия никто не хотел опубликовать и которое после шумного успеха экспедиции, подкрепленное новыми данными, было опубликовано в 1952 году.

Как доказывают защитники гипотезы азиатского происхождения полинезийцев, язык и вся культура связывает их с народами южной Азии.

По своему антропологическому типу полинезийцы близки к южноазиатской группе монголоидной расы, но имеют примесь австралоидных черт, в то время как индейцы Америки, также монголоидного происхождения, не имеют этой австралоидной примеси. Язык полинезийцев, их мифы, предания, предметы материальной культуры – все это ясно указывает на то, что они выходцы из Азии, а не из Америки. Все домашние животные и культурные растения (кроме батата) занесены полинезийцами из Индонезии и Меланезии: до их появления атоллы Полинезии были почти лишены растительности. Все это также подтверждает, что древней родиной полинезийцев является Юго-Восточная Азия. Жители азиатского побережья и островов Индонезии издавна были хорошими мореплавателями и на своих быстроходных пирогах постепенно проникли далеко на восток, заселив в конце концов почти все острова Тихого океана.

Хейердал в описании путешествия на «Кон-Тики» и в опубликованной научной работе приводит большое количество доказательств связи Полинезии с Америкой. Эти материалы, безусловно, очень интересны и заслуживают внимания со стороны специалистов и дальнейшего изучения. Но некоторые параллели, проводимые им между культурой полинезийцев и древних жителей Южной и Северной Америки, являются очень спорными.

Слишком смело, например, Хейердал обращается с материалами по острову Пасхи (которые изложены отчасти и в настоящей книге). Полинезиец-этнограф Те Ранги Хироа в своей книге «Мореплаватели солнечного восхода», выпущенной в русском переводе в 1950 году, приходит к выводу, что культура острова Пасхи имеет тесную связь с другими островами Полинезии. «Длинноухие», которых Хейердал считает выходцами из Перу, пришли с Маркизских островов, где широко распространены тяжелые ушные украшения. «Короткоухие» – выходцы с острова Мангаревы, жители которого не прокалывают себе ушей. Жители Маркизских островов воздвигали у себя на родине громадные статуи и опорные стены, и то же продолжали они делать и на острове Пасхи. Остальные факты объясняются так же просто без привлечения связей с культурой Перу.

Но для некоторых фактов действительного сходства надо предполагать существование в прошлом непосредственного контакта жителей Америки и Полинезии. Так, несомненно,

что сладкий картофель, батат или кумара, завезен из Америки в Полинезию еще до кругосветных плаваний европейцев; что некоторые вещи, обнаруженные при раскопках древних поселений в Южной Америке, указывают на связь с Полинезией.

Сторонники «азиатской» гипотезы уже давно предполагали, что полинезийцы, изумительно смелые мореплаватели, могли на своих пирогах доходить до берегов Южной Америки. Полинезийцы совершали и совершают на своих пирогах громадные переходы между островами Полинезии – вплоть до Гавайских островов на северо-востоке и острова Пасхи на юго-востоке, с радиусом плаваний до 2 500 морских миль. Например, еще недавно пять братьев с острова Пасхи проплыли в простой рыбацкой пироге от этого острова до Таити (что превышает расстояние от острова Пасхи до Южной Америки, равное 2 030 милям) и вернулись обратно. Теперь, после экспедиции Хейердала, следует считать доказанным, что и отдельные группы перуанцев могли попадать на плотках в Полинезию.

Гипотеза об азиатском происхождении полинезийцев, несмотря на экспедицию Хейердала и появление его книги, по-прежнему является наиболее обоснованной.

Но Хейердал собрал много новых фактов для подтверждения «американской» гипотезы, и дело будущих исследователей решить, как велика доля американского элемента в культуре полинезийцев и в формировании этого народа.

Путешествие Хейердала надо считать одним из самых замечательных и смелых научных предприятий нашего времени, а книгу его – самой увлекательной повестью о путешествии. Недаром за шесть лет – со времени появления первого норвежского издания в 1948 году и до середины 1954 года – книга Хейердала вышла за рубежом во многих изданиях общим тиражом более 2 500 тысяч экземпляров: тираж до сих пор неслыханный и немислимый в капиталистическом мире для книги о научной экспедиции.

С. В. Обручев

Глава 1 ТЕОРИЯ

Взгляд на прошлое. – Старик с острова Фату-Хива. – Ветер и течение. – Поиски Тики. – Кто заселил Полинезию? – Загадка Южного моря. – Теория и факт. – Легенда о Кон-Тики и белой расе. – Начало войны.

Иногда вы оказываетесь в необычайном положении. Все происходит постепенно, самым естественным образом; и когда уже нет никакого возврата, вы вдруг приходите в удивление и спрашиваете себя, как вы до этого дошли.

Так, например, если вы пускаетесь в плавание по океану на деревянном плоту с попугаем и пятью спутниками, то раньше или позже неизбежно случится следующее: одним прекрасным утром вы проснетесь в океане, выспавшись, быть может, лучше обычного, и начнете думать о том, как вы тут очутились.

Одним таким утром я сидел, записывая в мокром от росы судовом журнале:

«17 мая. День независимости Норвегии. Море бурное. Ветер свежий. Сегодня я исполняю обязанности кока и нашел семь летучих рыб на палубе, одного кальмара на крыше

каюты и одну неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и неизбежная мысль стала подкрадываться: странное, однако, семнадцатое мая; поистине обстановка весьма забавная. С чего это все началось?

Слева перед моим взором расстился необъятный простор синего океана с шипящими волнами, которые катились совсем рядом, беспрестанно преследуя убегающий горизонт. Когда я оборачивался вправо, я видел темную каюту и бородатого человека, который лежал в ней на спине и читал Гёте; пальцами голых ног этот человек крепко упирался в решетчатый переплет в низкой бамбуковой крыше маленькой шаткой каюты, являвшейся нашим домом.

– Бенгт, – сказал я, отталкивая зеленого попугая, который хотел усесться на судовой журнал, – можете вы объяснить мне, на кой черт мы тут очутились?

Томик Гёте опустил под золотисто-рыжую бороду.

На кой черт я очутился, вы сами лучше знаете. Это все ваша проклятая идея, но я думаю, что это грандиозная идея.

Он задрал ноги еще на три перекладыны выше и продолжал невозмутимо читать. По ту сторону каюты трое других моих спутников что-то делали на бамбуковой палубе под палящими лучами солнца. В одних трусах, коричневые от загара, обросшие бородой, с полосами соли на спине, они имели такой вид, словно всю жизнь занимались тем, что плавали на деревянных плотах по Тихому океану на запад. Согнувшись, в каюту вошел Эрик с секстантом и пачкой бумажек в руках:

– Восемьдесят девять градусов сорок шесть минут западной долготы, восемь градусов две минуты южной широты – неплохо прошли, ребята, за сутки!

Он взял у меня карандаш и нанес маленький кружок на карте, висевшей на бамбуковой стене; маленький кружок в конце цепи из девятнадцати кружков, извивавшейся на карте, начиная от порта Калья в Перу. Герман, Кнут и Торстейн также поспешили протиснуться внутрь, чтобы взглянуть на новый маленький кружок, переместивший нас на добрых 40 морских миль ближе к островам Южного моря¹.

– Видите, ребята? – гордо произнес Герман. – Это означает, что мы находимся на расстоянии восьмисот пятидесяти миль от берегов Перу.

– А до ближайших островов по курсу остается еще три тысячи пятьсот, – предусмотрительно добавил Кнут.

– И чтобы быть вполне точным, – сказал Торстейн, – мы находимся на пять тысяч метров выше дна океана и на сколько-то метров ниже луны.

Итак, теперь мы точно знали, где мы, и я мог продолжать свои размышления о том, почему мы тут очутились. Попугаю ни до чего не было дела; ему только хотелось вцепиться в судовой журнал. А вокруг простирался все тот же синий океан под синим куполом неба.

Возможно, все началось прошлой зимой в кабинете одного из нью-йоркских музеев. А может быть, начало было уже положено десять лет тому назад на маленьком острове из группы Маркизских, посреди Тихого океана. Может быть, мы пристанем теперь к этому же острову, если только северо-восточный ветер не отнесет нас южнее, по направлению к Таити и архипелагу Туамоту. Перед моим мысленным взором ясно вставал островок с его скалистыми горами ржаво-красного цвета, зелеными зарослями, спускавшимися по склонам к морю, и стройными пальмами, которые приветственно покачивались на берегу. Островок назывался Фату-Хива; между ним и тем местом, где мы сейчас находились, не было никакой

¹ Перевод сделан с 21-го английского издания 1954 года. Послесловие автора взято из 10-го английского издания 1951 года. Норвежские, испанские и английские имена мы даем в форме, наиболее близкой к произношению этих языков; лишь в собственных именах в нескольких случаях мы оставили транскрипцию, ставшую уже традиционной в русском языке: так, мы пишем Тор, Кнут и Герман – вместо более близких к норвежскому произношению Тур, Кнют, Херман.

Географические названия даны в транскрипции Большого атласа мира, изданного Главным управлением геодезии и картографии в 1954 году. Из необычных у нас географических названий мы сохраняем часто употребляемое автором «Южное море» – как на английском языке называют южную часть Тихого океана.

суши, но он отстоял от нас на тысячу миль. Я видел узкую долину Оуиа как раз там, где она спускалась к морю, и вспоминал, как мы сидели на пустынном берегу и смотрели из вечера в вечер на этот же безбрежный океан. Тогда меня сопровождала жена, а не бородатые пираты, как теперь. Мы собирали всевозможных животных, а также рисунки, статуи и другие памятники погибшей культуры. Я прекрасно помню один вечер. Цивилизованный мир оказался таким непостижимо далеким и нереальным. Мы жили на острове уже почти год; кроме нас, здесь не было белых; мы добровольно отказались от всех благ цивилизации, как и от ее зол. Мы жили в хижине, которую построили для себя на сваях, в тени пальм на берегу, и ели то, чем могли снабдить нас тропические леса и Тихий океан.

Суровая, но полезная школа дала нам возможность познакомиться со многими загадками Тихого океана. Я думаю, что и в физическом и в умственном отношении нам часто приходилось повторять опыт первобытных людей, которые явились на эти острова из неизвестной страны и полинезийские потомки которых безраздельно властвовали над островным царством, пока не появились европейцы с библией в одной руке и с порохом и водкой в другой.

В тот вечер мы сидели, как это часто случалось и раньше, на берегу при свете луны, и океан расстилался перед нами. В этой обстановке, полной романтики, все наши чувства были обострены. Мы впитывали в себя запахи буйной растительности джунглей и соленого океана, мы слышали шелест ветра среди листьев в макушках пальм. Через правильные промежутки времени все другие звуки заглушались шумом бурунов, которые вздымались прямо перед нами, обрушивались, пенясь, на берег и разбивались на пенящиеся круги в прибрежной гальке. Некоторое время слышался рев, грохот и скрежет среди бесчисленного множества сверкавших в лунных лучах камешков; затем все опять стихало, когда океан отступал, чтобы собраться с силами для нового натиска на непобедимый берет.

– Странно, – сказала жена, – но на том берегу острова никогда не бывает бурунов.

– Да, – ответил я, – но здесь наветренная сторона; прибой всегда бывает с этой стороны.

Мы продолжали сидеть и любоваться океаном, который, казалось, решил настойчиво, без конца повторять нам, что он катит свои волны с востока.

востока, востока. Извечный восточный ветер, пассат, волновал поверхность океана, вздымая валы и катя их вперед; они появлялись из-за горизонта с востока и уходили дальше, к другим островам. Здесь перед нами волны океана, раньше не встречавшие никаких препятствий, разбивались об утесы и рифы, между тем как восточный ветер просто поднимался над берегом, лесами, горами и без всяких помех продолжал свой путь к западу, от острова к острову, в сторону заходящего солнца.

Так испокон века шли волны и легкие облака из-за горизонта с востока. Первые люди, достигшие здешних островов, хорошо знали, что это именно так. Птицы и насекомые также знали, а на растительность островов это обстоятельство оказывало решающее влияние. А сами мы знали, что далеко-далеко за горизонтом, к востоку, откуда появляются облака, простирается открытый берег Южной Америки. Он находился на расстоянии 4 300 морских миль, и между ним и нами не было ничего, кроме океана.

Мы смотрели на пронесившиеся облака и на залитое лунным светом волнуемое море и прислушивались к рассказу полуголого старика, который сидел на корточках, устремив свой взгляд вниз, на затухающий жар маленького костра.

– Тики, – ровным голосом говорил старик, – был и богом и вождем. Это Тики привел моих предков на острова, на которых мы теперь живем. Раньше мы жили в большой стране за морем.

Старик пошевелил палкой угли, чтобы не дать им погаснуть. Он сидел размышляя. Он жил в прошлом и был прочно связан с ним. Он поклонялся своим предкам и их подвигам тех далеких времен, когда предки были ботами. А в будущем он надеялся соединиться с ними. Старый Теи Тетуа был единственным оставшимся в живых представителем вымерших племен, раньше населявших восточный берег острова Фату-Хива. Он сам не знал, сколько

ему лет, но его морщинистая, словно дубленая коричневая кожа имела такой вид, как будто она сушилась на солнце и ветре сотню лет. Он был, конечно, одним из немногих жителей этих островов, помнивших легендарные рассказы отцов и дедов о великом полинезийском вожде – боге Тики, сыне солнца, и веривших в них.

Когда этой ночью мы легли спать в маленькой хижине на сваях, рассказы старого Теи Тетуа о Тики и древней родине островитян за океаном продолжали навязчиво звучать в моих ушах под аккомпанемент глухого рычания отдаленного прибора. Они звучали, как голос давно минувших дней, который, казалось, что-то нашептывал в ночной тиши. Я не мог заснуть. Время как будто перестало существовать, и Тики со своими мореплавателями впервые высаживался в пене прибора на берег острова. Вдруг меня осенила одна мысль, и я сказал жене:

– Слушай, ты обратила внимание на то, что громадные каменные изображения Тики наверху в джунглях изумительно похожи на гигантские монолитные статуи, памятники исчезнувших цивилизаций в Южной Америке?

Я был уверен, что рев бурунов подтвердил мои слова. А потом я мало-помалу перестал их слышать и заснул.

Вероятно, с этого все и началось. Во всяком случае, с этого началась цепь событий, которая в конце концов привела к тому, что шесть человек и зеленый попугай отплыли на плоту от берегов Южной Америки.

Я помню, как испугался мой отец и удивились моя мать и друзья, когда, вернувшись в Норвегию, я передал свои банки с насекомыми и рыбами, привезенными с Фату-Хивы, Зоологическому музею университета. Я решил бросить зоологию и взяться за изучение первобытных народов. Нераскрытые тайны Южного моря пленили меня. Ведь должно же существовать какое-то разумное объяснение их – и я поставил себе целью изучить все, что было известно о легендарном герое Тики.

В последующие годы буруны и полуразрушенные памятники в джунглях были для меня чем-то вроде далекого призрачного сна, который представлял собой фон и аккомпанемент к моим занятиям племенами, населявшими острова Тихого океана. Попытки понять мысли и поведение первобытных людей лишь с помощью книг и музейных коллекций, конечно, тщетны, но столь же тщетны были бы усилия современного исследователя на собственном опыте постичь всю премудрость, которая собрана в книгах, занимающих одну полку.

Научные труды, хроники эпохи первых исследований, бесчисленные коллекции в музеях Европы и Америки представляли обильный материал, который мог помочь в решении занимавшей меня загадки. Начиная с того времени, как европейцы, после открытия Америки, впервые достигли островов Тихого океана, ученые всех специальностей накопили огромную массу фактов о жителях Южного моря и о всех народах, населявших окружающие страны. Но мнения ученых резко расходились и в вопросе о происхождении этого обособленного островного населения и в объяснении причин, по которым этот тип людей встречается лишь на изолированных островах в восточной части Тихого океана.

Когда первые европейцы рискнули, наконец, пересечь величайший из всех океанов, они, к своему удивлению, обнаружили, что в центральной части океана расположено множество маленьких гористых островов и низких коралловых рифов, отделенных друг от друга и от всего света огромными пространствами воды. И каждый из этих островов был населен людьми, которые пришли туда раньше европейцев, – высокими красивыми людьми, встречавшими их на берегу с собаками, свиньями и домашней птицей. Откуда они явились? Они говорили на языке, которого никто не знал. Европейцы, беззастенчиво называвшие себя первооткрывателями этих островов, нашли на них возделанные поля и деревни с храмами и хижинами. На некоторых островах были даже обнаружены древние пирамиды, мощные дороги и высеченные из камня фигуры вышиной с четырехэтажный дом. Но объяснения всех этих тайн не было. Что это за народ? Откуда он пришел?

Можно уверенно сказать, что ответов на эти вопросы было почти столько же, сколько имелось посвященных им трудов. Специалисты по разным отраслям науки предлагали самые различные решения проблемы, но все их теории не выдерживали критики ученых, которые работали в других областях знания. Малайя, Индия, Китай, Япония, Аравия, Египет, Кавказ, Атлантида, даже Германия и Норвегия всерьез выдвигались в качестве родины полинезийцев. Но каждый раз находился «камень преткновения» решающего характера, и всё построение рассыпалось в прах.

А там, где останавливается научное познание, начинается работа воображения. Таинственные монолиты на острове Пасхи и все остальные памятники неизвестного происхождения, найденные на этом маленьком, открытом всем ветрам уединенном острове, который лежит на полпути между ближайшими островами и берегом Южной Америки, дали пищу для самых различных теорий. Некоторые исследователи обратили внимание на то, что находки на острове Пасхи во многом напоминают памятники доисторической цивилизации Южной Америки. Может быть, когда-то между островом и материком существовал мост из суши, который впоследствии опустился? Может быть, остров Пасхи и все другие острова Южного моря, на которых мы находим сходные памятники, представляют собой остатки погрузившегося в воду континента?

Эта теория была широко распространена среди неспециалистов, но геологи и другие ученые не придавали ей значения. Больше того, зоологи, на основании изучения насекомых и моллюсков на островах Южного моря, с несомненностью доказали, что на протяжении всей истории человечества эти острова, как и в наши дни, были совершенно отделены один от другого и от окружающих их материков ².

Итак, мы доподлинно знаем, что предки полинезийцев когда-то, по собственному желанию или в силу необходимости, прибыли на эти изолированные острова на каких-то судах по воле течения или ветра. Более тщательное изучение населения Южного моря дало все основания полагать, что оно появилось здесь лишь несколько столетий тому назад. Хотя полинезийцы населяют острова, рассеянные по океану на площади, в четыре раза превышающей всю Европу, все же их язык не претерпел существенных изменений на различных островах. Тысячи миль отделяют Гавайские острова на севере от Новой Зеландии на юге острова Самоа на западе от острова Пасхи на востоке, однако жители всех этих островов говорят на диалектах одного общего языка, который мы называем полинезийским. Письменности не существовало ни на одном из островов, если не считать нескольких деревянных табличек с непонятными иероглифами, которые сохранили жители острова Пасхи, хотя ни они сами и ни один ученый не могли прочесть их. Но на островах существовали школы, и самым важным предметом, изучавшимся в них, были поэтические легенды, так как для полинезийцев история являлась одновременно и религией. Они почитали предков и поклонялись своим умершим вождям вплоть до времен Тики, а о самом Тики говорили, что он был сын солнца.

Почти на каждом острове мужчины, обучавшиеся в школе, могли назвать без запинки имена всех своих вождей, начиная со времени первого заселения острова. Часто, не надеясь на память, они пользовались сложной системой узлов на переплетенных веревках, как это когда-то делали индейцы-инки в Перу. Современные исследователи записали на различных островах все местные родословные и обнаружили, что они с изумительной точностью совпадают как в отношении имен, так и количества поколений. Таким путем было установлено, – исходя из расчета смены поколений полинезийцев в среднем каждые 25 лет, – что острова Южного моря были заселены около 500 года нашей эры. Вторая культурная волна, которой соответствовала новая линия вождей, достигла этих островов около 1100

² Южная Америка, как предполагают, соединялась с Австралией и Юго-Восточной Азией сушей, существовавшей в южной части Тихого океана очень давно, в конце палеозоя, то есть около 200 миллионов лет тому назад. Некоторые геологи считают, что в юго-восточной части Тихого океана могла существовать суша и позже, но все же задолго до появления человека.

года, когда появились новые, более поздние переселенцы...

Откуда так поздно могли они явиться? По-видимому, лишь очень немногие исследователи принимали во внимание тот несомненный факт, что люди, которые так поздно появились на этих островах, были людьми подлинного каменного века. Несмотря на свою смышленость и удивительно высокую во всех других отношениях культуру, эти мореплаватели привезли с собой каменные топоры определенного типа и ряд других характерных для каменного века орудий, которые и распространили по всем островам, где они появлялись. Не следует забывать о том, что, не считая единичных изолированных племен, населявших первобытные леса, и некоторых отсталых народов, к 500 или 1 100 году нашей эры нигде во всем мире, кроме Америки, не существовало жизнеспособных цивилизаций, стоявших на уровне каменного века. А в Америке даже высокоразвитые индейские цивилизации совершенно не знали железа и пользовались каменными топорами и орудиями того же самого типа, какие были в употреблении на островах Южного моря ко времени их открытия.

Эти многочисленные индейские цивилизации были ближайшими соседями полинезийцев на востоке. На западе жили только чернокожие первобытные племена Австралии и Меланезии, отдаленные родственники негров, а дальше за ними находились Индонезия и побережье Азии, где люди вышли из каменного века, вероятно, раньше, чем в любой другой части земного шара.

Я стал все меньше и меньше интересоваться Старым Светом, где так много ученых искали предков полинезийцев и ни один не нашел их, и перенес свое внимание на изученные и неизученные индейские цивилизации в Америке, которые раньше никем не принимались в соображение. И на ближайшем в восточном направлении материке, там, где сейчас находится южноамериканская республика Перу, расположенная вдоль побережья Тихого океана и в прилегающей горной области, не было недостатка в очень интересных следах, стоило только задаться целью поискать их. Здесь когда-то жил и создал одну из самых оригинальных в мире цивилизаций какой-то неизвестный народ, который затем, в давние времена, неожиданно исчез, словно сметенный с лица земли. Он оставил после себя огромные каменные статуи, напоминающие человеческие существа, которые походили на изваяния, обнаруженные на острове Питкэрне, Маркизских островах и острове Пасхи, и высокие пирамиды, воздвигнутые уступами, как на Таити и Самоа. Каменными топорами эти люди высекали в горах глыбы камня величиной с товарный вагон, перетаскивали их на расстояние нескольких миль в долины, ставили их стоймя или друг на друга, создавая ворота, высокие стены террасы – в точности такие, какие мы находим на некоторых островах Тихого океана.

В этой горной стране к тому времени, когда первые испанцы появились в Перу, индейцы-инки создали свою великую империю. Они рассказывали испанцам, что грандиозные памятники, возвышающиеся в безлюдных долинах, были воздвигнуты народом белых богов, который жил здесь до того, как господство над страной перешло к самим инкам. Про этих исчезнувших зодчих инки говорили, что то были мудрые миролюбивые наставники, которые, на заре истории, пришли откуда-то с севера и научили их первобытных предков строительному искусству и земледелию, а также передали им свои обычаи и нравы. Они не походили на других индейцев, так как у них была белая кожа и длинные бороды. Ростом они были выше инков. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и появились там; власть в стране перешла в руки инков, а белые учителя навсегда оставили берега Южной Америки и исчезли где-то на западе, среди Тихого океана.

И вот, когда европейцы появились на островах Тихого океана, они очень удивились, обнаружив, что многие местные жители имели почти белую кожу и бороду. На ряде островов можно было встретить целые семьи, которые отличались исключительно белой кожей, светлыми – от рыжеватых до белокурых – волосами, голубовато-серыми глазами и лицами с крючковатым носом почти семитического типа.

Остальные полинезийцы обладали золотисто-коричневой кожей, черными волосами и

плоскими бесформенными носами. Рыжеволосые жители называли себя *урукеху* и говорили, что они являются прямыми потомками первых вождей островов, которые были белыми богами и носили имя Тангароа, Кане и Тики. Легенды о таинственных белых людях, от которых когда-то произошли островитяне, распространены по всей Полинезии. Когда в 1722 году Роггевеен³ открыл остров Пасхи, он, к своему удивлению, обнаружил среди собравшихся на берегу жителей «белых». А сами жители острова Пасхи могли пересчитать своих предков, обладавших белой кожей, вплоть до времен Тики и Хоту Матуа, когда те впервые приплыли по океану «из гористой страны на востоке, которая была спалена солнцем».

Продолжая свои поиски, я обнаружил в культуре, мифологии и языке жителей Перу изумительные факты, которые побудили меня с еще большей настойчивостью заняться выяснением вопроса о том, откуда был родом полинезийский бог Тики.

И я нашел то, что искал. Однажды я сидел за чтением легенд инков о солнце-короле Виракоча, который был верховным повелителем исчезнувших белых людей в Перу. Я прочел:

«Виракоча он назывался на языке инков (кечуа), и, следовательно, это имя сравнительно недавнего происхождения. Первоначальное имя бога-солнца Виракоча, которое в старину, по-видимому, чаще употреблялось в Перу, было Кон-Тики или Илла-Тики, что означает Солнце-Тики или Огонь-Тики. Кон-Тики был верховным жрецом и солнцем-королем «белых людей» из легенд инков, тех людей, которые оставили после себя гигантские развалины на берегах озера Титикака. Легенда рассказывает, что на Кон-Тики напал вождь по имени Кари, который пришел из долины Кокимбо. В сражении на одном из островов на озере Титикака таинственные белые бородатые люди были перебиты, но сам Кон-Тики и его ближайшие соратники спаслись и добрались до берегов Тихого океана, откуда они впоследствии исчезли, отправившись куда-то на запад за океан».

Я больше не сомневался в том, что белый вождь – бог Солнце-Тики, по рассказам инков изгнанный их предками из Перу, был не кто иной, как белый вождь – бог Тики, сын солнца, которого жители всех островов восточной части Тихого океана называют праотцем своего народа. Многие подробности из жизни Солнце-Тики в Перу, с древними названиями окрестностей озера Титикака, снова воскресли в исторических легендах, распространенных среди местного населения тихоокеанских островов.

Однако повсюду в Полинезии я находил указания на то, что миролюбивый народ Кон-Тики не смог один долго удерживать в своих руках господство на островах. Указания на то, что связанные попарно военные мореходные суда – такой же примерно величины, как корабли викингов, – доставили северо-западных индейцев по океану на Гавайские острова и дальше на юг, на все остальные острова. Они смешались с народом Кон-Тики и принесли новую цивилизацию в островное царство. Это был второй народ каменного века, появившийся в Полинезии около 1 100 года и не знавший ни металла, ни гончарного искусства, ни колес и веретена, ни зерновых культур.

Итак, я занимался раскопками в Британской Колумбии, отыскивая рисунки на камне в древнем полинезийском стиле в местах, где жили северо-западные индейцы. В это время немцы вторглись в Норвегию.

Напра-во, нале-во, кру-гом. Мытье лестниц в казарме, чистка ботинок, школа радиосвязи, парашют и, наконец, Мурманский конвой⁴ и плавание к берегам Финмаркена⁵,

³ Якоб Роггевеен – голландский мореплаватель (1669–1733), совершивший несколько путешествий в южную часть Тихого океана. Во время одного из них им был открыт остров Пасхи, получивший свое название оттого, что день его открытия совпал с днем церковного праздника пасхи. Есть сведения, что ранее, в 1687 году, этот остров открыл английский пират Девис.

⁴ Мурманский конвой – во время Великой Отечественной войны так называли караваны судов, которые через северную часть Атлантического океана под охраной военных кораблей доставляли грузы из США в Мурманск. У берегов Кольского полуострова в охране этих караванов от нападений немцев принимала участие

где в течение всей беспросветной зимы в отсутствие солнца-бога царил бог военной техники.

Наступил мир. И вот пришел день, когда я закончил обоснование своей теории. Я должен вынести ее на обсуждение специалистов-ученых. Для этого надо ехать в Америку.

Глава 2 РОЖДЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Среди специалистов. – Камень преткновения. – В Доме моряков. – Последнее средство. – Клуб путешественников. – Новое снаряжение. – Я нахожу товарища. – Триумвират. – Один художник и два участника Сопротивления. – В Вашингтоне. – Совецание в военном министерстве. – В интендантское управление со списком пожеланий. – Финансовые проблемы. – Среди дипломатов в ООН. – Мы летим в Эквадор.

Итак, это началось у костра на острове Южного моря, где сидел старый полинезиец, рассказывая легенды и истории из жизни своего племени. Много лет спустя я сидел с другим стариком, на этот раз в темном кабинете на одном из последних этажей большого нью-йоркского музея.

Вокруг нас в хорошо смонтированных стеклянных витринах лежали глиняные черепки давно прошедших, но уже изученных времен – путеводные нити в туманной древности. Стены были заставлены также книгами. Едва ли больше десяти человек прочли некоторые из них. Старик, который прочел все эти книги, а кое-какие из них написал, сидел за письменным столом – седой, добродушный старик. Но сейчас я, без сомнения, больно задел его, так как он испуганно вцепился в подлокотники своего кресла с таким выражением лица, словно я спутал все его карты.

– Нет! – произнес он, – Никогда!

Такой вид имел бы, вероятно, дед Мороз, если бы кто-нибудь осмелился при нем утверждать, что в следующем году рождество будет в Иванов день⁶.

– Вы не правы, совершенно не правы, – повторял он и негодуяше тряс головой, как бы отмахиваясь от нелепой идеи.

– Но вы еще не прочли моих доводов, – настаивал я, с надеждой указывая на рукопись, лежавшую на столе.

– Доводы! – воскликнул он. – Вы не имеете права относиться к этнографическим проблемам, как к детективной тайне!

– Почему нет? – спросил я. – Все мои выводы основаны на моих собственных

советская авиация.

⁵ Финмаркен – северная провинция Норвегии, граничащая с СССР.

⁶ Иванов день – 23 июня, день летнего солнцестояния.

наблюдениях и на фактах, описанных в науке.

– Задачи науки – чистое и не приукрашенное исследование, – спокойно сказал старик. – А не попытка доказать то или иное.

Он осторожно отодвинул нераскрытую рукопись в сторону и склонился над столом.

– Совершенно правильно, что Южная Америка была родиной некоторых самых любопытных древних цивилизации и что мы не знаем, кто были эти люди и куда они исчезли после пришествия к власти инков. Но одно мы знаем наверно – ни один из народов Южной Америки не переселился на острова Тихого океана.

Он испытующе посмотрел на меня и продолжал:

– И знаете почему? Ответ очень прост. Они не могли попасть туда. У них не было лодок!

– Но у них были плоты, – нерешительно возразил я. – Вы знаете, плоты из бальсового дерева⁷.

Старый ученый улыбнулся и спокойно сказал:

– Ну, попытайтесь совершить путешествие из Перу к островам Тихого океана на плоту из бальсовых деревьев.

Я не нашелся, что возразить. Становилось поздно. Мы оба встали. Старый ученый, прощаясь, добродушно похлопал меня по плечу и сказал, что всегда готов к моим услугам, если мне понадобится помощь.

Но в будущем я должен специализироваться либо на Полинезии, либо на Америке и не смешивать двух различных антропологических областей. Он снова склонился над столом.

– Вы забыли это, – произнес он и протянул мою рукопись.

Я бросил взгляд на название: «Полинезия и Америка; исследование доисторических связей». Я сунул рукопись под мышку, уныло побрел вниз по лестнице и, выйдя на улицу, смешался с толпой.

В этот вечер я Отправился в один из тихих закоулков в Гринвич Вилледж⁸ и постучался у дверей старого одноэтажного дома. Я любил приходить сюда со своими маленькими проблемами, когда чувствовал, что они начинают лишать меня душевного равновесия.

Щуплый человек с длинным носом чуть-чуть приоткрыл дверь, а затем с широкой улыбкой на лице распахнул ее настежь и буквально втащил меня в дом. Он провел меня прямо в маленькую кухню и сразу же впряг в работу, заставив носить тарелки и вилки, между тем как он сам удваивал порцию какого-то кушанья, которое, издавая аппетитный запах, жарилось на газовой плите.

– Очень мило, что вы зашли. Как дела?

– Отвратительно, – ответил я. – Никто не хочет читать рукопись.

Он разложил свою струю по тарелкам, и мы принялись за еду.

– Похоже на то, – заметил он. – что все, у кого вы были, считают вашу идею преходящей фантазией. Знаете, здесь, в Америке часто сталкиваешься со множеством самых курьезных идей.

– Дело не только в этом, – сказал я.

– Конечно, – согласился хозяин. – И в нашем подходе к вопросу. Они специалисты все без исключения и они не верят в метод работы, который вторгается во все специальности – от ботаники до археологии. Они ограничивают поле своей деятельности, чтобы не

⁷ Бальса (исп.) – в Южной Америке так называют плоты разной формы, изготовленные из дерева, бамбука, тростника. Бальсовое дерево – дерево с легкой древесиной, охрома (*Ochroma lagopus*), реже сейба (*Seiba*), из которых обычно делают плоты и долбленые челноки. Древесина охромы в высушенном виде легче пробки, но очень прочна и применяется для самолетов и как изоляционный материал.

⁸ Гринвич Вилледж – деревня на острове Манхэттэн, впоследствии вошедшая в состав Манхэттэнского района Нью-Йорка.

разбрасываться и углубленно изучать вопрос во всех подробностях. Современная наука требует, чтобы каждая специальность рылась в своей собственной ямке. Никто не привык заниматься разборкой и сопоставлением того, что добыто из разных ямок.

Он встал и извлек объемистую рукопись.

– Взгляните, – сказал он. – Моя последняя работа об изображении птиц на вышивках китайских крестьян отняла у меня семь лет, но ее сразу приняли для опубликования. В наши дни спрос на монографии.

Карл был прав. Но разрешить проблемы Тихого океана без всестороннего освещения их мне казалось так же невозможным, как разобраться в сложной шахматной позиции, учитывая движения фигур только своего цвета.

Мы убрали со стола, и я стал помогать Карлу вытирать посуду после мытья.

– Из Чикагского университета ничего нет?

– Ничего.

– А что вам сказал сегодня ваш старый приятель в музее?

Я ответил, с трудом подбирая слова:

– Он совершенно не заинтересовался. Он сказал: так как у индейцев были только простые плоты, нечего и думать о том, что они могли открыть острова Тихого океана.

Маленький человечек вдруг с яростью принялся вытирать тарелку.

– Да, – заговорил он наконец. – По правде говоря, мне это тоже кажется практическим возражением против вашей теории.

Я уныло взглянул на маленького этнографа, которого считал своим верным союзником.

– Не поймите меня ложно, – поторопился добавить он. – Я думаю, что вы правы, но вместе с тем все так неясно. Моя работа о вышивках подтверждает вашу теорию.

– Карл, – сказал я, – я абсолютно уверен, что индейцы переплыли Тихий океан на своих плотах, и готов сам построить такой плот и переплыть океан только для того, чтобы доказать, что это возможно.

– Вы с ума сошли!

Мой друг принял это за шутку и даже засмеялся от такой чудовищной мысли.

– Вы с ума сошли! На плоту?

Он не находил слов и лишь смотрел на меня с сомнением, как бы ожидая, что я вот-вот улыбнусь в знак того, что я пошутил.

Он не дождался улыбки. Я понял теперь, что в самом деле никто не согласится с моей теорией из-за того, что между Перу и Полинезией простирается беспредельный океан, для преодоления которого я ничего не мог предложить, кроме доисторического плота.

Карл неуверенно смотрел на меня.

– Теперь мы выйдем и выпьем по стаканчику, – предложил он.

Мы вышли и выпили по четыре.

К концу недели истек срок квартирной платы. В это время я получил письмо из норвежского банка, извещавшее меня в том, что он не может больше переводить мне доллары – валютные ограничения. Я захватил свой чемодан и сел в метро, которое доставило меня в Бруклин. Там я поселился в Доме норвежских моряков, где хорошо и обильно кормили, а цены соответствовали содержанию моего бумажника. Я получил маленькую комнату во втором этаже, но питался вместе со всеми моряками в большой столовой внизу.

Моряки приходили и уходили. Они отличались друг от друга по типу, по росту и по степени трезвости, но у всех у них было одно общее качество – когда они говорили о море, они знали, о чем говорят. Я узнал, что величина волн и бурность моря не зависят от глубины моря и расстояния от берега. Напротив, вблизи от берега штормы часто бывают опаснее, чем в открытом море. На мелководье, вдоль берега, где проходят местные течения или заканчиваются океанские, море часто бывает более бурным, чем вдали от суши. Судно, пригодное для плавания вдоль открытого берега, сможет выдержать и далекое плавание по океану. Я узнал также, что во время бури большие корабли часто зарываются в волны носом

или кормой так, что тонны воды обрушиваются на их палубу и, как тростинку, изгибают стальные трубы, между тем как маленькое судно нередко прекрасно выдерживает шторм, потому что оно без труда умещается между волнами и танцует на них, подобно чайке.

Я встретил здесь людей, которые в бурю благополучно спаслись в лодке после того, как их корабль пошел ко дну.

Но о плотках они знали мало. Плот – это не корабль, у него нет ни киля, ни фальшборта. Это просто плавучее средство, на котором спасаются при катастрофе и держатся на воде до тех пор, пока на помощь не подойдет какое-нибудь судно. Впрочем, один из моряков относился с уважением к плотам в открытом море; ему пришлось три недели проплыть на плоту, когда немецкая торпеда потопила его корабль среди Атлантического океана.

– Но вы не можете управлять плотом, – добавил он. – Он движется в сторону и назад или крутится по воле ветра.

Я откопал в библиотеке отчеты, составленные первыми европейцами, побывавшими на тихоокеанском побережье Южной Америки. Там оказалось немало рисунков и описаний больших индейских плотов из бальсового дерева. У них был четырехугольный парус, что-то вроде киля и длинное рулевое весло на корме. Значит, ими можно было управлять.

Проходили недели, а я все еще жил в Доме моряков. Никакого ответа ни из Чикаго, ни из других городов, куда я послал экземпляры своей рукописи. Никто не прочел ее.

Как-то в субботу я собрался с духом и отправился на Уотер-стрит в магазин морских инструментов и карт. Там меня вежливо называли «капитаном», пока я выбирал навигационную карту Тихого океана. Со свернутой в трубку картой под мышкой я сел в пригородный поезд, идущий в Оссининг⁹, где в очаровательном загородном доме жила молодая норвежская чета, у которой я постоянно проводил конец недели. Муж был раньше морским капитаном, а теперь заведовал нью-йоркской конторой пароходной компании «Фред Ульсен».

После купания в бассейне для плавания все городские дела были забыты, и когда Амбьерг принесла поднос с коктейлем, мы уселись на лужайке на солнцепеке. Я больше не мог сдерживаться и, расстелив на траве карту, спросил Вильгельма, возможно ли, по его мнению, чтобы люди могли благополучно добраться на плоту из Перу на острова Полинезии.

Несколько опешив, он смотрел больше на меня, чем на карту, но тут же дал утвердительный ответ. У меня словно гора свалилась с плеч: я знал, что все, имеющее отношение к кораблевождению и к плаванию на парусах, было не только специальностью, но и любимым коньком Вильгельма. Я немедленно посвятил его в свои планы. К моему удивлению, он категорически заявил, что это чистейшее безумие.

– Но вы только сейчас сказали, что считаете это возможным, – перебил я.

– Совершенно правильно, – согласился Вильгельм. – Но столь же велики шансы и на то, что дело кончится плохо. Сами вы никогда не плавали на бальсовом плоту и воображаете, что по мановению волшебной палочки он перенесет вас через Тихий океан. Может быть, да, а может быть, и нет. Древние индейцы Перу опирались на опыт поколений. Кто знает, может быть, на каждый плот, переплывший океан, приходилось десять плотов, которые пошли ко дну, а может быть, и сотни на протяжении столетий. Как вы утверждаете, инки выходили в открытый океан целыми флотилиями этих бальсовых плотов. Тогда, если с одним из плотов случалась беда, потерпевших могли подобрать с соседних. Но кто сможет подобрать вас посреди океана? Если даже вы захватите с собой радиостанцию на случай катастрофы, не думайте, что будет легко найти маленький плот среди волн за тысячи миль от берега. Во время шторма вас может смыть с плота, и вы успеете десять раз утонуть, прежде чем кто-нибудь доберется до вас. Лучше уж оставайтесь здесь и ждите, пока у ученых найдется время прочесть вашу рукопись. Напишите еще раз и пошевелите их; это самое лучшее, что

⁹ Оссининг – городок вблизи Нью-Йорка. Другое его название, Синг-Синг, более известно, так как тем же именем называется находящаяся в этом городе тюрьма, в которой содержались и содержатся ныне многие известные политические заключенные.

вы можете сделать.

– Я уже больше не могу ждать, – у меня скоро не останется ни цента.

– Вы можете переехать к нам. Коль скоро вы уж заговорили об этом, то как предполагаете вы снарядить экспедицию из Южной Америки без денег?

– Легче заинтересоваться экспедицией, чем не прочтенной рукописью.

– Но что это вам может дать?

– Опровержение одного из сильнейших аргументов против моей теории, не говоря о том, что в научных кругах обратят внимание на эту затею.

– Но если дело обернется плохо?

– Тогда я ничего не докажу.

– И тогда вы скомпрометируете вашу собственную теорию в глазах всех, не так ли?

– Может быть. Но, как вы сами сказали, одна из десяти попыток удавалась и до нас.

Из дому вышли дети, чтобы поиграть в крокет, и в тот день мы больше не возвращались к этому вопросу.

В следующую субботу я снова явился в Оссининг с картой под мышкой. А когда я уезжал, на карте была нанесена карандашом длинная линия от берегов Перу до островов Туамоту в Тихом океане. Мой друг капитан потерял надежду отговорить меня, и мы просидели несколько часов за расчетом возможной скорости движения плота.

– Девяносто семь дней, – сказал Вильгельм, – но помните, что это только при теоретических, идеальных условиях, при постоянном попутном ветре и предположении, что плот действительно, как вы думаете, может плыть под парусом. Вы должны положить на путешествие определенно не меньше четырех месяцев и быть готовы к тому, что оно продлится значительно дольше.

– Ладно, – оптимистически ответил я, – будем рассчитывать по меньшей мере на четыре месяца и проделаем плавание за девяносто семь дней.

Маленькая комната в Доме моряков показалась мне вдвое уютнее обычного, когда я в этот вечер вернулся домой и с картой в руках уселся на краю кровати. Я вымерил шагами площадь комнаты с точностью, какая была возможна при наличии кровати и комода. О да, плот должен быть значительно больше. Я высунулся из окна, чтобы взглянуть на далекое звездное небо большого города, которое можно было увидеть лишь прямо над головой между высокими стенами домов. На плоту, если и будет тесно, все же окажется достаточно простора для того, чтобы видеть над собой небо со всеми звездами.

На 72-й западной улице, недалеко от Центрального парка помещается один из самых замкнутых нью-йоркских клубов. Только маленькая, начищенная до блеска медная дощечка с надписью «Клуб путешественников» могла намекнуть прохожим, что в этом доме находится нечто необычное. Но, очутившись внутри, вы как бы совершали парашютный прыжок в какой-то особый мир, отстоявший на тысячи миль от нью-йоркских небоскребов и верениц автомобилей между ними. Когда за вами захлопывается дверь в Нью-Йорк, вы оказываетесь в атмосфере охоты на львов, альпинистских походов и полярных зимовок и в то же время чувствуете себя так, будто находитесь в салоне роскошной яхты, совершающей кругосветное плавание. Трофеи охоты на гиппопотамов и оленей, нарезные карабины, бивни, военные барабаны и копья, индейские ковры, идолы и модели кораблей, флаги, фотографии и карты окружают членов клуба, когда они собираются за обедом или слушают лекцию о далеких странах.

После моего путешествия на Маркизские острова я был избран действительным членом клуба и, как один из самых молодых членов, редко пропускал заседания, если только находился в Нью-Йорке. И вот теперь, когда дождливым ноябрьским вечером я вошел в клуб, меня очень удивил необычайный вид помещения. На полу посреди зала лежал надутый резиновый плот с пакетами аварийного запаса продуктов и всякого рода приспособлениями, а на столах и стенах лежали и висели парашюты, резиновые костюмы, спасательные куртки и полярное снаряжение вперемежку с приборами для перегонки воды и другими любопытными изобретениями. Вновь избранный член клуба, полковник Хаскин из

лаборатории снаряжения материальной части военно-воздушных сил, собирался прочесть лекцию и продемонстрировать ряд новых военных изобретений, которые, по его мнению, в будущем могли бы оказаться полезными для научных экспедиций и в северных и в южных широтах.

После лекции началась жаркая и веселая дискуссия. Известный датский полярный исследователь Петер Фрейхен¹⁰, высокий грузный мужчина, встал, скептически трясая своей длинной бородой. Он не верил в эти новомодные изобретения. Однажды во время экспедиции в Гренландию он сам пользовался резиновой лодкой и мешком-палаткой вместо эскимосского каяка¹¹ и иглу¹², и это чуть не стоило ему жизни. Прежде всего он чуть не погиб во время пурги из-за того, что «молния», скреплявшая полотнища входа, так замерзла, что он не смог даже залезть в палатку. А затем один раз, когда он рыбачил, крючок зацепился за надутую резиновую лодку; лодка была проколота и затонула под ним, как кусок тряпки. Ему и его другу эскимосу удалось на этот раз добраться до берега в каяке, который подоспел им на помощь. Он уверен, что ни один самый талантливый современный изобретатель не может, сидя в лаборатории, придумать что-нибудь лучшее по сравнению с тем, чем пользовались наученные опытом тысячелетий эскимосы у себя на родине.

Дискуссия окончилась неожиданным предложением полковника Хаскина. Действительные члены клуба могут для своих ближайших экспедиций выбрать все, что им угодно из новинок, которые он демонстрировал; единственное условие – они должны по возвращении сообщить в его лабораторию свое мнение об этих вещах. Этого мне и надо было. В тот вечер я последним покинул помещение клуба. Я должен был тщательно осмотреть все это внезапно свалившееся мне в руки новехонькое снаряжение, для получения которого мне достаточно было лишь изъявить свое желание. Это было как раз то, в чем я нуждался, – снаряжение, с помощью которого мы могли бы попытаться спастись, если вопреки ожиданиям наш деревянный плот стал бы обнаруживать признаки разрушения, а других плотов поблизости не окажется.

Наутро, сидя за завтраком в Доме моряков, я все еще был поглощен мыслями о виденном снаряжении, как вдруг хорошо одетый, атлетически сложенный молодой человек подошел со своим завтраком на подносе к моему столу и сел рядом. Мы начали непринужденно болтать; оказалось, что он тоже был не моряком, а дипломированным инженером из Тронхейма, приехавшим в Америку для покупки деталей машин и для практического ознакомления с техникой холодильного дела. Он жил неподалеку и часто приходил поесть в Дом моряков, так как здесь была хорошая норвежская кухня. Он спросил меня, что я делаю, и я вкратце ознакомил его с моими планами. Я сказал, что в том случае, если до конца недели не получу никакого определенного ответа по поводу моей рукописи, я начну готовиться к экспедиции на плоту. Мой собеседник почти не задавал вопросов и слушал с большим интересом.

Через четыре дня мы опять встретились в той же столовой.

– Ну, как вы решили, отправляетесь в путешествие или нет? – спросил он.

– Да, – ответили. – Отправляюсь.

– Когда?

– Как можно скорей. Если я надолго задержусь, из Антарктики задуют штормы, да и на

¹⁰ Фрейхен Петер – датчанин, известный полярный исследователь. Родился в 1886 году, получил медицинское образование, с 1905 по 1924 год участвовал в ряде очень тяжелых экспедиций в Гренландию. Во время последней экспедиции 1921–1924 годов отморозил себе ногу, которую пришлось ампутировать. Провел много лет в Гренландии; первой его женой была гренландская эскимоска. Им написано несколько интересных книг о Гренландии и эскимосах (есть русские переводы).

¹¹ Каяк – эскимосская лодка, легкий ее каркас обтянут кожей морского зверя.

¹² Иглу – эскимосская хижина, которую складывают из прямоугольных кусков твердого снега.

островах наступит пора ураганов. Я должен отплыть из Перу в ближайшие месяцы, но сначала мне нужно достать деньги и организовать все дело.

– Сколько человек будет с вами?

– Я думаю, что всего нужно шесть человек; тогда на плоту нас будет достаточно, чтобы не надоесть друг другу; к тому же это удобное число для четырехчасовых вахт у руля в течение суток.

Несколько секунд он стоял, как будто обдумывая что-то, затем горячо заговорил:

– Черт возьми, как мне хочется поехать с вами! Я мог бы взять на себя технические измерения и метеорологические наблюдения. Конечно, вы должны будете подкрепить свой эксперимент точными измерениями силы и направления ветров, течений и величины волн. Не забудьте, что вам предстоит пересечь огромные пространства океана, о которых практически ничего не известно, так как они находятся в стороне от обычных морских путей. Такая экспедиция, как ваша, может провести интересные гидрографические и метеорологические исследования: я смогу с пользой применить свои знания термодинамики.

Я ничего не знал об этом человеке, кроме того, о чем могло сказать его открытое лицо. Оно могло сказать о многом.

– Идет, – произнес я. – Мы отправляемся вместе.

Его звали Герман Ватсингер. Он был такой же горе-моряк, как и я.

Несколько дней спустя я привел Германа в качестве моего гостя в Клуб путешественников. Там мы сразу же наткнулись на полярного исследователя Петера Фрейхена. Фрейхен обладал счастливым свойством никогда не теряться в толпе. Высокий и широкий, как дверь сарая, со всклокоченной бородой, он казался посланцем бескрайней тундры. Его окружала какая-то особая атмосфера – словно он все время идет по следу медведя-гризли.

Предварительное обсуждение планов экспедиции в Клубе путешественников в Нью-Йорке. Справа налево: исследователь Гренландии Петер Фрейхен, автор книги, Герман Ватсингер и вождь клана Фергюс.

Мы подвели его к большой карте, висевшей на стене, и рассказали о нашем плане переплыть Тихий океан на индейском плоту. Он широко раскрыл свои мальчишеские голубые глаза, отчего они стали совершенно круглыми, и все время дергал себя за бороду, слушая наш рассказ. Потом он топнул своей деревянной ногой об пол и потуже затянул ремень.

– Проклятие! Я хотел бы, ребята, отправиться с вами!

Старый путешественник по Гренландии наполнил наши кружки пивом и принялся рассказывать о своей вере в суда первобытных народов, в способность этих людей передвигаться по суше и по морю, применяясь к природным условиям. Ему самому приходилось спускаться на плоту по большим сибирским рекам и, плавая на корабле вдоль арктических берегов, тащить на буксире плоты местных жителей. Рассказывая, он дергал себя за бороду и в заключение выразил уверенность, что мы получим от нашего путешествия большое удовольствие.

Благодаря горячей поддержке Фрейхена дело завертелось с устрашающей скоростью, и вскоре о нем заговорила скандинавская печать. Уже на следующее утро раздался сильный стук в дверь моей комнаты в Доме моряков. Меня звали к телефону в нижний коридор. В результате разговора в тот же вечер Герман и я позвонили у подъезда одного из домов в фешенебельном квартале Нью-Йорка. Нас принял прекрасно одетый молодой человек в лакированных домашних туфлях и шелковом халате поверх синего костюма. Он производил впечатление чуть ли не неженки, когда, прижимая к носу надушенный платок, просил извинения за свою простуду. Однако мы знали, что этот парень прославился в Америке своими подвигами в качестве летчика во время войны. Кроме невозмутимого на вид хозяина, там были еще два энергичных молодых журналиста, обуреваемых жаждой деятельности и идеями. Одного из них мы знали как талантливого корреспондента.

За бутылкой хорошего виски наш хозяин объяснил, что заинтересовался нашей экспедицией. Он предложил раздобыть необходимые средства при условии, что мы примем на себя обязательство писать о путешествии в газеты, а по возвращении совершить поездку по разным городам с лекциями. К концу свидания мы договорились и выпили за успешное сотрудничество между теми, кто финансирует экспедицию и кто участвует в ней. Теперь все экономические проблемы должны были быть разрешены; ими займутся наши компаньоны, и мы можем больше не беспокоиться. Герман и я должны сейчас же приступить к подбору экипажа и снаряжения, построить плот и отправиться в путь до наступления периода штормов.

На следующий день Герман уволился с работы, и мы всерьез взялись за дело. При посредстве Клуба путешественников я уже успел заручиться согласием исследовательской лаборатории материальной части военно-воздушных сил снабдить нас всем, что я попрошу; руководители лаборатории считали, что такая экспедиция, как наша, прекрасно подходит для испытания их снаряжения. Это было хорошее начало.

Теперь наши важнейшие задачи состояли в том, чтобы найти четырех подходящих людей, готовых отправиться с нами на плоту, и раздобыть продовольствие для путешествия.

Подбирать людей, которым предстояло вместе плавать по океану на плоту, нужно было очень тщательно. Иначе после месячного пребывания в открытом море могли бы возникнуть всякие неприятности и ссоры. Я не хотел комплектовать команду плота из моряков: они вряд ли знали больше нас о том, как надо управлять плотом, а впоследствии, если бы нам удалось довести дело до конца, могли бы начаться разговоры, что мы достигли успеха, возможно, лишь потому, что были лучшими моряками, чем древние строители плотов в Перу. Все же на плоту следовало иметь одного человека, который умел бы, во всяком случае, пользоваться секстантом и отмечать наш курс на карте; это было необходимо для научных отчетов.

– Я знаю художника, – сказал я Герману. – Это высокий, здоровенный парень, который умеет играть на гитаре и брызжет весельем. Он окончил мореходное училище и несколько раз плавал вокруг света до того, как засел дома с кистью и палитрой. Я знаю его с детства, и

мы часто совершали с ним туристские походы по горам на родине. Я напишу ему; я уверен, что он приедет.

– Он вполне подойдет, – согласился Герман, – а затем нам нужен человек, знакомый с радио.

– С радио! – в ужасе воскликнул я, – на черта оно нам сдалось? Ему не место на доисторическом плоту.

– Неверно, это мера предосторожности, которая не повредит вашей теории, если нам не придется посылать сигналы бедствия и просить о помощи. А радио нам понадобится для передачи метеорологических наблюдений и других сведений. К тому же мы не сможем использовать радио для приема предупреждений о штормах, так как для этой части океана таких предупреждений не бывает, а если бы и были, какую пользу смогут они принести нам на плоту?

Его доводы постепенно сломали все мои возражения, которые были основаны главным образом на моей нелюбви ко всяким кнопкам и крутящимся ручкам.

– Как это ни странно, – признался я, – но у меня большие знакомства с людьми, имеющими отношение к радиосвязи на большие расстояния. Во время войны я был зачислен в подразделение радиосвязи – «по специальности», должно быть. Я обязательно напишу Кнуту Хаугланду и Торстейну Робю.

– Вы с ними знакомы?

– Да. С Кнутом я впервые встретился в Англии в 1944 году. Англичане наградили его орденом за участие в парашютном десанте, который предотвратил попытки немцев создать атомную бомбу: он был радистом в группе участников Сопротивления, совершившей диверсионный акт по уничтожению в Рjukan запасов тяжелой воды¹³. Когда я встретился с ним, он только что вернулся с другой операции в Норвегии; гестапо накрыло его с тайным передатчиком, спрятанным в дымоходе родильного дома в Осло. Нацисты его запеленговали, и все здание было окружено немецкими солдатами с пулеметами против каждой двери. Фемер, начальник гестапо, сам находился во дворе, ожидая, когда приволокут Кнута. Но приволокли его собственных людей. Кнут с помощью револьвера пробился от чердака до подвала, а оттуда – на задний двор и исчез за больничной стеной, преследуемый градом пуль. Я встретился с ним на секретной станции в старинном английском замке, он вернулся для организации подпольной связи между сотней передающих станций в оккупированной Норвегии.

Сам я только что закончил парашютную практику, и мы собирались вместе спрыгнуть в Нордмарке, около Осло. Но как раз в это время русские вступили в район Киркенеса, и небольшой норвежский отряд был направлен из Шотландии в Финмаркен на смену, если можно так выразиться, целой русской армии. И я был послан туда. Там я встретился с Торстейном.

В тех местах была еще настоящая арктическая зима, и северное сияние мерцало на звездном небе над нами. День и ночь стояла кромешная тьма. Когда мы проходили по пепелищам сожженного района Финмаркена, посиневшие от холода и закутанные в меховую одежду, из маленькой хижины, расположенной в горах, вылез веселый парень с голубыми глазами и жесткими светлыми волосами. То был Торстейн Робю. В начале войны он убежал в Англию и прошел там курс обучения; потом его тайно перебросили в Норвегию, куда-то под Тромсё. Он скрывался с маленьким передатчиком где-то вблизи от линкора «Гирпиц» и в течение десяти месяцев ежедневно сообщал в Англию обо всем, что происходило на борту корабля. Он отправлял донесения ночью, присоединяя свой тайный передатчик к приемной антенне, установленной немецким офицером. Его регулярными донесениями и

¹³ Тяжелая вода – окись дейтерия, то есть тяжелого изотопа водорода; содержится в небольшом количестве в обыкновенной воде. Применяется в производстве атомных бомб в атомном котле в качестве замедлителя реакции наравне с графитом. Рjukan – город в южной Норвегии, в провинции Телемарк, с населением около 8 тысяч; после войны здесь вновь построен завод для производства тяжелой воды.

руководствовались английские бомбардировщики, которые в конце концов покончили с «Тирпицем».

Торстейн убежал в Швецию, оттуда опять перебрался в Англию, а затем с новым радиопередатчиком спрыгнул на парашюте в тылу у немцев в пустынном районе Финмаркена. Когда немцы отступили, он оказался у нас в тылу и вышел из своего убежища, чтобы помочь нам своей маленькой радиоустановкой, так как наша мощная радиостанция была выведена из строя миной. Готов держать пари, что и Кнуту и Торстейну надоело сейчас болтаться дома, и оба они будут рады отправиться в небольшую прогулку на деревянном плоту.

– Напишите и предложите им, – посоветовал Герман.

Итак, я написал короткие письма, без всяких прикрас, Эрику, Кнуту и Торстейну: «Собираюсь переплыть Тихий океан на деревянном плоту в подтверждение теории о том, что острова Южного моря были заселены из Перу. Не хотите ли принять участие? Я гарантирую только бесплатный проезд до Перу и до островов Южного моря и обратно: во время путешествия вы найдете хорошее применение своим техническим талантам.

Отвечайте немедленно».

На следующий день от Торстейна пришла такая телеграмма:

«Еду. Торстейн».

Двое других также сообщили о своем согласии.

В качестве шестого участника мы намечали то одного, то другого, но всякий раз возникали какие-нибудь препятствия. Тем временем Герману и мне надо было заняться вопросом о продовольствии. Мы не собирались во время путешествия питаться вяленным мясом лам или сушеными клубнями кумара¹⁴, так как не имели в виду доказать, что когда-то мы сами были индейцами. Мы намеревались испытать возможности и свойства плота инков, его пригодность к плаванию в море и грузоподъемность и выяснить, удастся ли ему – с нами на борту – благополучно переплыть по воле стихий океан и добраться до Полинезии. Наши предшественники индейцы могли, конечно, прожить на плоту на сушеном мясе и рыбе и сушеных клубнях кумара, так как этими продуктами они питались и на берегу. Но мы предполагали выяснить, повторив их путешествие, удавалось ли им во время плавания по океану добывать для себя свежую рыбу и пользоваться дождевой водой. Что касается нашего собственного питания, то я рассчитывал на простой полевой рацион, знакомый нам по войне.

Как раз в это время в Вашингтон приехал новый помощник норвежского военного атташе. Я исполнял обязанности его заместителя, когда он командовал ротой в Финмаркене, и знал, что это был «огненный смерч», который с бешеной энергией брался за решение любой задачи, поставленной перед ним. Бьёрн Рёрхолт принадлежал к тому типу людей, которые чувствуют себя совершенно растерянными, если, покончив с одним трудным делом, они не принимают сразу за новое.

Я обрисовал ему в письме наше положение и попросил его пустить в ход свой тонкий нюх и разузнать, не найдется ли в управлении снабжения американской армии какого-нибудь человека, с которым можно было бы установить связь. Шансы на успех заключались в том, что военная лаборатория разрабатывала новые полевые рационы, которые мы могли бы испытать, как мы собирались испытать снаряжение для лаборатории военно-воздушных сил.

Два дня спустя Бьёрн позвонил нам по телефону из Вашингтона. Он переговорил в отделе внешних связей американского военного министерства, и там были не прочь узнать, в чем дело. С ближайшим поездом Герман и я выехали в Вашингтон.

Мы застали Бьёрна в его кабинете в военной миссии.

– Думаю, все будет в порядке, – сказал он. – Нас примут в отделе внешних связей завтра, как только мы получим соответствующее письмо от полковника.

«Полковник» – это был Отто Мунте-Кос, норвежский военный атташе. Узнав, в чем

¹⁴ Кумара (или кумера) – название сладкого картофеля, или батата, в Южной Америке и Полинезии.

дело, он отнесся к нам очень доброжелательно и охотно согласился дать соответствующее рекомендательное письмо.

Когда на следующее утро мы пришли за письмом, он неожиданно встал и заявил, что лучше будет поехать ему с нами. В автомобиле полковника мы покатали к Пентагону, самому большому зданию в мире, где находятся управления военного министерства. Полковник и Бьёрн в полной парадной форме сидели спереди, а Герман и я устроились сзади и смотрели сквозь переднее стекло на огромное здание Пентагона, возвышавшееся на площади перед нами. Это грандиозное здание с тридцатью тысячами чиновников и с двадцатью шестью километрами коридоров должно было стать местом предстоящего «совещания по вопросу о плоте» с высокопоставленными представителями военного министерства. Никогда ни раньше, ни впоследствии не казался Герману и мне наш плот таким безнадежно маленьким.

После бесконечных странствий по лестницам и коридорам мы добрались до дверей отдела внешних связей и вскоре, окруженные офицерами в новой, с иголки, форме, сидели за большим столом красного дерева; председательское место занимал сам начальник отдела внешних связей.

Суровый, широкий в кости офицер со значком Уэст-Пойнтской академии¹⁵, важно восседавший у конца стола, долго не мог сообразить, какое отношение может иметь американское военное министерство к нашему деревянному плоту. Но хорошо продуманная речь полковника и благоприятное впечатление, произведенное нашими ответами на град вопросов, заданных сидевшими вокруг стола офицерами, постепенно склонили его на нашу сторону, и он с интересом прочел письмо из лаборатории снаряжения материальной части военно-воздушных сил. Потом он встал, отдал своему штабу лаконичное распоряжение оказать нам помощь в соответствующих инстанциях и, пожелав нам пока что удачи, покинул комнату, где происходило совещание. Когда дверь за ним закрылась, молодой штабной капитан прошептал мне на ухо:

– Готов держать пари, вы получите все, что вам нужно. Это очень напоминает небольшую военную операцию и вносит какое-то разнообразие в нашу ежедневную канцелярскую рутину мирного времени; к тому же это даст возможность как следует, методически испытать снаряжение.

Отдел связей немедленно договорился о встрече с полковником Льюисом из экспериментальной лаборатории главного интендантского управления, и меня с Германом отвезли туда на автомобиле.

Полковник Льюис оказался приветливым великаном с фигурой спортсмена. Он тотчас вызвал к себе сотрудников, руководивших опытами в различных областях. Все они отнеслись к нам очень дружелюбно и немедленно предложили кучу всякого снаряжения, которое было бы желательно подвергнуть тщательному испытанию. Они превзошли все наши самые смелые ожидания, когда начали перечислять почти все, что только могло нам понадобиться, – от полевых рационов до мази от загара и не боящихся сырости спальных мешков. Затем они повели нас осматривать все эти предметы. Мы пробовали особые рационы в прекрасной упаковке; мы видели спички, которые зажигались и после того, как их опускали в воду, новые образцы примусов и бидоны для воды, резиновые мешки, специальную обувь, кухонную утварь и плававшие ножи и множество других вещей, необходимых для экспедиции.

Я взглянул на Германа. У него был вид примерного мальчика, который ходит с богатой тетей по магазину кондитерских изделий. Высокий полковник шел впереди, демонстрируя все эти восхитительные вещи, а когда обход был закончен, сотрудники лаборатории записали, что нам необходимо и сколько. Я думал, что сражение уже выиграно, и мечтал только о том, чтобы поскорее очутиться у себя в гостинице и, приняв горизонтальное

¹⁵ Военная академия, получившая свое название от города Уэст-Пойнт, в котором она находится.

положение, спокойно и мирно все обдумать. Тут высокий приветливый полковник неожиданно произнес:

– Ну, теперь надо пойти потолковать с шефом; он должен решить, можем ли мы дать вам все это.

Я почувствовал, что у меня оборвалось сердце. Итак, мы должны опять начать все сначала и снова пустить в ход свое красноречие, а одно небо знает, что за тип этот «шеф».

Оказалось, что шеф был офицер небольшого роста, державшийся чрезвычайно серьезно. Когда мы вошли к нему, он, сидя за письменным столом, окинул нас пронизывающим взглядом своих голубых глаз. Он предложил нам сесть.

– Ну, что хотят эти господа? – резко спросил он полковника Льюиса, не сводя с меня глаз.

– О, кое-какую мелочь, – поспешно ответил Льюис. Он в общих чертах объяснил суть нашей просьбы, а начальник терпеливо слушал, не шевельнув пальцем.

– А что они могут дать нам взамен? – спросил он, не проявляя никаких признаков удивления.

– Ну, – примирительно сказал Льюис, – мы надеемся, что участники экспедиции, вероятно, смогут дать отзыв о пригодности новых видов продовольствия и некоторых предметов снаряжения в тех тяжелых условиях, в каких они будут ими пользоваться.

Чрезвычайно серьезный офицер за письменным столом с лишенной всякой аффектации медлительностью откинулся в кресле, все еще не спуская с меня взгляда; я почувствовал, что проваливаюсь сквозь глубокое кожаное кресло, когда он холодно сказал:

– Я совершенно не понимаю, как могут они дать нам что-нибудь взамен.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Полковник Льюис поправлял свой воротничок, никто из нас не произнес ни слова.

– Впрочем, – неожиданно снова заговорил начальник, и теперь в уголках его глаз промелькнула легкая усмешка, – смелость и предприимчивость также идут в счет.

Полковник Льюис, пусть они получают все!

Чуть не задыхаясь от восторга, я сидел в автомобиле, который вез нас домой в гостиницу, как вдруг на Германа напал припадок судорожного смеха.

– Вам нехорошо? – с беспокойством спросил я.

– Нет, – ответил он, беззастенчиво смеясь, – но я подсчитал, что в продовольственных рационах, которые мы получим, будет шестьсот восемьдесят четыре банки ананасов, а это мое любимое блюдо.

Нужно сделать тысячу дел, и почти все – одновременно, чтобы шесть человек, деревянный плот и его груз своевременно очутились в определенном месте на перуанском побережье. А в нашем распоряжении три месяца и у нас нет лампы Аладдина.

Мы полетели в Нью-Йорк с рекомендательным письмом от отдела связей и встретились с профессором Бэре из Колумбийского университета. Он был председателем Комитета географических исследований военного министерства, и он нажал те кнопки, с помощью которых Герман, наконец, получил все ценные инструменты и аппараты, необходимые для научных измерений.

Затем мы полетели в Вашингтон, чтобы повидать адмирала Гловера из Гидрографического института морского министерства. Добродушный старый морской волк созвал всех своих офицеров и, познакомив их с Германом и мною, указал на висевшую на стене карту Тихого океана:

– Эти молодые люди интересуются нашими новейшими картами. Помогите им!

Колеса завертелись дальше, и английский полковник Ламсен созвал совещание британской военной миссии в Вашингтоне, чтобы обсудить наши дальнейшие задачи и шансы на благоприятный исход предприятия. Мы получили кучу хороших советов и набор английского снаряжения, которое было доставлено на самолете из Англии, чтобы мы испытали его во время путешествия на плоту. Английский военный врач оказался рьяным поборником таинственного «акульего порошка». Нам достаточно будет высыпать в воду

несколько щепоток порошка, если акула станет слишком нахальной, и она тотчас же исчезнет.

– Сэр, – вежливо спросил я, – мы можем положиться на этот порошок?

– Ну, – улыбаясь, произнес англичанин, – это именно то, что мы хотим выяснить!

Когда времени в обрез и приходится заменять поезд самолетом, а ноги автомобилем, тогда бумажник быстро становится тонким, как засушенный лист. После того как мы истратили деньги, полученные от продажи моего обратного билета в Норвегию, нам пришлось отправиться к нью-йоркским друзьям-компаньонам, чтобы привести в порядок финансовые дела. Там нас ждало неожиданное разочарование. Финансовый директор лежал в постели с температурой, а двое его товарищей были бессильны, пока он не поправится. Они не отказывались от нашего финансового соглашения, но в данное время они ничем не могли помочь. Они попросили нас на некоторое время отложить все дело – напрасная просьба, так как мы были не в состоянии остановить бесчисленные колесики, которые уже завертели на полную скорость. Теперь мы могли думать только о том, как бы не свалиться; останавливаться или тормозить было слишком поздно. Наши приятели-компаньоны согласились ликвидировать синдикат, чтобы дать нам возможность действовать быстро и независимо от них.

И вот мы идем по улице, а в карманах у нас по-прежнему пусто.

– Декабрь, январь, февраль, – считал Герман.

– На худой конец, март, – добавил я, – но в марте мы обязательно должны отплыть!

Все представлялось нам неопределенным, но одно было нам ясно. Наше путешествие имело серьезную цель, и мы не желали, чтобы нас ставили на одну доску с акробатами, которые спускаются по Ниагаре в пустых бочках или высиживают 17 дней на верхушке флагштока.

– Только не быть в зависимости от фирм, торгующих жевательной резинкой или кока-кола, – заявил Герман.

В этом вопросе мы были совершенно согласны.

Мы могли раздобыть норвежские кроны, но по эту сторону Атлантического океана они не решали проблемы. Мы могли обратиться с просьбой о субсидии, но вряд ли нам дали бы ее на доказательство спорной теории; в конце концов именно поэтому мы затеяли путешествие на плоту. Вскоре мы убедились, что ни газетные тресты, ни отдельные меценаты не решаются вложить деньги в предприятие, которое сами они и все страховые общества считали самоубийственным; но если мы вернемся живыми и невредимыми, тогда все будет по-иному.

Положение было довольно мрачным, и в течение многих дней мы не видели никакого выхода. Тогда на сцене снова появился полковник Мунте-Кос.

– Вы на мели, ребята, – сказал он. – Вот для начала чек. Я могу подождать, пока вы вернетесь с островов Южного моря.

Еще несколько человек последовали его примеру, и вскоре полученных нами займы сумм оказалось достаточно, чтобы мы могли снова взяться за дело без помощи посредников и других коммерсантов. Пора было лететь в Южную Америку и приступить к постройке плота.

Древние перуанские плоты строились из бальсового дерева, которое в сухом состоянии легче пробки. Бальсовые деревья растут в Перу, но только далеко от побережья, за Андами; поэтому во времена инков мореплаватели добирались вдоль берега до Эквадора и там рубили огромные бальсовые деревья у самого Тихого океана. Мы собирались поступить так же.

В наше время путешественник сталкивается с совершенно иными проблемами, чем во времена инков. В нашем распоряжении автомобили, и самолеты, и бюро путешествий; но чтобы дело не оказалось слишком легким, у нас зато имеются препятствия, называемые границами, на которых не в меру ретивые стражи с медными пуговицами проверяют вашу личность, перерывают ваш багаж и мучают вас бесконечными анкетами, если вы благополучно пройдете все предварительные испытания. Страх перед этими людьми с

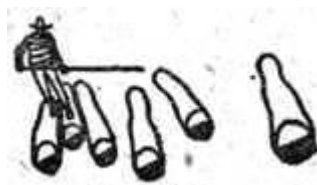
медными пуговицами заставил нас прийти к выводу, что мы не можем высадиться в Южной Америке с ящиками и чемоданами, полными странных вещей, и, вежливо раскланявшись, попросить на ломаном испанском языке разрешения построить плот и отплыть на нем. Нас, наверно, упрятали бы в тюрьму.

– Нет, – сказал Герман, – мы должны иметь официальное разрешение.

Один из наших приятелей из ликвидированного триумvirата был корреспондентом при Организации Объединенных Наций; он отвез нас туда на автомобиле. Когда мы вошли в большой зал заседаний, где представители всех народов сидели рядом на скамьях, все молча слушали горячую речь черноволосого русского, который стоял перед огромной картой мира, висевшей на стене. Эта сцена произвела на нас сильное впечатление.

Нашему приятелю-корреспонденту удалось во время перерыва завладеть одним из делегатов Перу, а затем одним из представителей Эквадора. Сидя в вестибюле на мягком кожаном диване, они внимательно выслушали наш проект переплыть океан с целью подтвердить теорию о том, что создатели древней цивилизации на их родине были первыми людьми, достигшими островов Тихого океана. Оба обещали информировать о нашем плане свои правительства и гарантировали нам содействие, когда мы прибудем в Перу и Эквадор. Проходивший через приемную Трюгве Ли, услышав, что мы его соотечественники, подошел к нам, и кто-то предложил ему отправиться с нами на плоту. Но для него было достаточно бурь и на суше. Помощник секретаря Организации Объединенных Наций, доктор Бенхамин Коен из Чили, известный археолог-любитель, дал мне письмо к президенту республики Перу, который был его личным другом. В вестибюле мы встретили также норвежского посла Вильгельма фон Мюнте-Моргенштерне, который с этого времени оказывал экспедиции неоценимую помощь.

Итак, мы купили два билета и полетели в Южную Америку. Когда четыре мощных мотора заревели один за другим, мы, совершенно обессиленные, откинулись в глубоких креслах. Трудно выразить словами то чувство облегчения, какое мы испытывали при мысли о том, что с первой частью программы покончено и что теперь мы движемся прямо навстречу приключениям.

Глава 3 В южной АМЕРИКЕ

Мы приземляемся на экваторе. – Проблема бальсовых деревьев. – На самолете в Кито. – Охотники за головами и «бандидис». – По Андам на «виллисе». – В джунглях. – В Киведо. – Мы рубим бальсовые деревья. – Вниз по реке Паленке на плоту. – Заманчивый военный порт. – У морского министра в Лиме. – Встреча с президентом Перу. – Появление Даниельсона. – Возвращение в Вашингтон. – Двенадцать килограммов документов. – Боевое крещение Германа. – Мы строим плот в военном порту. – Предостережения. – Накануне отплытия. – Плот назван «Кон-Тики». – Прощай, Южная Америка!

Как только самолет перелетел экватор, начался постепенный спуск сквозь

молочно-белые облака, которые раньше простирались под нами, подобно ослепительной снежной пустыне в сверкающих лучах солнца. Клочковатый туман липнул к окнам самолета, затем он рассеялся и повис над нашими головами в виде облаков, а внизу показалась ярко-зеленая волнистая поверхность джунглей. Мы летели над южноамериканской республикой Эквадор и приземлились в тропическом аэропорту Гуаякиль. С куртками, жилетами и пальто на руке, столь необходимыми накануне, мы вылезли из самолета и очутились в атмосфере теплицы; отвечая на приветствия разговорчивых южан в тропической одежде, мы чувствовали, как наши рубашки прилипали к спине, подобно мокрой бумаге. Таможенные и иммиграционные чиновники обнимали нас и чуть не на руках доставили до такси, на котором мы доехали до лучшей в городе, единственной хорошей гостиницы. Там каждый из нас поспешно отыскал свою ванну и, напустив холодной воды, залез в нее.

Мы прибыли в страну, где растут бальсовые деревья, и теперь нам предстояло закупить лес для постройки плота.

Первый день мы посвятили изучению денежной системы и нескольких испанских фраз, с помощью которых мы смогли бы найти дорогу обратно в гостиницу.

На второй день мы рискнули расстаться с ваннами и совершили несколько прогулок на постепенно увеличивавшиеся расстояния. И когда Герман удовлетворил свое детское желание потрогать настоящую пальму, а я наелся до отвала фруктами, мы решили заняться покупкой бальсовых деревьев.

К несчастью, это было легче сказать, чем сделать. Конечно, мы могли приобрести достаточное количество бальсовой древесины, но не в виде необходимых нам целых бревен. Прошли времена, когда бальсовые деревья рубили тут же на побережье. Последняя война с ними покончила; их валили тысячами и отправляли на авиационные заводы, так как это очень пористая и легкая древесина. Нам сообщили, что теперь крупные бальсовые деревья растут только в джунглях внутри страны.

– В таком случае мы должны отправиться внутрь страны и сами нарубить их, – сказали мы.

– Невозможно, – заявили авторитетные люди. – Период дождей уже начался, и все дороги в джунглях непроходимы из-за разлива рек и непролазной грязи. Если вам нужны бальсовые деревья, возвращайтесь в Эквадор через полгода; тогда дожди окончатся и дороги в джунглях просохнут.

Очутившись в безвыходном положении, мы отправились к дону Густаво фон Бухвальд, бальсовому королю Эквадора, и Герман развернул эскиз плота, на котором были указаны размеры необходимых нам бревен. Щуплый, небольшого роста бальсовый король, не теряя времени, схватился за телефонную трубку и разослал своих агентов на поиски. На любом лесопильном заводе имелись доски разной толщины и отдельные короткие бревна, но ни одного подходящего бревна они не смогли отыскать. На свалке у самого дона Густаво нашлись два больших бревна, сухих, как трут, но на них мы далеко не уехали бы. Было ясно, что поиски бесполезны.

– У моего брата большая плантация бальсовых деревьев, – сказал дон Густаво. – Его зовут дон Федерико, и он живет в Киведо, небольшом поселке среди джунглей. Он снабдит вас всем, что вам нужно, как только мы сможем связаться с ним по окончании дождей. Сейчас ничего не выйдет, так как в джунглях идут дожди.

Если дон Густаво сказал, что ничего не выйдет, то и все специалисты Эквадора по бальсовым деревьям также скажут, что ничего не выйдет. Итак, мы были в Гуаякиле без единого бревна для плота и не имели возможности поехать и самим срубить деревья; такая возможность появится только через несколько месяцев, когда будет уже слишком поздно.

– Время не терпит, – сказал Герман.

– И мы должны достать бальсовые деревья, – сказал я. – Плот должен быть точной копией, иначе мы вряд ли останемся в живых.

Маленькая школьная карта, которую мы достали в гостинице, с зелеными джунглями, коричневыми горами и красными кружочками населенных пунктов, рассказала нам, что

джунгли беспрерывно тянутся от берегов Тихого океана до самого подножия могучих Анд. У меня появилась мысль. Сейчас было явно невозможно добраться из прибрежного района через Джунгли до Киведо, где растут бальсовые деревья; но что, если мы попытаемся добраться до них с противоположной стороны, спустившись в чашу джунглей с обнаженных снежных цепей Анд? Это был выход, единственный, который мы видели.

На аэродроме имелся небольшой грузовой самолет, на котором нас согласились доставить в Кито, столицу этой своеобразной страны, расположенную на горном плато в Андах на высоте 3 000 метров над уровнем моря. Кое-как устроившись среди ящиков и самолетного оборудования, мы то и дело поглядывали на зеленые джунгли и сверкающие реки, пока самолет не вошел в облака. Когда мы вынырнули из них, безбрежное море клубящегося тумана скрыло долины от нашего взора, но впереди на фоне ослепительно голубого неба из облаков выступили суровые склоны гор и голые скалы.

Самолет лез прямо вверх вдоль склона гор, словно по невидимому фуникулеру, и хотя мы находились над самым экватором, перед нами тянулись сверкающие снеговые поля. Затем мы нырнули между скалами и очутились над высокогорным плато, покрытым богатой весенней растительностью; там мы приземлились близ самой своеобразной в мире столицы.

Из стапятидесятитысячного населения Кито большинство являлось чистокровными горными индейцами и метисами, так как это была столица их предков еще задолго до того, как Колумб и жители Северной Европы открыли Америку. Город имел свой особый облик благодаря старинным монастырям, где хранились бесценные художественные сокровища, и другим величественным зданиям эпохи испанского господства, которые возвышались над кровлями низких домов индейцев, построенных из необожженного кирпича. Целый лабиринт узких улиц тянулся среди глиняных стен; улочки кишели горными индейцами в испещренных красными пятнами плащах и высоких шляпах собственного изделия. Одни шли на базар, погоняя нагруженных ослов, другие сидели, сторбившись, вдоль глинобитных стен и дремали на солнцепеке. Несколько автомобилей с аристократами испанского происхождения, одетыми в тропические костюмы, проследовали один за другим, медленно двигаясь и беспрестанно сигналив, чтобы проложить себе путь среди детей, ослов и босоногих индейцев. Воздух здесь, на высоком плато, был так прозрачен, что окрестные горы казались частью уличного пейзажа и усиливали сказочность обстановки. Наш приятель по самолету Хорхе, по прозвищу «сумасшедший летчик», происходил из старинной испанской семьи в Кито. Он устроил нас в забавной старомодной гостинице, а затем принялся рыскать по городу, то с нами, то один, в поисках какого-нибудь транспорта, который мог бы доставить нас через горы, а затем дальше, в джунгли – в Киведо. Вечером мы встретились в старинном испанском кафе, и Хорхе преподнес нам плохие новости: мы должны выкинуть из головы всякую мысль о поездке в Киведо. Невозможно найти ни экипажа, ни проводников для переезда через горы; уж, конечно, не могло быть и речи о путешествии в джунгли, где начались дожди и где путникам грозила опасность подвергнуться нападению, если они застрянут в грязи. Лишь в прошлом году десять американских инженеров-нефтяников были убиты отравленными стрелами в восточной части Эквадора. Здесь до сих пор живет много лесных индейцев, которые бродят абсолютно голые по джунглям и охотятся с помощью отравленных стрел.

– Некоторые из этих индейцев являются охотниками за головами, – замогильным голосом сообщил Хорхе, видя, что Герман, не обнаруживая никаких признаков беспокойства, продолжает уплетать жаркое и запивать его красным вином.

– Вы думаете, что я преувеличиваю, – продолжал он шепотом, – Но хотя это строго запрещено, у нас есть еще люди, которые зарабатывают на жизнь продажей высушенных человеческих голов. Эту торговлю невозможно пресечь, так как и по сегодняшний день лесные индейцы отрубают головы своих врагов из других бродячих племен. Они разбивают и вынимают кости черепа, а пустую кожу головы наполняют горячим песком; голова сморщивается и становится не больше кошачьей, но форма остается прежней, и черты лица сохраняются. Эти сморщенные головы врагов когда-то были ценными трофеями, теперь они

являются дефицитным товаром на черном рынке. Метисы-посредники доставляют их торговцам на побережье, а те перепродают туристам по баснословным ценам.

Хорхе торжествующе посмотрел на нас. Он и не подозревал, что днем Германа и меня затащили в комнату швейцара и предложили купить две такие головы по тысяче сукре¹⁶ за штуку. Эти головы теперь часто подделывают, пуская в ход головы обезьян, но те, что нам показали, были самые настоящие головы чистокровных индейцев, так хорошо сохранившиеся, что можно было различить мельчайшие черты лица. Это были головы мужчины и женщины, каждая величиной с апельсин; женщина была прехорошенькая, хотя только ресницы и длинные черные волосы сохранили свои естественные размеры. Я содрогнулся при этом воспоминании, но выразил сомнение в том, что охотники за головами встречаются к западу от гор.

– Никто не может этого знать, – мрачно заявил Хорхе. – А что вы скажете, если ваш друг исчезнет, а затем на рынке появится его голова в миниатюре? Однажды так произошло с моим другом, – добавил он, пристально глядя на меня.

– Расскажите нам об этом, – попросил Герман, медленно и с не особенно большим удовольствием пережевывая жаркое.

Я аккуратно отложил в сторону вилку, и Хорхе принялся за свой рассказ. Как-то он вместе с женой жил в маленьком поселке среди джунглей, занимаясь промывкой золота и скупкой добычи других старателей. У них был друг, местный житель, который регулярно приносил им золото и менял его на товары. И вот этого друга убили в джунглях. Хорхе выследил убийцу и пригрозил, что застрелит его. Убийца был одним из тех, кого подозревали в торговле сморщенными человеческими головами, и Хорхе пообещал ему оставить его в живых, если он тотчас же отдаст голову. Убийца немедленно принес голову друга Хорхе, ставшую теперь величиной с мужской кулак. Хорхе страшно расстроился, когда снова увидел своего друга, так как тот совершенно не изменился, если не считать того, что он стал таким маленьким. Очень взволнованный, он принес маленькую голову домой жене. При виде ее жена упала в обморок, и Хорхе пришлось спрятать своего друга в чемодан. Но в джунглях было так сыро, что голова покрывалась целыми наростами зеленой плесени, и Хорхе приходилось время от времени вытаскивать ее и сушить на солнце. Она очень мило покачивалась, привязанная за волосы к бельевой веревке, а жена Хорхе падала в обморок каждый раз, как видела ее. Но однажды мышь прогрызла дыру в чемодане и основательно изуродовала голову. Хорхе был очень опечален и похоронил своего друга со всеми церемониями в маленькой ямке на аэродроме.

– Ведь это все-таки было человеческое существо, – так закончил свой рассказ Хорхе.

– Прекрасный обед, – сказал я, чтобы перевести разговор на другую тему.

Когда мы шли в темноте домой, вид Германа с низко надвинутой на уши шляпой вызывал во мне какое-то неприятное чувство. Впрочем, он просто натянул ее поглубже, чтобы защититься от холодного ночного ветра, дувшего с гор.

На следующий день мы сидели с нашим генеральным консулом Брюном и его женой в их большом загородном имении под высокими эвкалиптами. Брюн считал маловероятным, что проектируемое нами путешествие через джунгли в Киведо может повести к сколько-нибудь значительному изменению размеров наших шляп, но... в тех районах, которые мы собирались посетить, водились разбойники. Он достал вырезки из местных газет; в них сообщалось, что после наступления сухого сезона необходимо будет послать отряды солдат для уничтожения «бандидос», заполнивших прилегающие к Киведо районы. Отправиться туда теперь было бы чистым безумием, и мы ни в коем случае не достанем ни проводников, ни средств передвижения. Когда мы с ним разговаривали, по дороге промчался «виллис» американского военного атташе, и это подало нам новую идею. В сопровождении генерального консула мы отправились в американское посольство, и нам удалось повидать

¹⁶ Сукре – эквадорская монета.

самого военного атташе. Это был подтянутый, жизнерадостный молодой человек в хаки и высоких сапогах; смеясь, он спросил нас, почему мы шатаемся на вершинах Анд в то время, как местные газеты сообщают, что мы должны отправиться в плавание по океану на деревянном плоту.

Мы объяснили, что деревья стоят еще на корню в киведских джунглях. А мы залезли сюда, на крышу материка, и не можем добраться до них. Мы попросили военного атташе одолжить нам либо а) самолет и два парашюта, либо б) «виллис» с водителем, который знает страну.

В первый момент военный атташе не мог произнести ни слова, пораженный нашим нахальством; затем он безнадежно покачал головой и, улыбаясь, сказал: «Ладно, если третьей возможности нет, предпочитаю вторую».

Назавтра в четверть шестого утра к подъезду гостиницы подкатил «виллис»; из него выпрыгнул капитан инженерных войск эквадорской армии и доложил, что он прибыл в наше распоряжение. Он имел предписание доставить нас в Киведо, какая бы ни была грязь. «Виллис» был забит канистрами с бензином, так как по дороге, по которой нам предстояло ехать, не было ни бензиновых колонок, ни даже следов колес. В связи с сообщениями о «бандидос» наш новый друг капитан Агурто Алексис Альварес был вооружен до зубов ножами и огнестрельным оружием. Мы же приехали в Эквадор с самыми мирными намерениями, в куртках и галстуках, чтобы купить на побережье лес за наличные деньги, и все наше имущество на «виллисе» состояло из мешка с банками консервов, если не считать наскоро купленных нами брезентовых брюк цвета хаки – по паре на каждого – и подержанного фотоаппарата. Кроме того, генеральный консул навязал нам свой большой парабеллум с полным запасом патронов для уничтожения всех, кто вздумает преградить нам путь. «Виллис» со свистом пронесся по пустым улочкам, где призрачный свет луны освещал побеленные глинобитные стены, мы выехали за город и с головокружительной скоростью помчались по хорошей песчаной дороге на юг через горы.

Хорошая дорога вдоль хребта тянулась до горной деревни Латакунга, где индейские домики без окон теснились вокруг белой деревенской церкви с пальмами на площади перед нею. Здесь мы свернули на дорогу для мулов, которая, то поднимаясь, то опускаясь, извивалась на запад через холмы и долины Анд. Мы очутились в мире, какой нам никогда не снился. Это был мир горных индейцев – к востоку от солнца и к западу от месяца¹⁷, вне времени и вне пространства. За все время пути мы не видели ни одной телеги, ни одного колеса. Нам попадались только босоногие пастухи в пестрых пончо, которые гнали перед собой беспорядочные стада медлительных лам, а изредка по дороге проходили целые семьи индейцев. Муж обычно ехал впереди на муле, между тем как его маленькая жена семенила сзади с целой коллекцией шляп на голове и младшим ребенком в корзине за спиной. И все время она на ходу пряла шерсть. Позади трусили предоставленные самим себе ослы и мулы, нагруженные сучьями, камышом и глиняной посудой.

Чем дальше мы подвигались, тем реже встречались нам индейцы, говорившие по-испански, и вскоре лингвистические познания Агурто стали такими же бесполезными, как и наши. Здесь и там виднелись кучки хижин, лепившихся на склонах гор; глиняные строения попадались все реже и реже, все чаще и чаще встречались хижины из веток и сухой травы. И эти постройки и коричневые от солнца люди с покрытыми сетью морщин лицами казались выросшими из самой земли под лучами палящего солнца Анд. Они являлись такой же неотъемлемой частью скал, каменных осыпей и горных пастбищ, как и сама трава горных лугов. Владевшие лишь жалким скарбом, низкорослые горные индейцы отличались железной выносливостью диких животных и детской непосредственностью первобытного народа; и чем меньше они разговаривали, тем больше они смеялись. Мы везде встречали сияющие лица с белоснежными зубами. Белый человек вряд ли мог истратить или заработать

¹⁷ «К востоку от солнца, к западу от месяца» – фраза из норвежской сказки.

в этих местах хотя бы один шиллинг. Здесь не было ни афиш, ни дорожных знаков, и если на дорогу падала какая-нибудь жестянка или обрывок бумаги, их немедленно подбирали как полезную для хозяйства вещь.

Мы поднимались вверх по сожженным солнцем склонам без единого куста или дерева и опускались в долины, покрытые бесплодными песками, поросшими лишь кактусами, пока не взобрались, наконец, на самый гребень гор; вокруг расстилались снежные поля и дул такой пронизывающий холодный ветер, что мы должны были убавить скорость, чтобы не превратиться в ледяные сосульки; замерзая в своих легких рубашках, мы мечтали о жаре джунглей. Нам долго пришлось кружить среди гор по каменным осыпям и травянистым склонам, отыскивая дальнейшую дорогу. Но когда мы достигли западного склона, где Анды круто обрываются к подножию, верховая тропа, по которой мы двигались, дальше шла по нависшим над пропастью карнизам и со всех сторон нас окружали лишь отвесные скалы и узкие ущелья. Мы возложили все наши надежды на Агурто, который, скрючившись, сидел за рулем, изворачиваясь, и успевал вовремя свернуть всякий раз, как мы приближались к краю пропасти. Внезапно резкий порыв ветра ударил нам в лицо; мы достигли края гребня, откуда Анды рядом обрывистых уступов круто спускались к джунглям, которые лежали далеко внизу, на дне пропасти глубиной около 4 000 метров. Но нам не пришлось испытать головокружение при взгляде на это далекое море джунглей: как только мы достигли края гребня, нас окутала пелена густых облаков, непроницаемых, как дым из котла ведьмы. Но теперь дорога шла круто вниз без всяких препятствий. Все время вниз, вдоль ущелий, скал и гребней, а воздух становился все более влажным и теплым и все больше наполнялся тяжелым душным ароматом теплиц, который поднимался из расстилавшихся внизу джунглей.

А затем начался дождь. Сначала небольшой, но вскоре он забарабанил по нашему «виллису» изо всех сил: отовсюду с гор мчались потоки воды шоколадного цвета. Мы тоже чуть неплыли, спускаясь с сухого горного плато в совершенно другой мир, в котором все – и камень, и дерево, и глина – было одето мягким, пропитанным влагой покровом из мха и дерна. Вокруг росли большие листья; иногда они увеличивались до гигантских размеров и свисали, как зеленые зонтики, обдавая брызгами склоны гор. Затем появились первые редкие гонцы тропического леса, с которых длинной бахромой свисали мох и лианы. Повсюду слышалось журчание и плеск воды. По мере того как спуск становился более пологим, джунгли быстро стали обступать нас все теснее; наконец армия зеленых исполинов поглотила наш маленький «виллис», который медленно двигался, поднимая фонтаны брызг, по совершенно размокшей глинистой дороге. Воздух был влажный и теплый, тяжелый от наполнявших его ароматов растений.

Стало уже темно, когда мы на склоне хребта достигли кучки хижин, покрытых пальмовыми листьями. Совершенно промокшие под теплым дождем, мы вылезли из машины, чтобы провести ночь под крышей. Полчища блох, напавшие на нас в хижине, мы на завтра утопили в дожде. Нагруженный бананами и другими южными фруктами, наш «виллис» продолжал свой путь сквозь джунгли все ниже и ниже, хотя нам казалось, что мы уже давно достигли конца спуска. Грязь становилась более вязкой, но мы продолжали беспрепятственно двигаться, а разбойники пока не обнаруживали своего присутствия.

Лишь тогда, когда широкая мутная река, катившая свои воды сквозь джунгли, преградила нам дорогу, «виллис» остановился. Мы прочно застряли, так как берег и вверх и вниз по реке был совершенно непроходим. На небольшой прогалине стояла хижина, возле которой несколько метисов развешивали шкуру ягуара на залитой солнцем стене, а собаки и куры барахтались в грязи и забавлялись тем, что взбирались на кучи бобов какао, рассыпанных для просушки на солнце. Когда «виллис», то и дело застревая в грязи, приблизился к хижине, все сорвались со своих мест; метисы, говорившие по-испански, сообщили, что эта река называется Паленке, а Киведо находится на том берегу, как раз напротив. Никакого моста здесь не было, река быстрая и глубокая, но они готовы переправить нас вместе с автомобилем на плоту. Это курьезное сооружение лежало на берегу

у самой воды. Кривые бревна – толщиной некоторые с руку, а некоторые с ногу – были скреплены между собой растительными волокнами и побегами бамбука, образуя шаткий плот, вдвое длиннее и вдвое шире нашего «виллиса». Подложив по доске под каждое колесо и с волнением ожидая, что из этого выйдет, мы втащили машину на бревна; хотя большая часть из них погрузилась в мутную воду, все-таки плот выдерживал «виллис», и нас, и четырех полуголых мужчин шоколадного цвета, которые длинными шестами отталкивали плот от берега.

– Бальса? – в один голос спросили Герман и я.

– Бальса, – подтвердил один из парней, непочтительно пнув ногой бревна.

Течение подхватило нас и понесло вниз по реке; время от времени мужчины налегали на свои шесты и удерживали плот в нужном направлении; мы пересекли реку наискось и очутились в более спокойной воде у того берега. Такова была наша первая встреча с бальсовым деревом и первое плавание на бальсовом плоту. Мы благополучно пристали к противоположному берегу и торжественно въехали в Киведо. Два ряда просмоленных бревенчатых домов с пальмовыми крышами, на которых неподвижно сидели грифы, образовывали что-то вроде улицы, и это был весь поселок. Жители бросили свои занятия, и все, черные и коричневые, молодые и старые, высыпали кто из дверей, кто из окон. Они мчались навстречу «виллису» – грозная шумная человеческая волна. Они окружили автомобиль со всех сторон, карабкались в него и подлезали под него. Мы крепко держали свои пожитки, между тем как Агурто отчаянно крутил руль. Затем одна из шин получила прокол, и «виллис» опустился на одно колесо. Мы прибыли в Киведо и должны были претерпеть церемонию приветственных объятий.

Плантация дона Федерико находилась немного дальше вниз по реке. Когда «виллис» с Агурто, Германом и мною появился, ныряя по ухабам, на дорожке среди манговых деревьев, худощавый старый житель джунглей быстро зашагал нам навстречу. Его сопровождал племянник, Анхело, юноша, который жил с ним в лесу. Мы передали письмо от дона Густаво, и вскоре наш «виллис» стоял один во дворе. Тем временем над джунглями разразился освежающий тропический ливень. В доме дона Федерико нас ждал праздничный обед. Цыплята и молочные поросята, потрескивая, жарились на открытом огне, а мы сидели вокруг стола, заваленного тропическими фруктами, и объясняли цель своего приезда. Через затянутые сеткой окна до нас доносился шум тропического дождя и теплый сладкий запах цветущих растений.

Дон Федерико оживился, как мальчик. Ну, конечно, он видел бальсовые плоты, когда был еще ребенком. Пятьдесят лет назад, когда он жил внизу, на побережье, индейцы из Перу частенько приплывали в Гуаякиль для продажи рыбы на больших бальсовых плотках, шедших под парусом вдоль берега. Они привозили несколько тонн сушеной рыбы, загружая ею бамбуковую каюту, стоящую посередине плота, или же с ними приплывали жены, и дети, и собаки, и домашняя птица. Такие большие бальсовые деревья, какие они употребляли для постройки плотов, теперь во время дождей найти будет трудно, так как добраться даже верхом на лошади до бальсовых плантаций, находящихся наверху в лесах, невозможно из-за половодья и непролазной грязи. Но Дон Федерико сделает все, что в его силах; быть может, найдется несколько деревьев в лесу недалеко от бунгало, а нам нужно ведь не так много.

Поздно вечером дождь на время прекратился, и мы совершили прогулку под манговыми деревьями вокруг бунгало. Здесь у дона Федерико росли всевозможные сорта диких орхидей, которые свисали с веток; в качестве горшков им служили половинки кокосовых орехов. В отличие от культурных сортов орхидей эти редкие растения обладают чудесным ароматом. Когда Герман нагнулся, чтобы понюхать один из цветков, из листвы над его головой высунулось что-то вроде длинного тонкого блестящего угря. Молниеносный удар бича Анхело, и на землю упала извивающаяся змея. Секундой позже юноша крепко прижал шею змеи к земле раздвоенной у конца палкой, а затем размозжил ей голову.

– Укус смертелен, – сказал он и в доказательство продемонстрировал нам два изогнутых ядовитых зуба.

Нам казалось, что повсюду мы видим ядовитых змей, притаившихся в листве, и мы поспешили войти в дом, захватив с собой трофей Анхело, безжизненно свисавший с палки. Герман уселся, чтобы снять кожу с зеленого чудовища, а дон Федерико принялся рассказывать фантастические истории о ядовитых змеях и удавах толщиной в тарелку, как вдруг мы увидели на стене тени двух огромных скорпионов, величиной с омаров. Бросаясь друг на друга, они вели смертельную схватку, сцепившись клешнями, изгибая заднюю часть туловища и готовясь нанести решающий удар ядовитым жалом на хвосте. Это было жуткое зрелище; только после того, как кто-то из нас переставил керосиновую лампу, мы поняли, что это она отбрасывала сверхъестественную огромную тень двух самых обыкновенных скорпионов величиной с палец, которые дрались на краю стола.

– Пусть себе дерутся, – смеясь, сказал дон Федерико. – Один уничтожит другого, а тот, кто выживет, пригодится нам, чтобы в доме не водились тараканы. Нужно только плотно закрывать кровать mosquito net и встряхивать одежду, прежде чем начать одеваться, и все будет в порядке. Меня не раз кусали скорпионы, и я все еще жив, – со смехом добавил старик.

Я спал хорошо, если не считать того, что просыпался с мыслью о ядовитых тварях всякий раз, когда ящерица или летучая мышь слишком громко пищала или скреблась у меня под ухом.

Мы проснулись на заре, чтобы пораньше отправиться на поиски бальсовых деревьев.

– Встряхнем-ка как следует одежду, – сказал Агурто, и при этих словах скорпион выпал из рукава его рубашки и исчез в щели пола.

Сразу после восхода солнца дон Федерико разослал своих рабочих верхом на лошадях по всем направлениям, чтобы осмотреть, не найдется ли вблизи от троп бальсовых деревьев, к которым можно было бы подступиться. Сами мы, дон Федерико, Герман и я, вскоре добрались до открытой поляны, на которой, как знал дон Федерико, росло гигантское старое дерево. Оно намного возвышалось над всеми окружающими его деревьями, а толщина ствола составляла около метра. По полинезийскому обычаю, прежде чем начать рубить дерево, мы дали ему имя; мы назвали его Ку в честь полинезийского божества американского происхождения. Затем я взмахнул топором и вонзил его в ствол бальсового дерева, и вскоре звуки топора разнеслись по всему лесу. Но рубить дряблую бальсовую древесину – это все равно, что рубить пробку тупым топором; топор просто отскакивал, и, сделав несколько ударов, я вынужден был уступить место Герману. Топор переходил из рук в руки, летели щепки, а с нас – в духоте джунглей – струился пот в три ручья. К концу дня Ку стоял, как петух, на одной ноге, содрогаясь под нашими ударами. Затем он зашатался и тяжело рухнул, цепляясь за окружающие деревья и ломая при своем падении крупные ветви и небольшие деревца. Мы очистили ствол от сучьев и стали сдирать кору, делая зигзагообразные надрезы, как это было принято у индейцев. Вдруг Герман уронил топор и, схватившись за ногу, бешено запрыгал, словно изображал военный танец полинезийцев. Из штанины его брюк выпал блестящий муравей, величиной со скорпиона и с длинным жалом на хвосте¹⁸. Голова у него была твердая, как клешня омара. Мы с большим трудом раздавили его на земле ударами каблука.

– Конго, – соболезнующе пояснил дон Федерико. – Эта маленькая тварь хуже скорпиона, но для здорового человека укус не опасен.

Нога у Германа ныла и болела несколько дней, но это не помешало ему скакать с нами на лошади по лесным тропинкам в поисках новых исполинских бальсовых деревьев. Время от времени мы слышали в девственном лесу скрип и треск и глухой шум падения. Дон Федерико с довольным видом кивал головой. Это означало, что его рабочие-метисы свалили

¹⁸ Конго – по-видимому, муравей из семейства Poneridae; эти насекомые, так же как и семейство Mymecidae, в отличие от других муравьев, имеют жало на конце брюшка. Муравья *Ponera clavata*, живущего в северной части Южной Америки, очень боятся местные индейцы, так как его укус чрезвычайно болезнен и вызывает сильное недомогание.

еще одно огромное бальсовое дерево для плота. В течение недели к Ку присоединились Кане, Кама, Ило, Маури, Ра, Ранги, Папа, Таранга, Кура, Кукара и Хити – всего двенадцать могучих бальсовых деревьев, названных в честь легендарных полинезийских героев, чьи имена были когда-то привезены вместе с именем Тики из-за океана из Перу. Блестевшие от сока бревна были вывезены из леса сначала с помощью лошадей, а затем трактором дона Федерико, доставившим их к берегу реки перед бунгалом.

Бревна, полные древесного сока, были далеко не такими легкими, как пробка. Они весили, конечно, по тонне каждое, и мы с большой тревогой думали о том, как они будут держаться на воде. Одно за другим мы подкатили их к краю берега; там мы к концу каждого бревна привязали веревку из прочных стеблей лиан, чтобы его не унесло течением, когда оно будет спущено в воду. Затем мы скатили бревна по одному с берега в реку. Падение каждого бревна сопровождалось огромными фонтанами брызг. Бревна кружились и плавали, погружившись в воду до половины; они не оседали, когда мы проходили по ним. Связав бревна прочными лианами, которые повсюду свисали с верхушек дерева в джунглях, мы устроили два временных плота; один из них должен был вести другой на буксире. Затем мы погрузили на плоты запас бамбуковых стволов и лиан, которые должны были понадобиться нам впоследствии, и я с Германом вступил на плот в сопровождении двух мужчин неизвестной смешанной расы, которые не понимали нас и которых мы не понимали.

Когда мы отчалили от берега, бурлящий поток воды подхватил нас и быстро понес вниз по течению. Огибая первый мыс, мы бросили прощальный взгляд назад и сквозь брызги воды увидели наших любезных друзей, которые стояли у края берегового выступа перед бунгалом и махали нам вслед. Затем мы забрались под маленький навес из зеленых банановых листьев и предоставили управляться с плотом двум коричневым специалистам, которые каждый с большим веслом в руках, устроились один на носу, а другой на корме. Они небрежными движениями без всяких усилий удерживали плот на самой быстрине, и мы, покачиваясь, неслись вниз по реке, то и дело меняя курс, чтобы обогнуть затопленные стволы деревьев и песчаные отмели.

Джунгли стояли сплошной стеной вдоль обоих берегов; попугаи и другие птицы с ярким оперением выпархивали из густой листвы, когда мы проплывали мимо. Несколько раз аллигатор бросался в реку при нашем приближении и исчезал в мутной воде. Вскоре, впрочем, мы увидели еще более замечательное чудовище. Это была игуана¹⁹, или гигантская ящерица величиной с крокодила, но с большим горловым мешком и гребнем вдоль спины. Она дремала на глинистом берегу, словно спала здесь с доисторических времен, и не пошевелилась, когда мы бесшумно проплыли мимо нее. Гребцы делали нам знаки, чтобы мы не стреляли. Немного времени спустя мы увидели другую игуану, длиною около метра. Она удирала по толстому суку, который свешивался над плотом. Очутившись в безопасности, игуана остановилась, сверкая на солнце своей сине-зеленой кожей, и уставилась на нас холодными змеиными глазами. Позже мы плыли мимо поросшего папоротником пригорка, и на его вершине увидели еще одну игуану, самую большую из всех. Неподвижно стоя с поднятой грудью и головой, она вырисовывалась на фоне неба, напоминая силуэт полосатого дракона, высеченного из камня. Она даже не повернула головы, когда мы огибали пригорок, а затем исчезла в джунглях.

¹⁹ Игуаны – семейство ящериц, включает до 300 видов. Обыкновенная игуана живет в Центральной Америке и Бразилии, преимущественно на деревьях, отлично плавает, питается насекомыми и растениями. Храбро защищается. На игуан охотятся из-за их нежного мяса; яйца также употребляются в пищу.

Плывя дальше, мы почуяли запах дыма и увидели на прогалинах вдоль берега несколько хижин с соломенными крышами. Наш плот привлек пристальное внимание стоявших на берегу людей зловещего вида, которые представляли собой уродливую помесь индейцев, негров и испанцев. Их лодки, большие выдолбленные челноки, лежали на берегу, перевернутые вверх дном.

Когда наступило время обеда, мы заменили наших приятелей у рулевых весел, пока те жарили рыбу и плоды хлебного дерева на небольшом костре, разведенном на слое мокрой глины. Жареные цыплята, яйца и тропические фрукты также входили в состав нашей трапезы. А плот тем временем продолжал быстро плыть и уносил нас сквозь джунгли к океану. Какое нам теперь дело до того, что дожди затопили всю страну? Чем сильнее дожди, тем быстрее течение в реке.

Когда темнота окутала реку, на берегу начался оглушительный концерт. Жабы и лягушки, сверчки и москиты, квакая, треща и жужжа, составляли мощный многоголосый хор. Время от времени в темноте раздавался пронзительный визг дикой кошки то тут, то там слышался тревожный писк птиц, спугнутых с места ночными мародерами джунглей.

Несколько раз мы видели тусклый свет огня в хижине лесных жителей и слышали крики людей и лай собак, когда мы проплывали во мраке мимо. Но большей частью тишина ночи нарушалась только лесным концертом, и мы молча сидели, любуясь звездным небом, пока сонливость и дождь не загнали нас в каюту из листьев, где мы улеглись спать, предварительно спустив предохранители револьверов.

Чем дальше плыли мы вниз по течению, тем чаще попадались нам хижины и туземные плантации, и вскоре по берегам появились настоящие деревни. Движение по реке поддерживалось здесь с помощью долбленых челноков, на которых плыли, отталкиваясь длинными шестами; тут и там мы видели маленькие бальсовые плоты, нагруженные кучами зеленых бананов.

У слияния Паленке с Рио Гуаяс вода стояла настолько высоко, что между городом Винсес и прибрежным портом Гуаякиль деловито курсировал колесный пароход. Для экономии времени Герман и я перебрались на борт парохода и поплыли на нем мимо густонаселенных плоских берегов к океану. Наши коричневые приятели должны были последовать за нами, оставаясь вдвоем на плоту.

В Гуаякиле Герман и я расстались. Он остался у устья реки Гуаяс, чтобы принять бальсовые бревна, когда они придут туда. Он должен был погрузить их на пароход каботажного плавания и доставить в Перу, а там приступить к постройке плота и проследить за тем, чтобы он был точной копией старинных индейских плотов. Я же на рейсовом самолете вылетел на юг, в столицу Перу, Лиму, чтобы подыскать подходящее место для постройки плота.

Самолет летел на большой высоте вдоль берега Тихого океана; с одной стороны тянулись пустынные горы Перу, а с другой далеко внизу расстился сверкающий океан. Там предстояло нам начать свое плавание на плоту. Когда я смотрел с высоты на океан, он казался мне безграничным. Небо и море сливались на неуловимой черте горизонта далеко-далеко на западе, и я не мог отделаться от мысли, что и за горизонтом простираются многие сотни таких морских равнин, которые огибают одну пятую земного шара, прежде чем снова достигают земли – островов Полинезии. Я пытался сосредоточить свои мысли на том, что ожидает нас через несколько недель, когда мы поплывем на крошечном плоту по этому голубому беспредельному простору, но поспешно отогнал и эту мысль, так как она вызывала во мне неприятное ощущение, какое испытываешь, готовясь к прыжку с парашютом.

По прибытии в Лиму я поехал на трамвае в порт Кальяо на поиски места, где мы могли бы заняться постройкой плота. Я сразу же увидел, что все причалы были забиты судами и вдоль всего берега стояли краны и пакгаузы, таможенные склады, здания портового управления и прочие постройки. Немного дальше от гавани берег не был застроен, но был усеян таким количеством купальщиков, что эта любопытная публика в один миг растащила

бы плот со всем снаряжением, как только мы отвернулись бы от него. Кальяо в настоящее время является самым крупным портом страны с семимиллионным белым и коричневым населением. Для строителей плотов времена в Перу изменились еще сильнее, чем в Эквадоре, и я видел один выход – проникнуть за высокий забор, окружавший военный порт, у железных ворот которого стояли часовые с оружием в руках, окидывавшие угрожающими и подозрительными взглядами меня и других посторонних людей, слонявшихся вдоль забора. Тот, кто сумеет попасть туда, будет находиться в полной безопасности.

В Вашингтоне я встретился с перуанским морским атташе и имел от него рекомендательное письмо. На следующий день я отправился с этим письмом в морское министерство и попросил, чтобы меня принял морской министр Мануэль Нието. Он принимал по утрам в красивом зале министерства, сверкающем зеркалами и позолотой и обставленном в стиле ампир. Я немного подождал, а затем вошел министр в парадной форме, низкий коренастый офицер, непреклонный, как Наполеон, говоривший лаконично и точно. Он спросил, что мне надо, и я ответил, что прошу, чтобы меня допустили в военный порт для постройки деревянного плота.

– Молодой человек, – сказал министр, раздраженно барабанив пальцами по столу. – Вы толкаетесь не в те двери. Я с удовольствием помогу вам, но мне нужно разрешение министра иностранных дел; само собой разумеется, что я не могу допустить иностранцев на военную территорию и разрешить им пользоваться военными мастерскими. Обратитесь письменно к министру иностранных дел. Желаю удачи.

Я с ужасом подумал о бумажках, пересылаемых с места на место и исчезающих в канцелярских дебрях. Какое счастье было жить в грубую эпоху Кон-Тики, когда не существовало таких препятствий, как письменное заявление. Попастись лично к министру иностранных дел было значительно труднее. Норвегия не имела дипломатического представительства в Перу, и наш генеральный консул Бар, всегда готовый услужить, мог устроить мне свидание только с советником министерства иностранных дел. Я боялся, что дальше этого дело не пойдет. Теперь могло пригодиться письмо доктора Коена президенту республики. И я обратился к адъютанту президента Перу с просьбой об аудиенции у его превосходительства дона Хосе Бустамента Ривера. Через несколько дней мне сообщили, что я должен быть во дворце к двенадцати часам.

Лима представляет собой современный город с полумиллионным населением; он раскинулся на зеленой равнине у подножия пустынных гор. По своей архитектуре, а также в не меньшей степени благодаря садам и бульварам он, без сомнения, является одной из самых красивых столиц в мире – уголком современной Ривьеры или Калифорнии, оживленным красочными постройками в старинном испанском стиле. Дворец президента находится в центре города и усиленно охраняется вооруженными часовыми в яркой форме. Получить аудиенцию в Перу – дело серьезное, и подавляющее большинство жителей видело президента только на экране кино. Солдаты с блестящими патронташами провели меня вверх по лестнице, а затем по длинному коридору; в конце его трое штатских проверили мои документы и записали меня в книгу; передо мной открыли массивную дубовую дверь, и я очутился в комнате, где стоял длинный стол и несколько рядов стульев. Там меня встретил какой-то мужчина в белом костюме, попросил меня сесть, а сам исчез. Через несколько секунд распахнулась широкая дверь, и меня пригласили войти в следующую комнату, обставленную с гораздо большей роскошью. Какая-то важная фигура в безупречном мундире двинулась навстречу мне.

«Президент», – подумал я и вытянулся в струнку. Но нет. Человек в роскошном золотом мундире предложил мне сесть в старинное кресло с прямой спинкой и исчез. Я не просидел на краешке кресла и минуты, как растворилась еще одна дверь и слуга с поклоном пригласил меня в большую великолепно украшенную, позолоченную комнату с позолоченной мебелью. Слуга исчез так же внезапно, как и появился, и я в одиночестве остался сидеть на старинном диване, рассматривая анфиладу пустых комнат с открытыми настежь дверями. Было так тихо, что я слышал, как кто-то приглушенно кашлял за несколько

комнат от меня. Затем послышались приближающиеся твердые шаги, я вскочил и нерешительно поклонился важному господину в форме. Но нет, это тоже был не он. Из сказанного этим господином я понял, что президент шлет мне приветствия и что он скоро освободится, как только закончится заседание совета министров. Спустя десять минут твердые шаги снова нарушили тишину, и на этот раз в комнату вошел человек с золотыми аксельбантами и эполетами. Я стремительно вскочил с дивана и низко поклонился. Человек поклонился еще ниже и повел меня через несколько комнат и вверх по лестнице, устланной толстыми коврами. Он покинул меня в крохотной комнате, в которой стояли диван и кожаное кресло. Вошел мужчина небольшого роста, в белом костюме; я покорно стоял, ожидая, что он опять меня куда-нибудь поведет. Но он никуда меня не повел, только любезно поздоровался и остался на месте. Это был президент Бустаменте Риверо.

Президент знал по-английски вдвое больше, чем я по-испански; после того как мы обменялись приветствиями и он жестом пригласил меня сесть, наш совместный запас слов был исчерпан. Знаками и жестами можно сказать многое, но нельзя с их помощью получить разрешение на постройку плота в перуанском военном порту. Мне было ясно, что президент меня не понимает, а ему самому это было еще яснее, так как через некоторое время он вышел, а затем вернулся в сопровождении министра авиации. Министр авиации, генерал Ревередо был энергичный, атлетически сложенный мужчина в форме военно-воздушных сил с крылышками на груди. Он великолепно говорил по-английски с американским акцентом.

Я попросил извинить меня за недоразумение и сказал, что хотел бы получить разрешение допустить меня не на аэродром, а в военный порт. Генерал рассмеялся и объяснил, что его пригласили сюда лишь в качестве переводчика. Шаг за шагом моя теория была изложена президенту, который внимательно слушал и задавал при посредстве генерала

Ревередо дельные вопросы. Под конец он сказал:

– Если есть вероятность, что острова Тихого океана были впервые открыты людьми из Перу, то Перу заинтересовано в этой экспедиции. Скажите, чем мы можем помочь вам.

Я попросил отвести нам место на территории военного порта для постройки плота, дать нам возможность пользоваться флотскими мастерскими, предоставить помещение, где мы могли бы хранить снаряжение, и дать разрешение на ввоз его в страну, разрешить пользоваться сухим доком и услугами рабочих порта для помощи нам в работе, а также дать судно, которое отбуксировало бы нас от берега, когда мы пустимся в путь.

– Что он просил? – нетерпеливо спросил президент таким тоном, что даже я понял.

– Ничего особенного, – не вдаваясь в подробности, ответил Ревередо. И президент, удовлетворившись таким ответом, кивнул в знак согласия.

Прежде чем аудиенция была окончена, Ревередо обещал, что министр иностранных дел получит личное указание от президента, а морскому министру Нието будет предоставлена полная свобода действий для оказания нам необходимой помощи.

– Да хранит вас всех бог! – произнес на прощание генерал, смеясь и покачивая головой.

Вошел адъютант и проводил меня до дежурного.

В этот же день в газетах Лимы была опубликована статья о норвежской экспедиции, которая должна отплыть на плоту от берегов Перу; одновременно в них сообщалось, что шведско-финская научная экспедиция закончила свои работы по изучению жизни индейцев в джунглях на берегах Амазонки. Двое шведов, участников этой экспедиции на Амазонку, поднялись в челноке вверх по реке Перу и только что прибыли в Лиму. Одним из них был Бенгт Даниельссон из Упсальского университета, собиравшийся теперь заняться изучением горных индейцев в Перу.

Я вырезал статью. Сидя у себя в номере, я писал письмо Герману относительно места для постройки плота, как вдруг меня прервал стук в дверь. Вошел высокий загорелый парень в тропическом костюме; когда он снял белый шлем, мне бросилась в глаза ярко-рыжая борода, которая, казалось, опалила его лицо и выжгла часть волос на голове. Этот парень явился из дебрей, но было ясно, что место ему в университетской аудитории.

«Бенгт Даниельссон», – подумал я.

– Бенгт Даниельссон, – представился посетитель.

«Он узнал про плот», – подумал я и предложил ему сесть.

– Я только что узнал о ваших планах насчет плота, – произнес швед.

«И вот он пришел, чтобы разгромить мою теорию, так как он этнограф», – подумал я.

– И вот я пришел, чтобы выяснить, не могу ли я отправиться с вами на плоту, – миролюбиво сказал швед. – Я интересуюсь теорией миграции.

Мне ничего не было известно об этом человеке; я знал только, что он ученый и что он явился прямо из чащи джунглей. Но если швед решается отправиться на плоту один с пятью норвежцами, он не должен быть отвергнут. К тому же даже роскошная борода не могла скрыть его уравновешенный и веселый характер.

Бенгт стал шестым участником экспедиции, так как место было еще не занято. И он оказался единственным из нас, говорившим по-испански.

Когда через несколько дней пассажирский самолет, ровно гудя своими моторами, летел вдоль побережья на север, я снова почтительно смотрел на безграничный синий океан, расстилавшийся под нами. Казалось, что он повис и плывет в самой небесной тверди. Скоро мы вшестером собьемся в кучу, как микробы в пылинке, где-то внизу, где столько воды, что весь западный горизонт кажется переполненным ею. Мы окажемся одни в океане, не имея возможности отойти друг от друга больше чем на несколько шагов. Впрочем, пока что между нами было достаточное расстояние, Герман находился в Эквадоре в ожидании бревен. Кнут Хаугланд и Торстейн Робю только что прилетели в Нью-Йорк. Эрик Хессельберг был на борту корабля, направлявшегося из Осло в Панаму. Сам я летел в Вашингтон, а Бенгт остался в гостинице в Лиме, готовый пуститься в путь, и ждал прибытия остальных.

Все мои спутники не знали раньше друг друга, и все они были совершенно различными людьми. Поэтому в течение нескольких недель на плоту мы будем гарантированы от того, что наскучим друг другу своими рассказами. Грозовые тучи, низкое давление и ненастная погода будут представлять для нас меньшую опасность, чем угроза столкновения характеров шести человек, которым придется месяцами находиться вместе на дрейфующем плоту. В этом случае хорошая шутка часто бывает столь же полезна, как спасательный пояс.

В Вашингтоне все еще стояла суровая зима, холодная и снежная. Я вернулся туда в феврале. Бьёрн энергично взялся за проблему радио, и ему удалось заинтересовать американское общество радиоловителей и договориться, что его члены будут принимать сообщения с плота. Кнут и Торстейн занимались организацией связи, которая должна была осуществляться с помощью коротковолновых передатчиков, специально сконструированных для этой цели, а частично с помощью портативных радиостанций, применявшихся во время войны участниками Соппротивления. Следовало разрешить тысячу вопросов, больших и мелких, если мы хотели выполнить во время путешествия все, что было задумано. А горы бумажек в папках все росли и росли. Военные и гражданские документы, белые, желтые и синие, на английском, испанском, французском и норвежском языках. В наш практический век даже путешествие на плоту должно было обойтись бумажной промышленности чуть ли не в целую пихту. Законы и ограничения связывали нас по рукам и по ногам; мы должны были распутывать один узел за другим.

– Готов поклясться, что вся эта переписка весит десять килограммов, – сказал как-то с отчаянием Кнут, склонившись над пишущей машинкой.

– Двенадцать, – бесстрастно уточнил Торстейн. – Я взвесил.

Моя мать, по-видимому, хорошо понимала положение, когда писала в эти драматические дни последних приготовлений: «Мне хочется одного – знать, что вы все шестеро уже благополучно находитесь на плоту!»

Затем однажды пришла срочная телеграмма из Лимы о том, что Герман был опрокинут во время купания мощной волной и выброшен на берег с серьезными ушибами и вывихнутой шеей. Он находился на излечении в одной из больниц Лимы.

К нему немедленно вылетели Торстейн Робю и Герд Волд, которая во время войны была представительницей в Лондоне одной из групп норвежского движения Соппротивления,

а теперь помогала нам в Вашингтоне. Они застали Германа поправляющимся. Его полчаса продержали подвешенным на ремнях, стянутых вокруг головы, пока врачи вправляли ему первый шейный позвонок. Рентгеновский снимок показал, что позвонок имел трещину и перевернулся задом наперед. Германа спасло от смерти его великолепное здоровье; вскоре он выписался из больницы и, весь в синяках, с неповорачивавшейся шеей и ревматическими болями, снова появился в военном порту, куда были привезены бальсовые бревна, и принялся за работу. Он должен был в течение нескольких недель находиться под наблюдением врачей, и мы не были уверены, окажется ли он в состоянии отправиться с нами. Но сам он не сомневался в этом ни секунды, несмотря на первое горькое испытание в объятиях Тихого океана.

Через некоторое время прилетел из Панамы Эрик, а Кнут и я – из Вашингтона, и теперь мы все собрались в нашем отправном пункте – Лиме.

На берегу на территории военного порта лежали большие бальсовые бревна из лесов Киведо. Это была поистине трогательная встреча. Свежесрубленные круглые бревна, желтые стволы бамбука, тростник и зеленые банановые листья – весь наш строительный материал – лежали сваленные в кучи среди грозных подводных лодок и эсминцев. Шесть светлокожих северян и двадцать коричневых «матросов», в венах которых текла кровь инков, махали топорами и длинными ножами-мачете²⁰, тянули за канаты и вязали узлы. Подтянутые морские офицеры в синей с золотом форме ходили мимо и с изумлением смотрели на этих бледных иностранцев и на эти растительные материалы, которые внезапно появились у них в порту.

В первый раз за столетия бальсовый плот строился в бухте Кальяо. Легенды инков утверждают, что в этих береговых водах их предки впервые научились плавать на таких плотках от исчезнувшего племени Кон-Тики, а исторические данные сообщают о том, что в более поздние времена европейцы запретили индейцам пользоваться плотами. Плавание на открытом плоту может стоить людям жизни. Потомки инков шли в ногу со временем; как и мы, они носят брюки со складкой и матроски. Бамбук и бальса принадлежат первобытному прошлому; здесь тоже все движется вперед – к броне и стали.

Ультрасовременный порт оказывал нам замечательные услуги. С Бенгтом в качестве переводчика и с Германом в качестве главного конструктора мы чувствовали себя в многочисленных плотничных и парусных мастерских как дома; для хранения нашего снаряжения мы имели в своем распоряжении половину пакгауза; нам отвели небольшой плавучий пирс, у которого мы спустили бревна в воду, когда началась постройка.

²⁰ Мачете (исп.) – большой тяжелый нож, употребляющийся главным образом для резки сахарного тростника.

Мы отобрали девять самых толстых бревен, считая, что их будет достаточно для плота. Для того чтобы веревки, которые должны были соединить между собой бревна и скрепить весь плот, не могли соскользнуть, в бревнах были вырезаны глубокие пазы. Во всем сооружении не было ни одного костыля или гвоздя, ни одного куса стального троса.

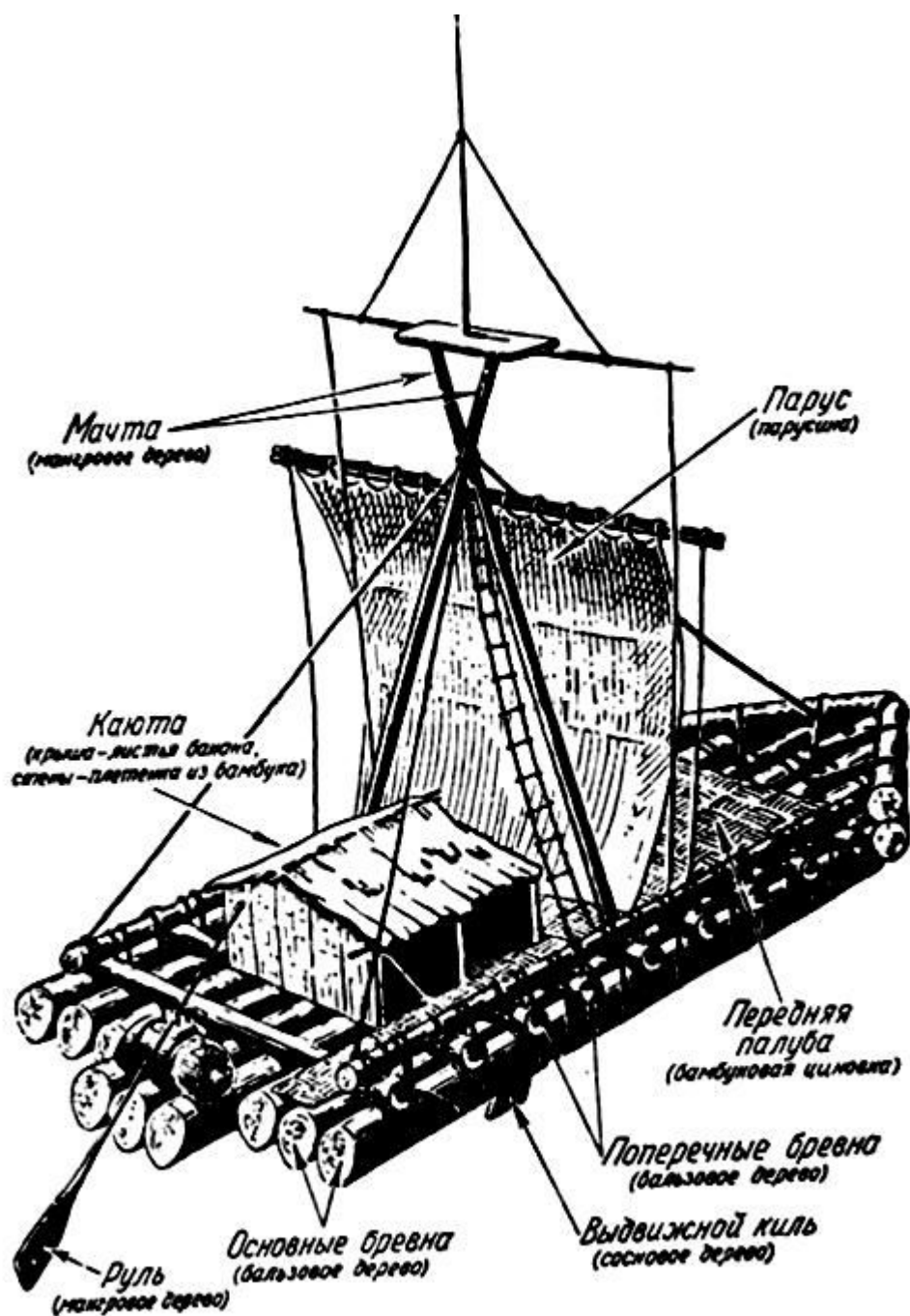
Прежде всего мы спустили девять больших бревен в воду, одно возле другого, выждали достаточно времени, чтобы они приняли естественное плавучее положение, а затем надежно связали их между собой. Самое длинное бревно, четырнадцатиметровое, было положено в середину и сильно выступало с обоих концов. По обе стороны от него были симметрично уложены остальные бревна в порядке убывающей величины, так что по бокам плот имел в длину около десяти метров, а нос выступал подобно угольнику снегоочистителя. Корма плота была обрезана по прямой, за исключением трех средних бревен, которые несколько выдавались; на этом выступе была укреплена короткая толстая колода из бальсового дерева, которая лежала поперек плота и имела гнезда для уключины рулевого весла. Когда девять бальсовых бревен были прочно связаны отдельными кусками пеньковой веревки толщиной в тридцать миллиметров, поверх них в поперечном направлении с промежутками около метра мы укрепили тонкие бальсовые бревна – ронжины²¹. Сам плот был теперь готов, тщательно скрепленный тремя сотнями веревок различной длины, каждую из которых мы накрепко завязали прочным узлом. Сверху мы настлали палубу из расщепленных бамбуковых стволов, прикрепленных к ронжинам; палуба была покрыта циновками, сплетенными из молодых побегов бамбука. Посреди плота, несколько ближе к корме, мы построили небольшую открытую каюту из бамбуковых жердей; стены ее были сплетены из бамбуковых побегов, а крыша сделана из бамбуковых планок и глянцевиных банановых листьев, уложенных один на другой, подобно черепице. Перед каютой мы установили рядом две мачты. Они были вырублены из твердого, как железо, мангрового дерева; они стояли наклонно по отношению друг к другу, и верхушки их были связаны вместе крест-накрест. Большой четырехугольный парус был укреплен на рее, сделанной из двух бамбуковых стволов связанных вместе для прочности.

Девять больших бревен, которым предстояло нести нас по океану, были спереди заострены, как это делали индейцы, чтобы они могли легче скользить в воде, а на носу над самой поверхностью воды мы устроили очень низкий фальшборт для защиты от волн.

В нескольких местах, где между бревнами имелись большие щели, мы просунули толстые сосновые доски, всего пять штук, которые уходили в воду на полтора метра поперечной кромкой вниз под прямым углом к плоту. Они были расположены без всякой системы, имели в толщину двадцать пять миллиметров, а в ширину шестьдесят сантиметров. Они удерживались на месте с помощью клиньев и веревок и служили в качестве маленьких параллельных килей, или швертов. Такого рода кили существовали на всех бальсовых плотах во времена инков задолго до открытия Америки и предназначались для того, чтобы предохранить плоские деревянные плоты от сноса ветром и течением. Никаких поручней или ограждений вокруг плота мы не устроили, но вдоль каждого борта было положено длинное тонкое бальсовое бревно, которое обеспечивало твердую опору для ног.

Все сооружение представляло собой точную копию старинных перуанских и эквадорских судов, если не считать низкого фальшборта на носу, который, как впоследствии выяснилось, был совершенно не нужен. Что касается всяких деталей отделки, то мы, конечно, могли руководствоваться своим вкусом, если только это не отражалось на мореходных качествах нашего судна. Мы знали, что в недалеком будущем плот будет представлять собой весь наш мир и что поэтому любая мелочь нашего устройства с каждой неделей, проведенной на плоту, будет приобретать все большее значение.

²¹ Ронжины (или ромжины) – поперечные бревна, которые кладутся поперек плота для его скрепления. На речных плотах в СССР ронжины прикрепляются к продольным бревнам при помощи колец (хомутов), сплетенных из сырых ветвей (вицы).

Поэтому мы постарались придать нашей маленькой палубе возможно более разнообразный вид. Бамбуковый настил покрывал не весь плот: он тянулся лишь перед бамбуковой каютой и вдоль правой открытой стороны ее. Слева от каюты было что-то вроде заднего двора, заставленного крепко привязанными ящиками и предметами снаряжения; между ними и краем плота оставался лишь узкий проход. Спереди на носу и на корме, вплоть до задней стены каюты, девять огромных бревен не имели никакого настила. Таким образом, когда мы хотели обойти вокруг бамбуковой каюты, мы должны были с желтого бамбукового настила и плетеных циновок перешагнуть на круглые серые бревна на корме, а затем снова подняться на кучи груза, лежавшие с другой стороны. Расстояние было небольшое, но психологический эффект от преодоления каких-то препятствий вносил разнообразие и компенсировал ограниченность пространства, в пределах которого мы могли двигаться. На верхушке мачты мы устроили деревянную площадку – не столько для того, чтобы иметь наблюдательный пункт, когда мы будем, наконец, приближаться к земле, сколько для того, чтобы влезть на нее во время пути и смотреть на океан под другим углом

зрения.

Когда плот начал принимать более или менее законченный вид и покачивался среди военных кораблей, сверкая золотистыми стволами зрелого бамбука и зеленью листвы, сам морской министр приехал осмотреть нашу работу. Мы безмерно гордились своим судном – живым воспоминанием о временах инков, – стоявшим здесь, в окружении страшных военных кораблей. Но морской министр пришел в неопиcуемый ужас от того, что он увидел. Я был вызван в управление военного порта и должен был подписать документ, снимавший с морского министерства всякую ответственность за то, что мы построили в его порту. Меня вызвали также к начальнику порта Кальяо, и там я подписал другой документ, в котором говорилось, что в случае, если я с людьми и грузом покину порт на плоту, ответственность за это будет лежать всецело на мне. Через некоторое время военный порт было разрешено посетить группе иностранных морских специалистов и дипломатов. Их мнение было также малообнадеживающим, и через несколько дней меня вызвал к себе посол одной из великих держав.

– Ваши родители живы? – спросил он. И когда я ответил утвердительно, он взглянул мне прямо в глаза и произнес зловещим, замогильным голосом: – Ваши мать и отец будут очень опечалены, когда узнают о вашей смерти.

В качестве частного лица он просил меня отказаться от путешествия, пока еще не поздно. Один адмирал, который осматривал плот, сказал ему, что мы ни в коем случае не останемся в живых. Прежде всего размеры плота неправильны. Он настолько мал, что при сильном волнении перевернется; в то же время длина его такова, что нос и корма будут находиться на двух различных волнах, и хрупкие бальсовые бревна плота с людьми и грузом сломаются, не выдержав напряжения. И что еще хуже, крупнейший в стране экспортер бальсовых деревьев сказал ему, что пористые бальсовые бревна смогут проплыть по океану только четвертую часть нужного расстояния, а затем они совершенно пропитаются водой и затонут под нами.

Все это звучало невесело, но так как мы упорной настаивали на своем, то нам была подарена библия, чтобы мы захватили ее с собой в плавание. Вообще говоря, специалисты, осматривавшие плот, мало обнадеживали нас. Штормы, а может быть и ураганы, смоят нас за борт и уничтожат низко сидящее открытое судно, которое окажется совершенно беспомощным и будет кружиться по океану по воле ветра и волн. Даже при обычном волнении нас постоянно будет заливать соленой водой, которая разъест кожу на ногах и испортит все, что будет находиться на плоту. Если суммировать все сказанное нам поочередно различными специалистами, то получалось, что во всем плоту не было ни одной веревки, ни одного узла, ни одного размера, ни одного куска дерева, которые не должны были бы послужить причиной нашей гибели в океане. Были заключены крупные пари относительно того, сколько дней продержится плот, а один легкомысленный морской аташе побился об заклад на все количество виски, которые смогут выпить участники экспедиции до конца своей жизни, если они благополучно достигнут какого-нибудь острова в Южном море.

Хуже всего было, когда в гавань зашло норвежское судно и мы привели капитана и нескольких из его самых опытных моряков в военный порт. Мы с нетерпением ждали их критических замечаний. И наше разочарование было очень велико, когда они все сошлись на том, что тупоносому неуклюжему плоту парус не принесет никакой пользы; капитан, кроме того, считал, что в том случае, если мы будем держаться на воде, понадобится год или два для того, чтобы наш плот, увлекаемый течением Гумбольдта, пересек океан. Боцман смотрел на наши крепления и качал головой. Мы можем не беспокоиться. Не пройдет и двух недель, как все веревки перетрутся и плот развалится, ибо в море большие бревна будут все время двигаться вверх и вниз и тереться друг о друга. Если мы не заменим наши веревки стальными тросами или цепями, мы можем спокойно укладывать чемоданы и ехать домой.

Эти доводы трудно было опровергнуть. Если хоть один из них окажется правильным, то у нас нет никаких шансов на успех. Боюсь, что я не раз спрашивал себя, знаем ли мы, что делаем. Сам я ничего не мог возразить против этих предостережений, так как не был

моряком. Но у меня оставался единственный козырь на руках, на котором было основано все наше предприятие. В глубине души я все время был уверен, что доисторическая цивилизация распространилась из Перу на острова Тихого океана в ту эпоху, когда плоты, подобные нашему, были единственными судами на этом побережье. Отсюда я умозаключал, что если бальсовые деревья плавали и крепления держались у Кон-Тики в 500 году нашей эры, то они будут так же вести себя и теперь, коль скоро мы, не мудрствуя лукаво, построили свой плот точно по образцу его плота. Бенгт и Герман полностью восприняли мою теорию, и пока специалисты оплакивали нас, ребята относились ко всему совершенно спокойно и прекрасно проводили время в Лиме. Как-то вечером Торстейн с тревогой спросил, меня, уверен ли я, что океанское течение идет в нужном направлении. Мы находились в это время в кино и любовались Дороти Ламур, которая вместе с гавайскими девушками танцевала в соломенной юбочке среди пальм на живописном островке Южного моря.

– Сюда мы и должны направиться, – сказал Торстейн. – И мне жаль вас, если течение идет не так, как вы утверждаете!

Когда день отплытия стал приближаться, мы пошли в обычное паспортное бюро за получением разрешения на выезд из страны. Бенгт, как переводчик, стоял в очереди первым.

– Ваша фамилия? – спросил церемонный маленький чиновник, подозрительно глядя поверх очков на огромную бороду Бенгта.

– Бенгт Эммерик Даниельссон, – почтительно ответил Бенгт.

Чиновник заложил в пишущую машинку длинный бланк.

– Каким пароходом вы прибыли в Перу?

– Видите ли, – принялся объяснять Бенгт, нагнувшись к перепуганному маленькому человечку, – я прибыл не на пароходе, я приехал в Перу на челноке.

Онемев от удивления, чиновник посмотрел на Бенгта и напечатал «челнок» в соответствующей графе бланка.

– А с каким пароходом вы покидаете Перу?

– Опять же, видите ли, – вежливо произнес Бенгт, – я покидаю Перу не на пароходе, а на плоту.

– Как бы не так! – сердито воскликнул чиновник и раздраженно вынул из машинки бланк. – Вы будете отвечать на мои вопросы как следует?

За несколько дней до отплытия продовольствие, вода и все наше снаряжение были погружены на плот. Мы взяли продовольствие на шесть человек на четыре месяца; оно состояло из армейских рационов, упакованных в небольшие прочные картонные коробки. Герману пришла в голову мысль разогреть асфальт и облить ровным слоем каждую коробку со всех сторон. После этого мы посыпали коробки песком, чтобы они не слиплись, и тесно сложили их под бамбуковой палубой, где они заняли все пространство между девятью тонкими ронжинами, которые поддерживали палубу.

Из кристально чистого источника, находившегося высоко в горах, мы наполнили пятьдесят шесть маленьких бидонов, в которые вошло около 1 100 литров питьевой воды. Бидоны мы также прочно пристроили между ронжинами так, чтобы вокруг них все время плескалась вода океана. На бамбуковой палубе мы привязали остальное снаряжение и большие плетеные корзины, наполненные фруктами и кокосовыми орехами.

Один угол бамбуковой каюты Кнут и Торстейн заняли под радиостанцию. В глубине каюты внизу между ронжинами мы поставили восемь ящиков, прочно прикрепив их к бревнам. Два ящика предназначались для научных инструментов и киноплёнки, остальные шесть были предоставлены в наше распоряжение, по одному на каждого; это было намеком на то, что каждый может захватить с собой личных вещей столько, сколько поместится в его ящик. Эрик притащил несколько рулонов бумаги для рисования и гитару, и его ящик оказался так набит, что ему пришлось держать свои чулки в ящике Торстейна. Затем появились четыре матроса с ящиком Бенгта. Он не взял с собой ничего, кроме книг, но зато умудрился втиснуть в него 73 труда по социологии и этнографии. Поверх ящиков мы положили плетеные циновки и соломенные матрацы. Теперь мы были готовы к отплытию.

Прежде всего плот вывели на буксире за пределы военного порта и протащили на некоторое расстояние вокруг гавани, чтобы убедиться в правильном распределении груза; затем его отбуксировали через всю гавань к яхт-клубу. Там накануне нашего отплытия в присутствии приглашенных и других заинтересованных лиц должно было состояться «крещение» плота.

27 апреля был поднят норвежский флаг, а на рее развевались флаги иностранных государств, оказавших экспедиции практическую поддержку. Набережная была запружена людьми, которым хотелось посмотреть на церемонию «крещения» необыкновенного судна. Цвет кожи и черты лица многих из зрителей говорили о том, что их далекие предки плавали на бальсовых плотах вдоль этого берега. Но были здесь и потомки старинных испанских семейств во главе с представителями морского ведомства и правительства, а также послы Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Китая, Аргентины и Кубы, бывший губернатор английских колоний в Тихом океане, шведский и бельгийский посланники и, наконец, наши друзья из маленькой норвежской колонии во главе с генеральным консулом Баром. Толпа журналистов суетилась, щелкали киноаппараты; не хватало только духового оркестра и большого барабана. Нам всем было ясно одно: если плот рассыплется на части по выходе из гавани, мы предпочтем поплыть в Полинезию каждый на отдельном бревне, но не решимся вернуться назад.

Герд Волд, секретарю экспедиции и связной между нами и материком, выпало на долю «окрестить» плот молоком кокосового ореха отчасти потому, что это гармонировало с каменным веком, а отчасти потому, что шампанское оказалось по недоразумению запрятанным на дне личного ящика Торстейна. После того как собравшимся было сообщено по-английски и по-испански, что плоту присваивается имя великого предшественника инков – солнце-короля, который полторы тысячи лет назад исчез из Перу, отправившись по океану к западу, и впоследствии появился в Полинезии, – Герд Волд приступила к церемонии «крещения» плота «Кон-Тики». Она с такой силой ударила кокосовым орехом (скорлупа которого имела трещину) о нос плота, что молоко и кусочки ядра очутились на волосах ближайших зрителей, почтительно стоявших вокруг.

Затем мы подтянули кверху бамбуковую рею и подняли парус, в центре которого наш художник Эрик нарисовал красной краской бородатое лицо Кон-Тики. Это была точная копия головы солнце-короля с высеченной из красного камня статуи, обнаруженной в разрушенном городе Тиахуанако.

– Ах, сеньор Даниельссон! – в восхищении воскликнул старший рабочий из портовой мастерской при виде бородатого лица на парусе.

Он называл Бенгта сеньором Кон-Тики в течение двух месяцев с тех пор, как мы ему показали бородатое лицо Кон-Тики на листе бумаги. И только теперь он, наконец, понял, что настоящая фамилия Бенгта была Даниельссон.

Перед отплытием мы все были приглашены к президенту на прощальную аудиенцию, а после нее совершили прогулку высоко в горы, чтобы вдосталь насмотреться на скалы и каменистые осыпи, прежде чем мы пустимся в путь по беспредельному океану. Пока шла работа по постройке плота на берегу, мы жили в пансионе среди пальмовой рощи в окрестностях Лимы; в порт Кальяо и обратно мы ездили на автомобиле министерства авиации с шофером, которого Герд удалось нанять на время подготовки экспедиции. Теперь мы попросили шофера отвезти нас прямо в горы как можно дальше, но с тем, чтобы обернуться за один день. И вот мы катили по пустынным дорогам вдоль древних оросительных каналов времен инков, пока не достигли головокружительной высоты в 4 000 метров над мачтой нашего плота. Здесь мы просто пожирали глазами и скалы, и горные вершины, и зеленую траву, стараясь насытиться спокойной горной громадой Анд, расстилавшихся перед нами. Мы пытались убедить самих себя, что нам решительно надоели камни и твердая земля и что мы жаждем поднять свой парус и познакомиться с океаном.

Глава 4 ПО ТИХОМУ ОКЕАНУ. I

Драматическое отплытие. – Мы выходим в открытое море. – Поднимается ветер. – Борьба с волнами. – Жизнь в течении Гумбольдта. – Самолету не удастся разыскать нас. – Бревна впитывают воду. – Дерево и веревки. – Мы питаемся летающими рыбами. – Необыкновенный сосед по кровати. – Змеиная макрель попадает вросак. – Г лаза в океане. – Рассказ о морском привидении. – Мы встречаем самую большую в мире рыбу. – Погоня за морской черепахой.

Суматоха царила в гавани Кальяо в тот день, когда буксир должен был вывести «Кон-Тики» в открытый океан. Морской министр дал распоряжение портовому буксиру «Пуардиан Риос» вывести нас из бухты и дальше в открытое море за пределы полосы каботажного плавания – туда, куда в давно прошедшие времена выходили на рыбную ловлю индейцы на своих плотах. Газеты посвятили этой сенсации статьи под красными и черными шапками, и 28 апреля толпы народа спозаранку запрудили набережные.

Мы должны были все собраться на плоту в начале одиннадцатого, а до тех пор у каждого из нас нашлись разные дела в городе. Когда я появился на набережной, на плоту находился один Герман. Я намеренно остановил машину довольно далеко и прошел весь мол, чтобы хорошенько размять ноги напоследок перед плаванием, продолжительность которого никто не мог предсказать. Я прыгнул на плот, загроможденный в полнейшем беспорядке гроздьями бананов, корзинами и мешками с фруктами, которые были сброшены на палубу в самый последний момент и которые мы должны были уложить и привязать, как только хоть несколько придем в себя. Посреди этой горы покорно сидел Герман; его рука лежала на клетке с зеленым попугаем – прощальном подарке от какой-то дружеской души в Лиме.

– Посмотрите минутку за попугаем, – сказал Герман. – Я должен сойти на берег и выпить последний стакан пива. Буксир придет не так-то скоро.

Едва успел он исчезнуть в сутолоке набережной, как люди стали махать руками и на что-то указывать. Из-за края мола, мчась на полной скорости, показался буксир «Гуардиан Риос». Он стал на якорь по ту сторону качающегося леса мачт, которые мешали ему подойти к «Кон-Тики», и от него отвалил большой моторный катер, чтобы провести нас между яхтами. Катер был до отказа набит военными моряками – матросами и офицерами – и кинооператорами; пока отдавались приказания и щелкали камеры, прочный буксирный канат был закреплен на носу плота.

– Un momento!²² – закричал я в отчаянии, не вставая с места, где я сидел с попугаем. – Еще слишком рано. Надо подождать остальных – los expedicionarios²³, – пытался я объяснить, указывая в сторону города.

²² Один момент (исп.).

²³ Участников экспедиции (исп.).

Но никто не понимал меня. Офицеры только вежливо улыбались, и канат на носу плота был закреплен по всем правилам. Я отвязал канат и сбросил его в воду, сопровождая свои действия всякого рода знаками и жестами. Попугай воспользовался моментом всеобщей суматохи, чтобы высунуть клюв из клетки и повернуть щеколду дверцы; когда я обернулся, он уже весело расхаживал по бамбуковой палубе. Я попытался поймать его, но он выкрикнул несколько испанских ругательств и перелетел на кучу бананов. Следя одним глазом за матросами, которые старались снова набросить канат на нос, я пустился в дикую погоню за попугаем. Он с криком влетел в бамбуковую каюту, и там я загнал его в угол и схватил за ногу в тот самый момент, когда он пытался перелететь через меня. Когда я снова появился на палубе и запихнул мою трепетавшую добычу в клетку, матросы на берегу успели уже снять причалы плота, и он беспомощно танцевал на длинной волне, докатившейся к нам из-за мола. В отчаянии я схватил короткое весло и тщетно старался удержать плот от столкновения с деревянными сваями набережной. Затем моторный катер тронулся; один рывок – и «Кон-Тики» начал свой длинный путь. Единственным моим спутником был говорящий по-испански попугай, который с надутым видом сидел в клетке. Толпа на берегу радостно кричала и махала руками, а смуглые кинооператоры в моторном катере чуть не падали в море, изо всех сил стараясь заснять каждую деталь драматического отплытия экспедиции из Перу. Полный отчаяния, в одиночестве я стоял на плоту, высматривая пропавших спутников, но никто не появлялся. Так мы подошли к «Гуардиан Риос», который поджидал нас с поднятыми парами, готовый сняться с якоря и тронуться в путь. В мгновение ока я вскарабкался по веревочному трапу и наделал на пароходе такого шума, что отплытие было отложено и моторный катер отправился назад к набережной. Он отсутствовал довольно долго, а затем вернулся, наполненный хорошенькими сеньоритами, но без единого человека из исчезнувшего экипажа «Кон-Тики». Все это было очень мило, но не разрешало моих затруднений; очаровательные сеньориты столпились на плоту, а катер ушел опять на новые поиски los expedicionarios noruegos²⁴.

Тем временем Эрик и Бенгт, не торопясь, спускались к набережной с охапкой газет и журналов и разными мелочами в руках. Навстречу им шла толпа людей, расходившихся по домам; наконец у полицейской заставы их остановил какой-то любезный чин, который сообщил им, что смотреть больше не на что. Бенгт, грациозно размахивая сигарой, возразил полицейскому, что они пришли не в качестве зрителей; они сами должны отправиться на плоту.

– Это бесполезно, – снисходительно сказал полицейский. – «Кон-Тики» отплыл час тому назад.

– Этого не может быть, – произнес Эрик, доставая один из пакетов, – у меня здесь фонарь!

– А это вот штурман, – добавил Бенгт, – а я судовой эконоом.

Они прорвались сквозь цепи, но плота действительно не было. Они в отчаянии шагали взад и вперед по молу, где и встретились с остальными участниками экспедиции, которые также нетерпеливо разыскивали исчезнувший плот. Тут они увидели подходящий катер, и вскоре мы все шестеро, наконец, соединились, и вода вокруг плота запенилась, когда «Гуардиан Риос» повел нас на буксире к открытому океану.

Было уже далеко за полдень, когда мы тронулись в путь, и «Гуардиан Риос» предстояло буксировать нас до утра, пока мы не выйдем за пределы береговых вод. Как только мы миновали мол, навстречу нам покатались крупные волны, и все остальные лодки, которые сопровождали нас, одна за другой повернули назад. Только несколько больших яхт дошли вместе с нами до выхода из бухты, чтобы посмотреть, как пойдут наши дела дальше.

«Кон-Тики» следовал за буксиром, как сердитый козел, которого тащат на веревке, и бодал носом встречные волны так, что вода заливала палубу. Это не сулило ничего хорошего

²⁴ Участников экспедиции, норвежцев (исп.).

– волнение на море было очень незначительным по сравнению с тем, какое могло нас ожидать в будущем. Посреди бухты буксирный канат лопнул, и наш конец его мирно опустился на дно, между тем как «Гуардиан Риос» продолжал идти вперед.

Мы бросились к борту плота, чтобы выудить конец каната, а яхты помчались дальше, пытаясь остановить пароход. Жгучие медузы величиной с лохань поднимались и опускались вместе с волнами вдоль плота и покрыли все веревки скользким слоем обжигающей студенистой массы. Когда плот накренился на одну сторону, мы, лежа плашмя, перегибались через борт и старались дотянуться рукой до поверхности воды, но наши пальцы лишь задевали скользкий канат. Затем плот снова накренился в другую сторону и наши головы погружались в волну, а соленая вода и огромные медузы перекатывались через наши спины. Мы плевались, ругались, вытаскивали из волос клейкие частички медуз, но когда буксир вернулся, конец каната был вытасчен и подготовлен к соединению.

Мы собрались забросить его на борт буксира, как вдруг нас внезапно понесло под выступающую корму парохода, и плоту угрожала опасность быть прижатым волнам к корме и раздавленным. Позабыв обо всем, мы схватили бамбуковые жерди и весла и старались, пока не поздно, оттолкнуться. Но это нам никак не удавалось: когда плот находился во впадине между двумя волнами, мы не могли дотянуться до нависшей над нами кормы, а когда плот поднимался на волне, вся корма «Гуардиан Риос» опускалась в воду и расплющила бы нас в лепешку, если бы нас затянуло под нее. Наверху, на палубе буксира, люди метались и кричали; наконец винт заработал у самого борта плота, и в последнюю минуту поднятая винтом волна отбросила нас в сторону. Нос плота получил несколько сильных ударов и слегка изменил свою форму, но затем постепенно выровнялся.

– Когда дело начинается так отвратительно, оно должно закончиться хорошо, – сказал Герман. – Поскорей прекратилась бы эта канитель: от тряски плот скоро развалится.

«Гуардиан Риос» буксировал нас всю ночь; мы двигались медленно и почти без помех. Яхты давно распрощались с нами, последние береговые огни исчезли у нас за кормой. Изредка в темноте проплывали огни кораблей, пересекавших наш путь. Мы разбились ночь на вахты, чтобы посматривать за буксирным канатом, и всем удалось неплохо выспаться. На следующее утро, когда стало рассветать, густой туман висел над берегом Перу, между тем как перед нами на западе было совершенно чистое голубое небо. По океану шли длинные спокойные волны с небольшими гребнями; наша одежда, бревна и все, за что мы ни брались, намочило от росы. Было прохладно, и зеленая вода вокруг нас была удивительно холодной для 12° южной широты. Мы находились в течении Гумбольдта, которое несло холодные массы воды из Антарктики на север вдоль берегов Перу, а затем поворачивало на запад и пересекало океан, идя под самым экватором. Именно в этих водах Писарро²⁵, Сарате²⁶ и другие древние испанцы впервые встретили большие парусные плоты индейцев-инков, которые уплывали обычно на 50–60 миль от берега для ловли тунцов и золотой макрели в самом течении Гумбольдта. Весь день здесь дул ветер с берега, но к вечеру он начинал дуть в обратную сторону и помогал рыбакам вернуться домой, если они этого хотели.

Буксир стоял совсем рядом, и мы старательно удерживали плот подальше от его носа, пока спускали на воду маленькую надувную резиновую лодку. Она плавала на волнах, как футбольный мяч, и, танцуя, приблизилась к «Гуардиан Риос»; Эрик, Бенгт и я ухватились за веревочный трап и взобрались на борт.

При посредстве Бенгта в качестве переводчика нам показали на нашей карте точное положение плота. Мы находились за 50 морских миль от берега к северо-западу от Кальяо; для того чтобы нас не потопили каботажные суда, мы должны будем в течение первых

²⁵ Писарро Франсиско (около 1471–1541) – испанский конквистадор, завоевавший государство инков в Перу.

²⁶ Аугустин де Сарате (около 1492–1560) – испанский историк, который составил описание завоевания испанцами Перу.

нескольких ночей зажигать огни. Дальше мы не встретим ни одного судна, так как в этой части Тихого океана не проходит ни одной паровой линии.

Мы торжественно попрощались со всеми, кто был на борту буксира; каким-то странным взглядом провожали нас, когда мы спускались на нашу лодочку и, качаясь на волнах, поплыли обратно к «Кон-Тики». Затем буксирный канат был отдан, и плот оказался предоставлен самому себе. Тридцать пять человек на борту «Гуардиан Риос» выстроились вдоль борта и махали нам до тех пор, пока мы не перестали различать их очертания. А шесть человек сидели на ящиках на плоту и провожали буксир взглядом, пока он не скрылся вдали. Лишь после того, как черный столб дыма рассеялся и исчез за горизонтом, мы покачали головой и взглянули друг на друга.

– До свидания, до свидания, – сказал Торстейн. – Теперь, ребята, пора запускать нашу машину.

Мы рассмеялись и, послушав пальцы, принялись определять направление ветра. Дул довольно легкий бриз, переходивший от южного к юго-восточному. Мы подняли бамбуковую рею с большим прямоугольным парусом. Он расслабленно свисал, и это придавало лицу Кон-Тики сморщенный, недовольный вид.

– Старику не нравится, – произнес Эрик, – когда он был молод, дули ветры посильнее.

– Да, здорово мы мчимся, – сказал Герман и бросил кусок бальсового дерева в воду у носа плота.

– Один, два три... тридцать девять, сорок, сорок один.

Кусок дерева все еще спокойно лежал в воде рядом с плотом; он не прошел и половины пути вдоль борта.

– Чудесно! – сказал Торстейн. – Пожалуй, эта щепка будет сопровождать нас всю дорогу.

– Надеюсь, что вечерним бризом нас не отнесет назад, – сказал Бенгт. – Прощание с Кальяо было очень забавным, но я не хотел бы, чтобы нас приветствовали там с таким быстрым возвращением.

Но вот кусок дерева миновал конец плота. Мы прокричали «ура» и принялись укладывать и закреплять все, что было сброшено на палубу в последнюю минуту. Бенгт разжег примус внутри пустого ящика, и вскоре мы наслаждались горячим какао с галетами и проделывали дырки в свежих кокосовых орехах. Бананы оказались еще не совсем спелыми.

– В этом отношении теперь все в порядке, – с довольным смехом произнес Эрик. В широких штанах из овечьей шкуры, в высокой индейской шапке на голове, с попугаем на плече, он расхаживал по палубе.

– Одно мне не нравится, – добавил он, – если мы будем и дальше неподвижно торчать здесь, то все эти малоизученные встречные течения могут снести нас как раз к прибрежным скалам.

Мы поговорили о том, не взяться ли нам за весла, но решили подождать ветра.

И ветер поднялся. Он задул с юго-востока ровно и упорно. Вскоре наш парус наполнился и выгнулся вперед, подобно вздымающейся груди, и лицо Кон-Тики вспыхнуло задором. И «Кон-Тики» начал двигаться.

– Эгей! – радостно закричали мы, повернувшись в сторону запада, и стали подтягивать штаги и ванты. Рулевое весло было опущено в воду, и распятие вахт вступило в силу. Мы бросали бумажные шарики и щепки за борт у носа и перебежали на корму, отсчитывая с часами в руках:

– Раз, два, три... восемнадцать, девятнадцать – есть!

Бумажки и щепки проплывали мимо рулевого весла и вскоре выстраивались, как нанизанные на нитку бусы, покачиваясь вверх и вниз среди волн за кормой. Мы шли вперед метр за метром. «Кон-Тики» не разрезал воду, как остроносые гоночные яхты. Неуклюжий и широкий, тяжелый и громоздкий, он степенно двигался вперед, переваливаясь с волны на волну. Он не спешил, но, тронувшись с места, уже продолжал двигаться с непоколебимым упорством.

Теперь все наше внимание было обращено на рулевое устройство. Плот был построен в точности так, как его описывали испанцы, но в наше время не осталось в живых никого, кто мог бы преподать нам практический урок управления индейским плотом. Этот вопрос мы подробно обсуждали на берегу со специалистами, но результат оказался совершенно неудовлетворительным. Они знали не больше нашего. Как только юго-восточный ветер усилился, мы должны были удерживать плот в таком положении, чтобы ветер наполнял парус со стороны кормы. Если плот слишком сильно поворачивался боком к ветру, парус сразу же начинал полоскаться и ударял по грузу, людям и бамбуковой каюте, а весь плот поворачивался и продолжал свой путь кормой вперед. Это была тяжелая борьба; трое воевали с парусом, а остальные трое из всех сил налегали на длинное рулевое весло, чтобы повернуть нос деревянного плота и отвести его от ветра. А после того, как нам удавалось повернуть плот, рулевому нужно было хорошенько следить, чтобы через минуту не повторилось все сначала.

Рулевое весло длиной шесть метров свободно лежало между шпеньков-уключин, вбитых в огромную колоду, прикрепленную к корме. Это было то самое рулевое весло, которым пользовались наши туземные друзья, когда мы сплавливали лес вниз по реке Паленке в Эквадоре. Длинный шест из мангрового дерева был крепок, как сталь, но так тяжел, что немедленно утонул бы, если бы мы уронили его за борт. К концу шеста с помощью веревок была прикреплена большая лопасть из сосны. Требовалась вся наша сила, чтобы неподвижно удержать длинное рулевое весло, чтобы волны ударяли о него. Наши пальцы очень быстро уставали, так как нам то и дело приходилось судорожно сжимать весло, чтобы повернуть его и придать ему такое положение, при котором лопасть стояла в воде совершенно прямо. Последнего затруднения нам удалось избежать с помощью поперечного бруска, который в качестве рычага мы привязали к рукоятке рулевого весла. А тем временем ветер крепчал.

Во вторую половину дня пассат уже дул во всю силу. Океан быстро покрылся ревушими волнами, набегавшими на нас сзади. Теперь мы впервые полностью осознали, что находимся во власти самого океана. Теперь он являлся суровой действительностью; связь с прежним миром была прервана. Благополучно все сложится или нет, будет теперь всецело зависеть от мореходных качеств бальсового плота в открытом океане. Мы знали, что отныне нет никакой надежды на встречный ветер, никаких шансов вернуться назад. Мы вошли в настоящий пассат, и с каждым днем нас будет уносить все дальше и дальше в океан. Нам оставалось только идти вперед с наполненным ветром парусом; если мы попытаемся повернуть обратно, нас все равно понесет дальше в море кормой вперед. Перед нами был только один выход – плыть по ветру, держа нос в сторону заката. Но ведь это и являлось как раз целью нашего путешествия – следовать по пути солнца, подобно тому, как это делал, по нашему мнению, Кон-Тики со своими древними солнцепоклонниками, когда их изгнали из Перу за океан.

С торжеством и облегчением мы увидели, как наш деревянный плот поднялся на первый грозный гребень волны, который, пенясь, накатился на нас. Но рулевой был совершенно не в состоянии удерживать весло в неподвижном положении, когда ревушие волны накатывались на весло и чуть не вырывали его из уключин или заносили его в сторону, и рулевой, беспомощно повиснув на нем, вертелся, как акробат. Даже вдвоем не удавалось удерживать весло, когда волны вздымались рядом и обрушивались на стоявших на корме рулевых. Нам пришла в голову мысль протянуть веревки от лопасти весла к обоим бортам плота и с помощью других веревок закрепить весло на месте в уключинах так, чтобы оно имело ограниченную свободу движения и могло сопротивляться даже наиболее сильным волнам, пока мы сами будем в состоянии держаться.

Впадины между волнами постепенно становились глубже, и мы поняли, что плывем в самой быстрой части течения Гумбольдта. Было очевидно, что волны вызваны течением, а не просто подняты ветром. Зеленая холодная вода окружала нас со всех сторон, и зубчатые горы Перу исчезли в гряде густых облаков за кормой. Когда тьма заволокла океан, началась наша первая схватка со стихиями. Мы все еще не были уверены в океане, все еще не знали,

будет ли он нашим другом или врагом, когда мы окажемся с ним в тесном соприкосновении, к которому сами стремились. Окутанные мраком, мы слышали, как общий шум волн вокруг нас внезапно заглушался свистом надвигавшегося вала, и видели белый гребень, который подкрадывался к нам на уровне крыши каюты. Мы хватались за что попало и с беспокойством ожидали, когда масса воды хлынет на нас и на плот. Но всякий раз мы испытывали то же чувство удивления и облегчения. «Кон-Тики» спокойно вздымал корму и поднимался вверх, не обращая внимания на массы воды, бурлившей вдоль его бортов. Затем он снова опускался вниз и ждал следующей большой волны.

Самые крупные валы часто накатывались по два или по три подряд, а в промежутке между ними шел длинный ряд более мелких волн. В том случае, если два больших вала следовали один за другим на слишком близком расстоянии, второй вал обрушивался на корму, между тем как первый все еще держал нос плота высоко в воздухе. Поэтому мы установили в качестве непреложного закона, чтобы вахтенный рулевой обвязывал себя вокруг пояса веревкой, другой конец которой прочно прикреплялся к плоту. Ведь фальшборта на корме не было. Задача рулевых заключалась в том, чтобы держать парус всегда наполненным, не давая носу плота уклониться в сторону от волн и ветра. Мы укрепили на ящике на корме старый судовой компас, чтобы Эрик мог проверять курс и вычислять наше положение и скорость. В данное время мы не знали точно, где мы находились, так как небо было в сплошных тучах, а до самого горизонта расстилался лишь хаос валов. Вахту у руля приходилось нести двум человекам сразу; стоя рядом, они должны были вкладывать всю свою силу в борьбу со стремившимся вырваться веслом, между тем как остальные, забравшись внутрь открытой бамбуковой каюты, пытались немного соснуть. Когда надвигалась действительно крупная волна, рулевые оставляли весло на попечение веревок и, вскакивая на палубу, хватались за бамбуковую жердь, выступавшую из-под крыши каюты, а массы воды с грохотом обрушивались на них со стороны кормы и уходили между бревнами или за борт плота. Тогда вахтенные снова бросались к веслу, пока плот не успел повернуться, а парус не начал полоскаться. Если бы плот очутился боком к волнам, они легко могли бы затопить бамбуковую каюту. Когда же волны набегали на плот сзади, они сразу же исчезали между выступающими бревнами и редко достигали стены каюты. Круглые бревна на корме пропускали воду, как зубцы вилки. В этом было явное преимущество плота: чем больше щелей, тем лучше – через отверстия под нами вода уходила, но никогда не входила.

Около полуночи в северном направлении мы заметили огни проходящего корабля. В три часа утра тем же курсом прошел еще один. Мы размахивали маленьким парафиновым фонарем и подавали сигналы вспышками электрического фонаря, но с кораблей нас не увидели; огни медленно прошли к северу и исчезли в темноте. Вряд ли кто-нибудь на борту парохода мог предположить, что вблизи от них качается на волнах настоящий индейский плот. И мы, находившиеся на плоту, также не могли предположить, что это был последний корабль и последний след людей, которых мы видели по эту сторону океана.

Подобно мухам, мы цеплялись в темноте по двое за рулевое весло и чувствовали, как нас с головы до ног обдаёт прохладной морской водой; весло толкало так, что у нас все болело и спереди и сзади, а руки затекли от напряжения. Испытания этих первых дней и ночей были для нас хорошей школой; из новичков они превратили нас в настоящих моряков. В течение первых суток каждый из нас в строгой очередности два часа стоял у руля, а затем три часа отдыхал. Мы установили, чтобы каждый час свежий человек сменял одного из двух рулевых, который уже пробыл на вахте два часа. Чтобы совладать с рулевым веслом, во время вахты приходилось безмерно напрягать все мышцы тела. Когда рулевой уставал толкать весло, он переходил на другую сторону и принимался тянуть. Когда руки и грудь начинали болеть от толчков, мы поворачивались спиной, так что весло награждало нас синяками и спереди и сзади. Когда, наконец, наступала смена, мы в полном изнеможении заползали в каюту, обвязывали ноги веревкой и засыпали в своей просоленной одежде раньше, чем успевали забраться в спальный мешок. Почти в то же мгновение кто-то грубо

дергал за веревку: три часа прошли, и надо было снова выходить и сменять одного из двух вахтенных у рулевого весла.

Следующая ночь была еще хуже; вместо того чтобы утихнуть, море стало еще более бурным. Выдержать два часа подряд борьбу с рулевым веслом оказалось не под силу; во вторую половину вахты от человека уже было мало пользы, и волны брали верх над нами, крутили нас, толкали в сторону, а вода заливала плот. Тогда мы перешли к часовой вахте у руля и полуторачасовому отдыху. Так первые шестьдесят часов прошли в непрерывной борьбе с хаосом волн, которые беспрестанно обрушивались на нас одна за другой. Высокие волны и низкие, остроконечные волны и круглые, косые волны и волны поверх других волн. Хуже всех из нас чувствовал себя Кнут. Он был освобожден от вахт у руля, но взамен приносил жертвы Нептуну и молча мучался в углу каюты. Повесив голову, попугай угрюмо сидел в своей клетке и принимался хлопать крыльями каждый раз, как плот получал неожиданный толчок и вода с шумом ударяла в заднюю стену каюты. «Кон-Тики» качало не очень сильно. Он держался на волнах гораздо устойчивее, чем любое судно такого же размера; но было невозможно предугадать, в какую сторону накренится палуба в следующий раз, и мы так и не овладели искусством свободно двигаться по плоту, так как его не только качало, но и все время бросало.

На третью ночь море слегка утихло, хотя все еще дул сильный ветер. Около четырех часов утра из темноты неожиданно появился пенящийся вал, который настиг плот и повернул его на 180°, прежде чем рулевые осознали, что произошло. Парус забился о бамбуковую каюту, угрожая разнести ее на куски и сам разорваться на части. Пришлось всем выскочить на палубу спасать груз и подтягивать шкоты в надежде вернуть плот на правильный курс, чтобы парус мог снова наполниться и мирно выгнуться вперед. Но плот не поворачивался. Он шел вперед кормой, только и всего. Единственным результатом всей возни со снастями и рулевым веслом было лишь то, что двое из нас чуть не свалились за борт, когда их в темноте накрыло парусом. Море явно становилось спокойнее. С онемевшими от усталости конечностями, все в ушибах, с содранной кожей на ладонях и закрывающимися от сна глазами мы не стоили и ломаного гроша. Лучше было сохранить силы на случай, если погода ухудшится и потребует от нас всей нашей энергии – ведь никогда нельзя заранее знать, что тебя ожидает. Поэтому мы убрали парус и свернули его вокруг бамбуковой рей. «Кон-Тики» лежал боком к волнам и подпрыгивал на них, как пробка. Все предметы на плоту были крепко привязаны, а мы шестеро забрались в маленькую бамбуковую каюту, улеглись вповалку и заснули как убитые, стиснутые, как сардины в коробке.

Мы не предполагали, что выдержанная нами борьба была самой тяжелой за все время путешествия. Только очутившись далеко в океане, мы нашли простой и остроумный способ управления плотом, применявшийся инками.

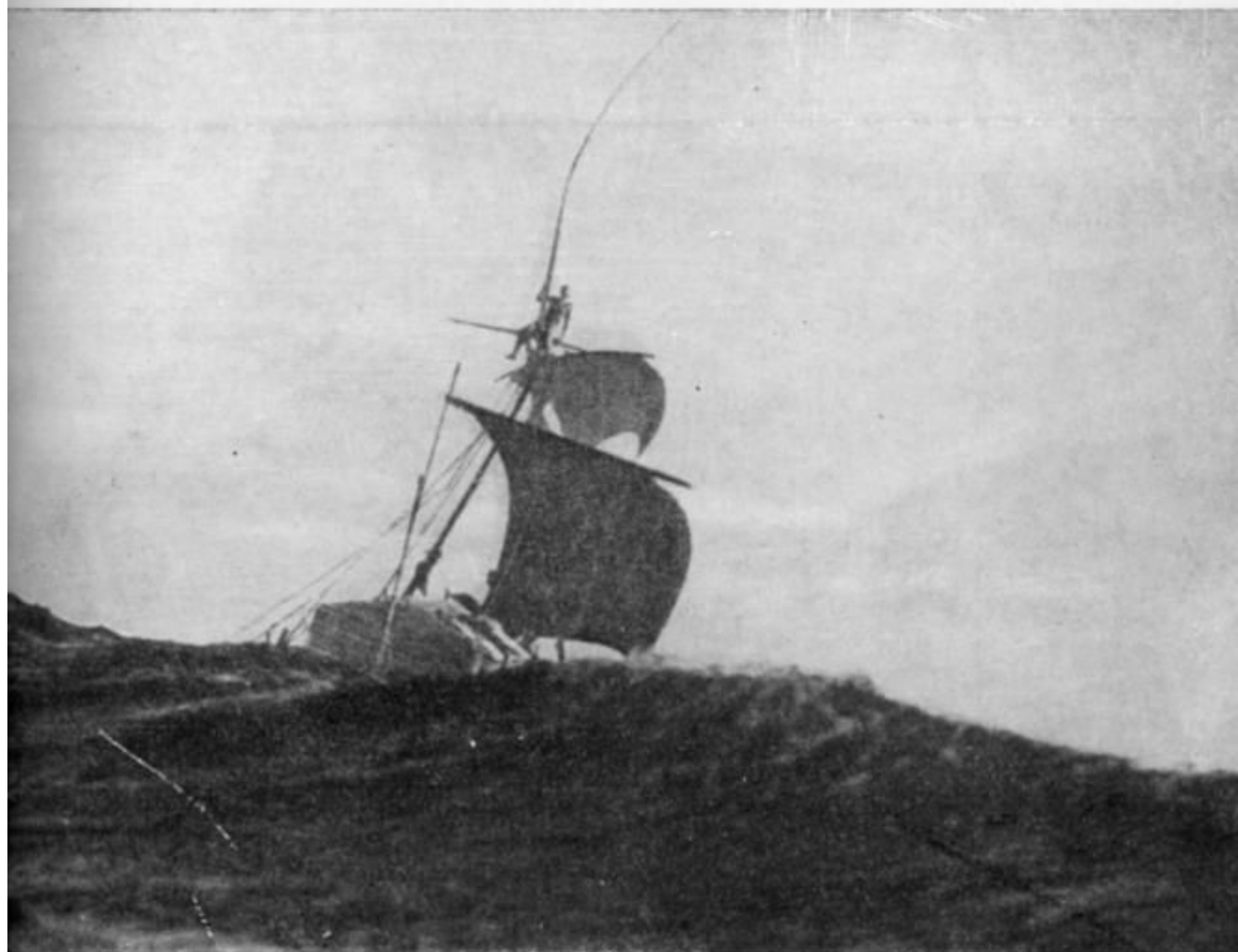
Мы проснулись лишь поздно утром, когда попугай начал свистеть, кричать и прыгать взад и вперед по жердочке. Волны вздымались еще высоко, но теперь они шли длинными ровными валами и не громоздились так дико и беспорядочно, как накануне. Первое, что мы увидели, было солнце, которое ярко освещало желтую бамбуковую палубу и придавало океану вокруг нас веселый и дружелюбный вид. Какое нам дело до того, что волны пенятся и высоко вздымаются, если они оставляют наш плот в покое? Какое нам дело до того, что они вздымаются прямо перед нами, если мы знаем, что через секунду плот вскарабкается вверх и, словно паровой каток, пригладит пенящийся вал, а тяжелая грозная гора воды только приподымет нас в воздух и будет, ворча и журча, перекачиваться под нами? Старые мастера из Перу знали, что они делали, когда отказывались от лодок с их пустотелым корпусом, который мог наполняться водой, и от слишком длинных плотов, которые не могли бы переходить с одной волны на другую. Пробковый паровой каток – вот что представлял собой бальсовый плот.

В полдень Эрик определил наше положение; оказалось, что после того как мы убрали парус, нас сильно отнесло к северу вдоль берега. Мы все еще находились в полосе течения

Гумбольдта, на расстоянии ровно ста морских миль от суши. Теперь возникал серьезный вопрос, не отнесет ли нас к предательским течениям южнее островов Галапагос. Это могло бы иметь роковые последствия, так как там сильные океанские течения, движущиеся по направлению к Центральной Америке, увлекали бы нас то в одну, то в другую сторону. Но если все сложится, как мы рассчитывали, главное течение понесет нас к западу через океан, прежде чем мы заберемся слишком далеко на север, к островам Галапагос. Ветер по-прежнему дул прямо с юго-востока. Мы подняли парус, повернули плот кормой к ветру и возобновили вахты у руля.

Кнут оправился от мучительной морской болезни; он и Торстейн взобрались на качающуюся верхушку мачты и занялись экспериментами с какими-то таинственными антеннами, которые они пускали вверх, привязывая к воздушному шару или змею. Вдруг один из них крикнул из радиорубки, что он слышит морскую радиостанцию Лимы, которая вызывает нас. Нам сообщили, что самолет американского посольства вылетел с побережья, чтобы передать последний прощальный привет и посмотреть, какой вид мы имеем в океане. Вскоре мы установили прямую связь с радистом самолета, а затем совершенно неожиданно для всех нас нам удалось побеседовать с секретарем экспедиции Герд Волд, которая находилась на борту самолета. Мы указали свое положение так точно, как только могли, и в течение нескольких часов подавали радиопеленгационные сигналы. Голос из эфира звучал то громче, то слабее по мере того, как АРМИ-119 приближался и удалялся, описывая круги в поисках нашего плота. Но мы так и не услышали гула моторов и не увидели самого самолета. Не так-то легко было заметить низкий плот внизу среди волн, а с плота видимость была очень ограниченная. Наконец самолет отказался от поисков и вернулся на берег. Это была последняя попытка отыскать нас.

В следующие дни море было бурным, но шипящие волны шли с юго-востока с равными интервалами, и управлять плотом было гораздо легче. Ветер и волны плот принимал с левой задней четверти, так что рулевого меньше захлестывали волны, а плот держался более устойчиво и не вертелся. Мы с беспокойством замечали, что юго-восточный пассат и течение Гумбольдта день за днем уносят нас как раз в ту сторону, где нас поджидают встречные течения, огибающие острова Галапагос. Мы двигались на северо-запад так быстро, что наша средняя дневная скорость составляла в те дни 55–60 морских миль при рекордной скорости в 71 милю.

– А как на островах Галапагос, хорошо живется? – предусмотрительно спросил однажды Кнут и посмотрел на карту, где цепь кружков, обозначавших положение нашего плота в разное время, напоминала палец, который зловеще указывал в сторону проклятых островов Галапагос.

– Едва ли, – ответил я. – Говорят, что инка Тупак Юпанки незадолго до эпохи Колумба отплыл из Эквадора и достиг островов Галапагос, но ни он и ни один из его спутников не поселились там, так как там нет воды.

– О'кэй, – сказал Кнут. – В таком случае на черта нам идти туда. Надеюсь, мы туда и не попадем.

Теперь мы так привыкли к виду танцующих вокруг нас волн, что перестали обращать на них внимание. Стоит ли беспокоиться о том, что чуть-чуть потанцуем, имея под собой тысячи метров воды, если мы и плот все время держимся на поверхности? Нетрудно было заметить, что бальсовые бревна впитывали воду. Хуже всего обстояло дело с кормовыми ронжинами; засунув кончик пальца в их размокшую древесину, можно было услышать, как под ним хлюпала вода. Ничего не говоря спутникам, я отломал кусок намокшего дерева и бросил его за борт. Он спокойно погрузился в воду и медленно исчез в глубине. Позже я увидел, что некоторые из моих товарищей проделали то же самое, выбрав для этого время, когда им казалось, что на них никто не смотрит. Они стояли, сосредоточенно наблюдая за тем, как кусок пропитанной водой древесины постепенно погружался в зеленую воду. Перед отплытием мы отметили осадку плота, но при беспокойном море было невозможно установить, как глубоко он сидел теперь, так как бревна то на мгновение поднимались из воды, то снова глубоко опускались в нее. Но когда мы вонзали в бревно нож, то мы к нашей радости убеждались, что на глубине примерно в 25 миллиметров от поверхности дерево было сухим. Мы рассчитали, что в случае, если вода будет проникать в бревна тем же темпом, то к тому времени, когда, по нашим предположениям, мы будем приближаться к земле, плот уже не сможет держаться на поверхности воды. Но мы надеялись, что в более глубоких слоях древесный сок будет играть роль пропитывающего состава, который приостановит поглощение воды.

Была и еще одна угроза, которая тревожила наши умы на протяжении первых недель, – это веревки. Днем мы были так заняты, что мало думали о них; но когда наступала темнота и мы залезали в спальные мешки на полу каюты, у нас было больше времени на то, чтобы думать, чувствовать и прислушиваться. Лежа там, каждый на своем соломенном матраце, мы ощущали, как плетеные циновки под нами приподнимаются вместе с бревнами. Не только весь плот все время покачивался, но и все девять бревен изменяли свое положение по отношению друг к другу. Когда одно приподнималось, другое опускалось, и эти легкие колебательные движения не прекращались все время. Они были незначительными, но достаточными для того, чтобы человек чувствовал себя как бы лежащим на спине большого дышащего животного, и мы предпочитали укладываться вдоль бревен. Сильнее всего это покачивание ощущалось в течение первых двух ночей, но тогда мы были слишком усталыми, чтобы обращать на него внимание. Потом веревки слегка набухли в воде, и бревна стали вести себя спокойнее. Но все же бревна, составлявшие остов плота, никогда не представляли собой ровной поверхности, никогда не были совершенно неподвижными по отношению друг к другу. А так как эти бревна двигались вверх и вниз и поворачивались на каждом стыке, то и все двигалось вместе с ними. Бамбуковая палуба, двойная мачта, четыре плетеные стены каюты и крыша из планок и листьев были закреплены канатами и все-таки покачивались, в одном месте приподнимаясь и опускаясь в другом. Это было чуть заметное движение но все же мы ясно видели его. Если один угол каюты поднимался, другой опускался, если бамбуковые жерди на одной половине крыши изгибались в одну сторону, то на другой половине крыши они изгибались в противоположную сторону. А когда мы смотрели из каюты через открытую стену, все казалось нам еще более подвижным и неустойчивым, так как небесный свод описывал медленные крути над нами, а волны высоко подпрыгивали ему

навстречу.

Веревки принимали на себя всю нагрузку. Целыми ночами мы слышали, как они скрипели, стонали, терлись о бревна и шуршали. В темноте все эти звуки сливались в единую жалобную симфонию, в которой каждая веревка тянула отдельную ноту в соответствии со своей толщиной и степенью натяжения. Каждое утро мы тщательно осматривали веревки. Кто-нибудь из нас ложился даже на край плота, свешивал голову в воду и, пока двое товарищей крепко держали его за ноги, старался разглядеть, в порядке ли веревки на подводной части плота.

Но веревки держались. Две недели, говорили нам моряки, потом все веревки перетрутся. И все же, вопреки этому единодушному мнению, мы пока не находили ни малейшего признака перетирания. И лишь тогда, когда мы были далеко в океане, нам стало ясно, в чем дело. Бальсовая древесина была так мягка, что веревки постепенно врезались в дерево, и бревна предохраняли их, вместо того чтобы перетираться.

По прошествии примерно недели океан стал спокойнее, и мы заметили, что он был синим, а не зеленым. Мы теперь плыли к запад-северо-западу, а не к северо-западу и сочли это за первый робкий признак того, что мы выбрались из берегового течения и отныне будем двигаться в сторону открытого океана.

В первый же день, как мы остались одни среди океана, мы заметили вокруг плота рыб, но тогда мы были слишком заняты рулевым веслом, чтобы думать о рыбной ловле. На второй день мы наткнулись на целый косяк сардин, а немного спустя появилась двухметровая голубая акула и, то и дело переворачиваясь своим белым брюхом вверх, поплыла за самой кормой плота, где Герман и Бенгт, стоя босиком в воде, орудовали с рулевым веслом. Некоторое время она играла вокруг нас, но скрылась, как только вооружились ручным гарпуном.

На следующий день нас навели тунцы, бониты²⁷ и золотые макрели; а когда крупная летающая рыба шлепнулась на палубу плота, мы использовали ее в качестве наживки и тотчас же вытащили двух больших золотых макрелей весом в 10 и 15 килограммов. Это был провиант на несколько дней. Во время вахты у руля мы часто видели рыб, которые были нам совершенно неизвестны, а однажды нам попала стая дельфинов, казавшаяся бесконечной. Черные спины, торчавшие из воды одна рядом с другой у самого плота, кувыркались и подпрыгивали тут и там; с верхушки мачты мы увидели, что весь океан, насколько хватал взор, был покрыт ими. Чем больше мы приближались к экватору и чем дальше уходили от берега, тем чаще стали появляться летающие рыбы. Когда мы, наконец, вошли в синюю воду, где величественно перекачивались освещенные солнцем спокойные волны, подернутые рябью от порывов ветра, летающие рыбы пронеслись перед нами, как град снарядов, выпрыгивая из воды и летя по прямой линии и снова исчезая под водой, когда энергия полета иссякала.

Если мы выставляли ночью маленький керосиновый фонарь, его свет привлекал летающих рыб, больших и маленьких, и они перелетали через плот. Нередко они ударялись о бамбуковую каюту или парус и беспомощно падали на палубу. Оттолкнувшись от нее, как они отталкиваются на ходу от воды, они не могли и оставались лежать, беспомощно извиваясь, похожие на пучеглазых сельдей с большими грудными плавниками. Иногда нам приходилось слышать крепкое словцо, когда холодная летучая рыба, двигаясь с изрядной скоростью, ударяла по лицу стоявшего на палубе человека. Они всегда летели быстро, головой вперед, и если они ударяли прямо в лицо, то оно начинало гореть, как от хорошей пощечины. Но потерпевшая сторона быстро забывала эту неспровоцированную агрессию; при всех своих недостатках это была морская страна чудес, где тонкие рыбные блюда со свистом прилетали к нам по воздуху. Обычно мы жарили летучих рыб к завтраку, и – зависело ли это от рыбы, от повара или от нашего аппетита – они напоминали нам, если мы

²⁷ Бониты – рыбы из подотряда скумбриевых.

счищали с них чешую, жареную форель.

Камбуз. Подобно нашим древним предшественникам, мы везли с собой из Перу в Полинезию картофель — кумара, кокосовые орехи и бутылочные тыквы. Пищу готовили на примусе в ящике.

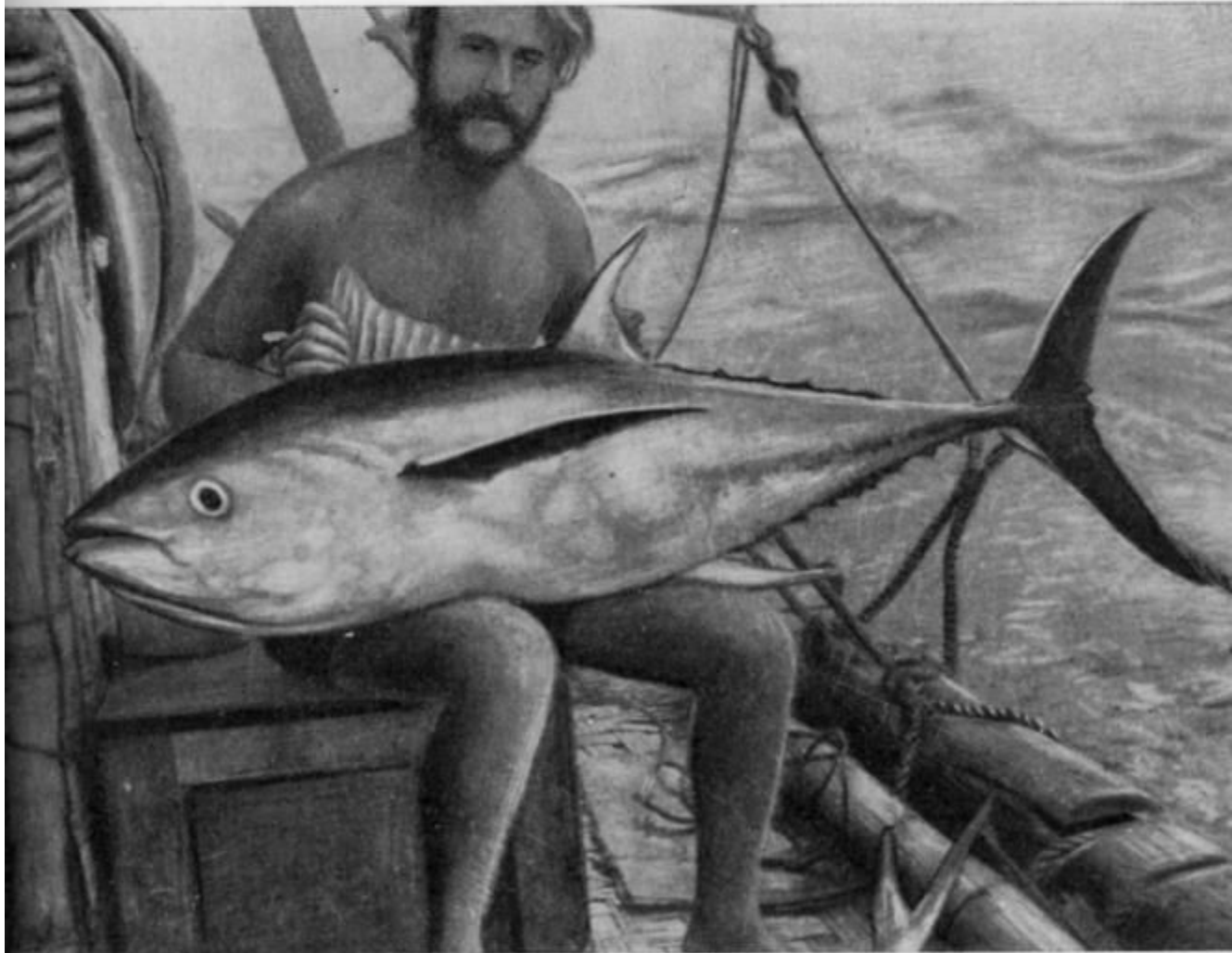
Первая обязанность кока, как только он просыпался утром, состояла в том, что он выходил на палубу и подбирал всех летучих рыб, совершивших в течение ночи посадку на плоту. Обычно их бывало не меньше полудюжины, а однажды утром мы обнаружили на плоту двадцать шесть жирных летучих рыб. Как-то раз, когда Кнут стоял и орудовал со сковородой, летучая рыба ударила его по руке; он сильно огорчился, что она не шлепнулась прямо в кипящий жир.

Торстейн только тогда полностью осознал, в каком тесном соседстве с океаном мы живем, когда, проснувшись, обнаружил на своей подушке сардину. В каюте было так тесно, что Торстейну приходилось лежать головой в дверях; и если кто-нибудь, выходя ночью, случайно задевал его по лицу, он кусал проходившего за ногу. Он схватил сардину за хвост и дал ей совершенно ясно понять, что питает искреннюю любовь ко всем сардинам. На следующую ночь мы предусмотрительно поджали под себя ноги, чтобы оставить Торстейну как можно больше места; но вскоре произошло событие, которое вынудило Торстейна перебраться спать на ящик с кухонной утварью, стоявший в радиорубке.

Это произошло через несколько ночей. Тучи заволокли все небо, и было очень темно; для того чтобы ночные вахтенные видели, куда они ступают, перелезая через него, Торстейн поставил керосиновый фонарь у самой своей головы... Около четырех часов Торстейн проснулся оттого, что фонарь перевернулся и что-то холодное и мокрое начало биться около его лица. «Летучая рыба», – подумал он и принялся шарить в темноте, чтобы выбросить ее.

Он ухватился за что-то длинное и мокрое, извивавшееся, как змея, и сейчас же отдернул руку, словно ожегшись. Пока Торстейн пытался зажечь фонарь, невидимый посетитель переполз через него к Герману. Герман также вскочил, от этого проснулся и я с мыслью о кальмаре, который иногда появляется по ночам в этих водах. Когда нам удалось зажечь фонарь, мы увидели, что Герман сидит с видом победителя, крепко сжимая одной рукой шею длинной узкой рыбы, которая извивается, как угорь. Рыба имела в длину около метра и напоминала своим тонким туловищем змею; у нее были большие черные глаза и удлиненная голова с хищной пастью, полной длинных острых зубов. Зубы были остры, как ножи, и могли отгибаться назад к небу, чтобы пропустить в горло захваченную пищу. Герман продолжал сжимать в руках свою добычу, как вдруг изо рта хищника выскочила пучеглазая белая рыбка около двадцати сантиметров длиной. А следом за ней появилась и вторая такая же. Совершенно очевидно, это были две глубоководные рыбы, сильно пострадавшие от зубов змеиной рыбы. Тонкая кожа змеиной рыбы имела синевато-фиолетовый цвет на спине и голубовато-стальной снизу; она легко снималась целыми лоскутами под нашими пальцами.

От всего шума проснулся, наконец, и Бенгт, и мы подсунули ему под нос фонарь и длинную рыбу. Он впросонках приподнялся в своем спальном мешке и торжественно изрек: – Нет, такой рыбы не существует.

И с этими словами спокойно повернулся и снова заснул.

Бенгт заблуждался не очень сильно. Впоследствии выяснилось, что мы шестеро, сидевшие вокруг фонаря в бамбуковой каюте, были первыми людьми, которые увидели эту рыбу в живом состоянии. На побережье Южной Америки и островов Галапагос несколько раз находили только скелеты подобной рыбы; ихтиологи назвали ее *Gempylus*, или змеиной макрелью, и думали, что она живет на дне океана на большой глубине, так как никто не видел ее живой. Но если она и держалась на большой глубине, то во всяком случае только днем, когда солнце слепило ее большие глаза. Ибо в темные ночи змеиная макрель разгуливала по волнам; находясь на плоту, мы имели случай в этом убедиться.

Неделю спустя после того, как эта редкая рыба угодила в спальный мешок Торстейна, к нам явился другой посетитель. Опять было четыре часа утра, и молодая луна уже зашла, так что кругом стоял мрак, но звезды сверкали. Плот легко слушался руля, и когда моя вахта окончилась, я решил пройтись вдоль борта к носу, чтобы, передав смену, посмотреть, все ли в порядке. Как всегда у вахтенных, у меня вокруг пояса была обвязана веревка; с керосиновым фонарем в руке я осторожно шел вдоль крайнего бревна, чтобы обогнуть мачту. Бревно было мокрое и скользкое, и я пришел в ярость, когда кто-то совершенно неожиданно ухватился сзади за мою веревку и стал так дергать, что я чуть не потерял равновесие. Я гневно обернулся и осветил фонарем, но никого не увидел. Затем снова дернули за веревку, и я заметил, что на палубе что-то блестит и извивается. Это оказалась еще одна змеиная макрель; на этот раз она так глубоко вонзила свои зубы в веревку, что несколько зубов сломалось, прежде чем мне удалось освободить ее. По-видимому, свет фонаря падал на извивавшуюся белую веревку, и наша гостья из глубины океана вцепилась в нее в надежде ухватить особенно длинный и изысканный лакомый кусок. Она окончила свои дни в банке с формалином.

Океан преподносит много сюрпризов тому, кто живет в квартире, расположенной на одном уровне с его поверхностью, и движется по нему медленно и бесшумно.

Случается, что охотник, который пробивался сквозь чащу леса, возвращается и говорит, что не видел никакой дичи. А другой охотник сидит на пне и ждет, и часто вокруг него начинают раздаваться шорохи и трески, и любопытные глаза выглядывают из зарослей.

То же самое относится и к океану.

Обычно мы бороздим его, грохоча машинами и стуча поршнями, вспенивая воду вокруг носа корабля. Потом мы возвращаемся и говорим, что даже посреди океана не на что смотреть.

Когда мы плыли по океану, сидя у самой воды, не проходило дня, чтобы нас не навещали любознательные гости, которые сновали вокруг; некоторые из них, как, например, золотые макрели и лоцманы, так привыкли к нам, что сопровождали плот по океану, день и ночь крутясь возле него.

Когда наступала ночь и звезды мерцали в темном тропическом небе, вода вокруг нас начинала фосфоресцировать, соперничая своим сиянием со звездами. Каждый сверкающий планктонный организм так живо напоминал круглый раскаленный уголек, что мы невольно подбирали свои босые ноги, когда сверкающие шарики выбрасывало волнами на корму плота. Беря их в руки, мы могли различить, что это были ярко светящиеся гарнели²⁸. В такие ночи мы иногда пугались при виде двух круглых светящихся глаз, которые внезапно показывались из воды совсем рядом с плотом и смотрели на нас немигающим гипнотизирующим взглядом – быть может, это явился сам дух моря. Часто это были большие кальмары, которые появлялись из глубины и плавали на поверхности, сверкая в темноте дьявольскими зелеными глазами, напоминающими своим блеском фосфор. А иногда это были светящиеся глаза глубоководных рыб, которые подымались на поверхность только по

²⁸ Гарнели – маленькие раки из десятиногих (Decapoda), похожие на креветок.

ночам и неподвижно лежали, уставясь на нас, очарованные тусклым светом фонаря.

Несколько раз, когда океан был спокоен, в черной воде вокруг плота вдруг появлялись круглые головы, имевшие в диаметре 60–90 сантиметров, которые, не шевелясь, смотрели на нас большими сверкающими глазами. Иной раз по ночам мы видели в воде светящиеся шары диаметром около метра, которые загорались через неправильные промежутки времени, напоминая вспыхивавшие на одно мгновение электрические лампочки.

Постепенно мы привыкли к этим подземным, или, вернее, подводным, существам, которые жили под нами, и все-таки каждый раз удивлялись, когда появлялась новая разновидность. Однажды облачной ночью около двух часов, когда рулевой с трудом мог отличить черную воду от черного неба, он заметил слабый свет под водой, который постепенно принял форму большого животного. Невозможно было определить, светился ли планктон на его теле, или фосфоресцировало само животное, но это мерцание в черной воде придавало призрачному существу неясные колеблющиеся очертания. Оно казалось то круглым, то овальным или треугольным, а затем вдруг разделилось на две части, каждая из которых стала независимо плавать взад и вперед под плотом. В конце концов этих больших светящихся призраков стало три, и они описывали под нами медленные круги. Это были настоящие чудовища, так как только видимая часть их имела в длину 6–8 метров; мы все поспешно выбежали на палубу и следили за призрачным танцем. Чудовища плыли за плотом, и это зрелище продолжалось несколько часов. Таинственные и бесшумные, наши светящиеся спутники держались довольно глубоко под водой, большей частью со стороны правого борта, где горел фонарь, но иногда они плыли прямо под плотом или появлялись с левой стороны. Судя по мерцанию света на их спинах, можно было предположить, что животные размером превосходили слонов, но это не были киты, так как они ни разу не поднялись на поверхность, чтобы подышать. Может быть, мы встретились с гигантскими скатами, которые меняют свою форму, если поворачиваются набок? Они не обращали никакого внимания, когда мы приближали фонарь к самой поверхности воды, стараясь выманить их наверх, чтобы можно было как следует рассмотреть.

И подобно всем настоящим домовым и привидениям, они исчезли в глубине с первыми проблесками зари.

Нам никогда не удалось бы получить правильное объяснение этого ночного посещения трех светящихся чудовищ, если бы решение загадки не пришло само собой, когда через полтора дня при ярком солнце к нам явился еще один посетитель. Это произошло 24 мая, когда мы дрейфовали на легкой зыби, точно на 95° западной долготы и 7° южной широты.

Было около полудня, и мы выбросили за борт внутренности двух больших золотых макрелей, которых поймали рано утром. Для того чтобы освежиться, я спрыгнул с носа плота в океан и лежал в воде, держа все время начеку, привязанный к концу веревки, как вдруг я заметил толстую бурую рыбу, длиной около двух метров, которая подплывала в прозрачной воде с явным намерением поближе познакомиться со мной. Я поспешно взобрался на край плота и сидел под горячими лучами солнца, наблюдая за медленно проплывавшей рыбой; в это мгновение раздался дикий вопль Кнута, который сидел на корме позади бамбуковой каюты. Он орал изо всех сил «акула!», пока его голос не сорвался и не перешел в фальцет.

Так как акулы появлялись у плота почти ежедневно, не вызывая такого волнения, мы все поняли, что произошло нечто совершенно исключительное, и бросились к корме на помощь Кнуту.

Кнут сидел там на корточках и стирал в волне свои штаны; когда он на мгновение поднял глаза, перед ним была огромная уродливая морда, какой ни один из нас не видел за всю свою жизнь, голова настоящего морского чудовища – такая большая и такая отвратительная, что появившись перед нами сам дух моря, он не произвел бы на нас столь сильного впечатления. По бокам широкой и плоской, как у лягушки, головы сидели два маленьких глаза, а вокруг жабьей пасти, шириной чуть ли не в полтора метра, шли длинные складки, свисавшее у углов рта.

Голова переходила в огромное туловище, заканчивавшееся длинным тонким хвостом с

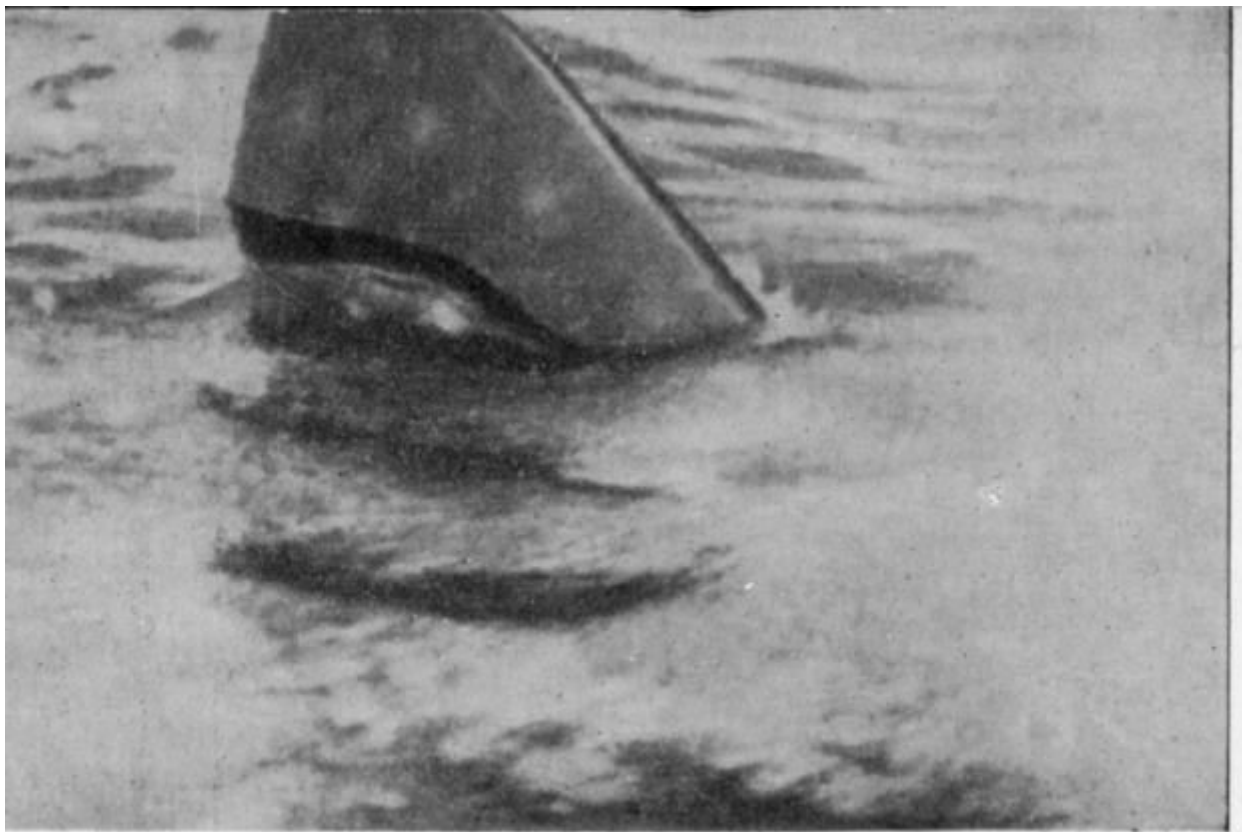
остроконечным хвостовым плавником, который стоял совершенно прямо и показывал, что это морское чудовище не принадлежало к отряду китов. Туловище казалось в воде буроватым, но и голова и тело были густо усеяны маленькими белыми пятнами. Чудовище медленно двигалось, лениво плывя за нашей кормой. Оно ослабло, как бульдог, и слегка било хвостом. Большой круглый спинной плавник выступал из воды, иногда высовывался и хвостовой плавник; а когда чудовище оказывалось во впадине между волнами, вода перекатывалась через его широкую спину, словно омывала какой-то подводный риф. Перед его широкой пастью веерообразным строем плыла целая стая полосатых, как зебра, лоцманов, а большие прилипалы и другие паразиты сидели, крепко вцепившись в огромное туловище, и путешествовали с ним в воде; все вместе они составляли любопытную коллекцию, которая разместилась вокруг чего-то, напоминавшего глубоко сидящую в воде плавучую скалу.

Десятикилограммовая золотая макрель, насаженная на шесть самых крупных рыболовных крючков, висела позади плота в качестве приманки для акул; лоцманы наткнулись на золотую макрель, потыкались носом, не трогая ее, а затем поспешили назад к своему господину и повелителю, морскому царю. Подобно механическому чудовищу, он пустил в ход свою машину и, легко скользя в воде, приблизился к золотой макрели, которая жалкой игрушкой лежала перед его пастью. Мы осторожно подтащили приманку к самому краю плота, и морское чудовище медленно последовало за нею. Оно не раскрыло рта, как будто считая, что не стоит распахивать всю дверь ради такого ничтожного кусочка, как макрель, ударявшаяся об его пасть. Когда гигант подошел к самому плоту, он потерял спину о тяжелое рулевое весло, отчего оно выскочило из воды, и теперь мы имели полную возможность изучить чудовище. На самом близком расстоянии – на таком близком расстоянии, что при виде этого совершенно фантастического зрелища мы все как бы сошли с ума и, разразившись глупым смехом, принялись что-то возбужденно кричать. Сам Уолт Дисней²⁹, при всей силе своего воображения, не мог бы создать более ужасающее морское чудовище, чем то, которое внезапно очутилось около нас, двигая страшными челюстями у края плота.

Чудовище оказалось китовой акулой, самой большой акулой и самой большой рыбой в мире, известной в наши дни.

Она встречается исключительно редко, но отдельные экземпляры кое-где попадались в океанах под тропиками. Китовая акула в среднем имеет в длину 15 метров и весит, по утверждению зоологов, 15 тонн. Говорят, что крупные экземпляры иногда достигают в длину 20 метров; у убитого с помощью гарпуна детеныша печень весила 300 килограммов, а в широкой пасти имелось около 3 тысяч зубов.

²⁹ Уолт Дисней – современный американский кинорежиссер-мультипликатор; известны его фильмы «Три поросенка», «Бемби», «Белоснежка и семь гномов» и др.

Вверху: часть огромного спинного плавника китовой акулы.
Внизу: время от времени кит решительно направляется в нашу сторону.

Чудовище было таким огромным, что, когда оно начало описывать круги вокруг плота и под ним, его голова виднелась с одной стороны, а весь хвост целиком торчал с другой. А спереди его морда казалась такой невероятно причудливой, флегматичной и глупой, что мы не могли удержаться от смеха, хотя прекрасно понимали, что хвост чудовища обладал достаточной силой, чтобы в случае нападения разнести на куски и бальсовые бревна и связывающие их веревки. Снова и снова описывала китовая акула все более суживавшиеся круги под самым плотом, а мы могли лишь наблюдать и выжидать, что произойдет дальше.

Проплывая мимо кормы, акула мирно и плавно проходила под рулевым веслом и приподнимала его на воздух, между тем как лопасть весла скользила вдоль ее спины. Мы стояли кругом палубы плота с ручными гарпунами наготове, но они представлялись нам чем-то вроде зубочисток по сравнению с огромным животным, с которым нам предстояло иметь дело. Не было никаких признаков того, что китовая акула собирается покинуть нас; она кружила вокруг плота и следовала вплотную за ним, подобно преданному псу. Никому из нас не приходилось испытывать или даже предполагать, что ему придется испытать нечто подобное; все это происшествие с морским чудовищем, плававшим позади плота и под ним, казалось нам до такой степени неестественным, что мы поистине не могли отнестись к нему серьезно.

На самом деле китовая акула кружила вокруг нас не больше часа, но нам казалось, что ее визит длился целый день. Наконец Эрик, стоявший с двухметровым ручным гарпуном на углу плота, не выдержал и, подбодряемый неуместными криками, занес гарпун над своей головой. Китовая акула медленно скользила по направлению к нему и высунула свою широкую голову как раз под самым углом плота. Эрик со всей своей богатырской силой взмахнул гарпуном и вонзил его в костлявую голову акулы.

Прошло несколько секунд, прежде чем чудовище как следует поняло, что произошло. И тогда в мгновение ока мирное слабоумное животное преобразилось в гору стальных мышц. Мы услышали свистящий звук, когда веревка гарпуна пролетела над бортом, и увидели фонтан воды, когда чудовище головой вниз нырнуло в глубину. Три человека, стоявшие ближе других, были сбиты с ног; пронесшаяся в воздухе веревка задела и больно хлестнула двоих из них. Толстый канат, достаточно прочный, чтобы удержать шлюпку, зацепился за край плота, но тут же лопнул, как кусок шпагата, а через несколько секунд выброшенное древко гарпуна показалось на поверхности воды в двухстах метрах от нас. Стая испуганных лоцманов промелькнула в воде, отчаянно пытаясь догнать своего старого господина и повелителя.

Мы долго ждали, что чудовище примчится назад, подобно подводной лодке; но нам больше не пришлось увидеть китовую акулу.

Теперь мы находились в Южном экваториальном течении и двигались в западном направлении ровно в 400 милях южнее островов Галапагос. Опасность того, что нас отнесет к галапагосским течениям, миновала; все наше знакомство с этим архипелагом свелось к поклонам, которые нам передавали большие морские черепахи, забравшиеся так далеко в океан, несомненно, с этих островов. Как-то мы увидели огромную морскую черепаху, которая барахталась в воде, высунув на поверхность голову и одну ногу. Когда поднялась зыбь, мы заметили в воде под черепахой зеленые, синие и золотистые тени и поняли, что черепаха ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с золотыми макрелями. Сражение было явно односторонним; оно состояло в том, что 12–15 большеголовых, ярко окрашенных макрелей атаковали шею и ноги черепахи, очевидно пытаясь взять ее измором, так как черепаха не в состоянии пролежать целый день на брюхе, втянув голову и ноги под щит.

Как только черепаха заметила плот, она нырнула и направилась прямо к нам, преследуемая сверкающими золотыми макрелями. Она подплыла к самому краю плота и, по-видимому, была не прочь забраться на бревно, как вдруг увидела нас. Если бы мы имели больше практики, мы без труда могли бы поймать ее веревками, пока ее большой щит медленно проплывал вдоль плота. Но мы упустили момент, слишком долго разглядывая ее, и

когда петля была готова, гигантская черепаха уже миновала нос плота. Мы спустили на воду маленькую резиновую лодку, и Герман, Бенгт и Торстейн пустились вдогонку в круглой скорлупке, которая была немногим больше той, что плыла впереди. Бенгт в качестве эконома мысленно предвкушал уже мясные блюда и восхитительнейший черепаховый суп. Но чем быстрее гребли наши товарищи, тем быстрее и черепаха скользила в воде под самой поверхностью; не успели они отплыть от плота на сотню метров, как черепаха неожиданно бесследно исчезла. Во всяком случае, они сделали одно доброе дело. Когда маленькая желтая резиновая лодка направилась назад, танцуя на воде, вся стая сверкающих золотых макрелей устремилась за ней. Они кружились вокруг новой черепахи, и самые смелые пытались ухватить лопасти весел, которые погружались в воду, как черепаший ноги. Тем временем мирная черепаха благополучно скрылась от всех своих наглых преследователей.

Глава 5 НА ПОЛПУТИ

Повседневная жизнь и эксперименты. – Питьевая вода для экипажа плота. – Батат и тыква раскрывают тайну. – Кокосовые орехи и крабы. – Юханнес. – Мы плывем по ухе. – Планктон. – Съедобная фосфоресценция. – Знакомство с китами. – Муравьи и морские уточки. – Плавающие любимцы. – Золотые макрели становятся нашими спутниками – Ловля акул. – «Кон-Тики» превращается в морское чудовище. – Акулы оставляют нам лоцманов и прилипал. – Летящие кальмары. – Неизвестные посетители. – Водолазная корзина. – С тунцами и бонитами в их стихии. – Несуществующий риф. – Тайна кля раскрыта. – Полпути.

Шли недели. Мы не видели никаких признаков корабля; не встречалось и плававших в воде предметов, которые говорили бы о том, что на свете существуют другие люди. Весь океан принадлежал нам; горизонт был открыт перед нами со всех сторон, и от самого небесного свода веяло подлинным покоем и свободой.

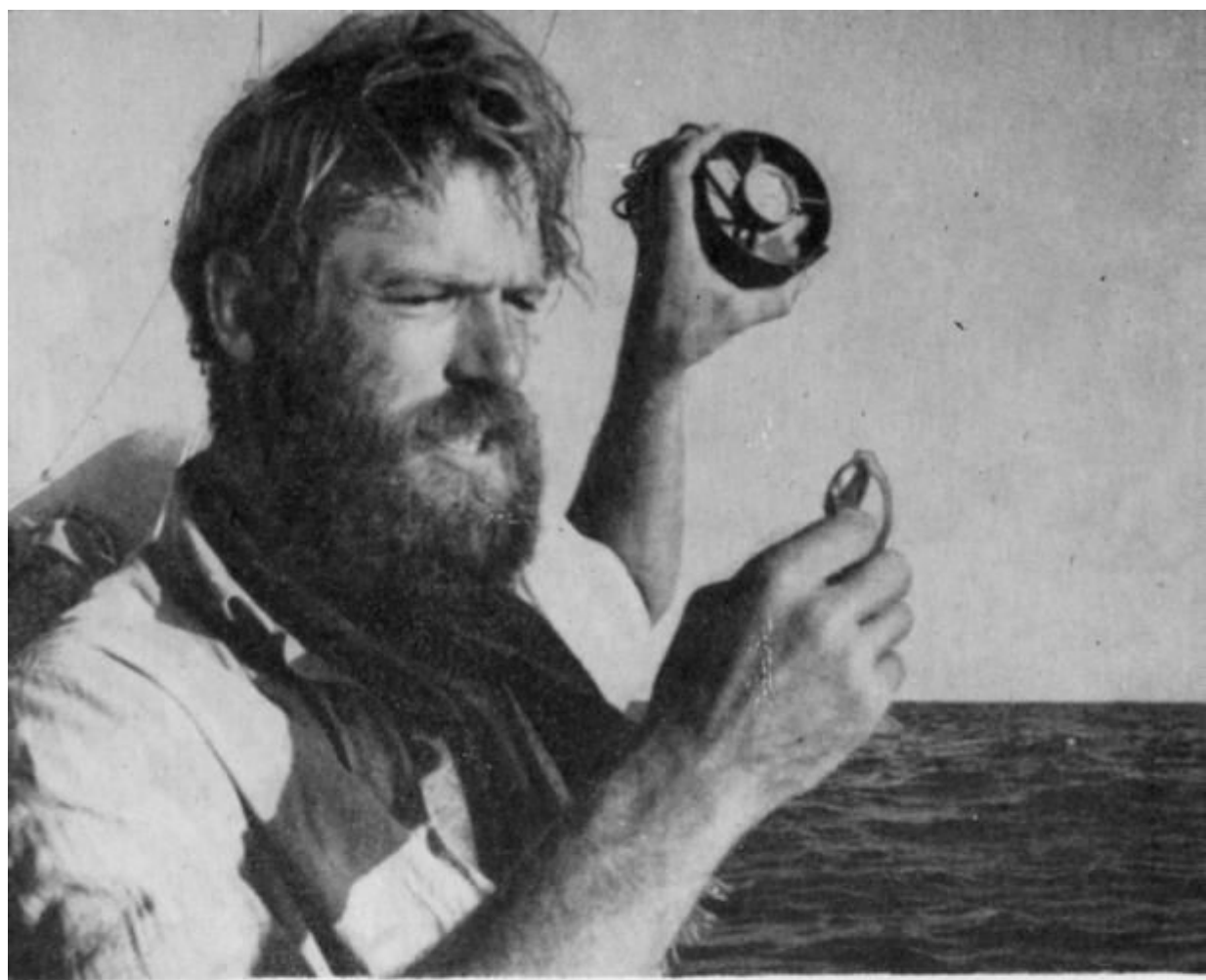
Воздух, казалось, звенел от пропитавшей его свежей соли, и вся незапятнанная синева, окружавшая нас, обмывала и очищала и тело и душу. Все сложные проблемы цивилизованных людей представлялись нам на плоту искусственными и призрачными, простыми измышлениями извращенного человеческого ума. Реальностью были только стихии. А стихии, по-видимому, не обращали внимания на маленький плот. Или, пожалуй, они принимали его за нечто естественное, что не нарушало гармонии океана и приспособлялось к течению и волнам, как птица или рыба. Теперь стихии были не страшным врагом, с пеной набрасывавшимся на нас, а надежным другом, который твердо и уверенно помогал нам двигаться вперед. Ветер и волны толкали и подгоняли, а океанское течение под нами несло нас вперед к нашей цели.

Если бы в один из обычных дней, проведенных нами в океане, нам повстречался какой-нибудь корабль, с его борта было бы видно, что мы спокойно покачиваемся вверх и вниз на длинной медленно катящейся волне, увенчанной мелкими белыми гребнями, а пассат наполняет наш оранжевый парус и выгибает его в сторону Полинезии.

Находящиеся на борту увидели бы на корме плота загорелого бородатого голого человека, который тянет за перепутанные веревки, отчаянно сражаясь с длинным рулевым веслом, или – если погода хорошая – просто сидит на ящике, подремывая на горячем солнце, слегка придерживая пальцами ног рулевое весло.

Если Бенгта не было у руля, то его можно было обнаружить лежащим на животе в дверях каюты с одной из его семидесяти трех книг по социологии в руках. Кроме того, Бенгт исполнял обязанности эконома, и на его ответственности лежало составление дневного меню. Германа в любое время дня можно было видеть решительно повсюду – на верхушке мачты с метеорологическими приборами, под плотом в водолазных очках осматривающим киль или в привязанной к плоту резиновой лодке орудующим с воздушными шарами и каким-то странным измерительным аппаратом. Он был у нас начальником технической части и отвечал за метеорологические и гидрографические наблюдения.

Кнут и Торстейн всегда что-то делали со своими полусухими батареями, паяльниками и схемами. Для того чтобы их маленькая радиостанция работала среди брызг и сырости, на высоте 30 сантиметров над поверхностью воды, требовался весь опыт, приобретенный ими во время войны. Каждую ночь они по очереди посылали в эфир сведения о погоде, которые принимались случайными радиолюбителями, передававшими затем их Метеорологическому институту в Вашингтон и в другие адреса. Эрик обычно сидел, чиня паруса и сплетая концы веревок; иногда он вырезал из дерева или рисовал на бумаге наброски бородатых людей и необыкновенных рыб. А ежедневно в полдень он брал секстант и влезал на ящик, чтобы взглянуть на солнце и установить, сколько мы прошли за истекшие сутки. У меня хватало дел с судовым журналом и отчетами, с собиранием планктона, ловлей рыбы и киносъемками. У каждого была своя область, за которую он отвечал, и никто не вмешивался в работу других. Все менее приятные работы, как вахты у руля и приготовление пищи, исполнялись поочередно. Каждому приходилось проводить у рулевого весла по два часа днем и по два часа ночью. А обязанности кока каждый из нас выполнял в соответствии с расписанием дневных дежурств. На плоту было немного законов и правил: ночной вахтенный должен обвязываться веревкой, спасательная веревка должна находиться на определенном месте, в каюте нельзя есть, а «уборной» может служить только самый дальний конец кормового бревна. Если нужно было принять важное решение, мы на манер индейцев созывали военный совет и, прежде чем на чем-нибудь остановиться, сообща обсуждали вопрос.

В море — главный все измеряет скорости

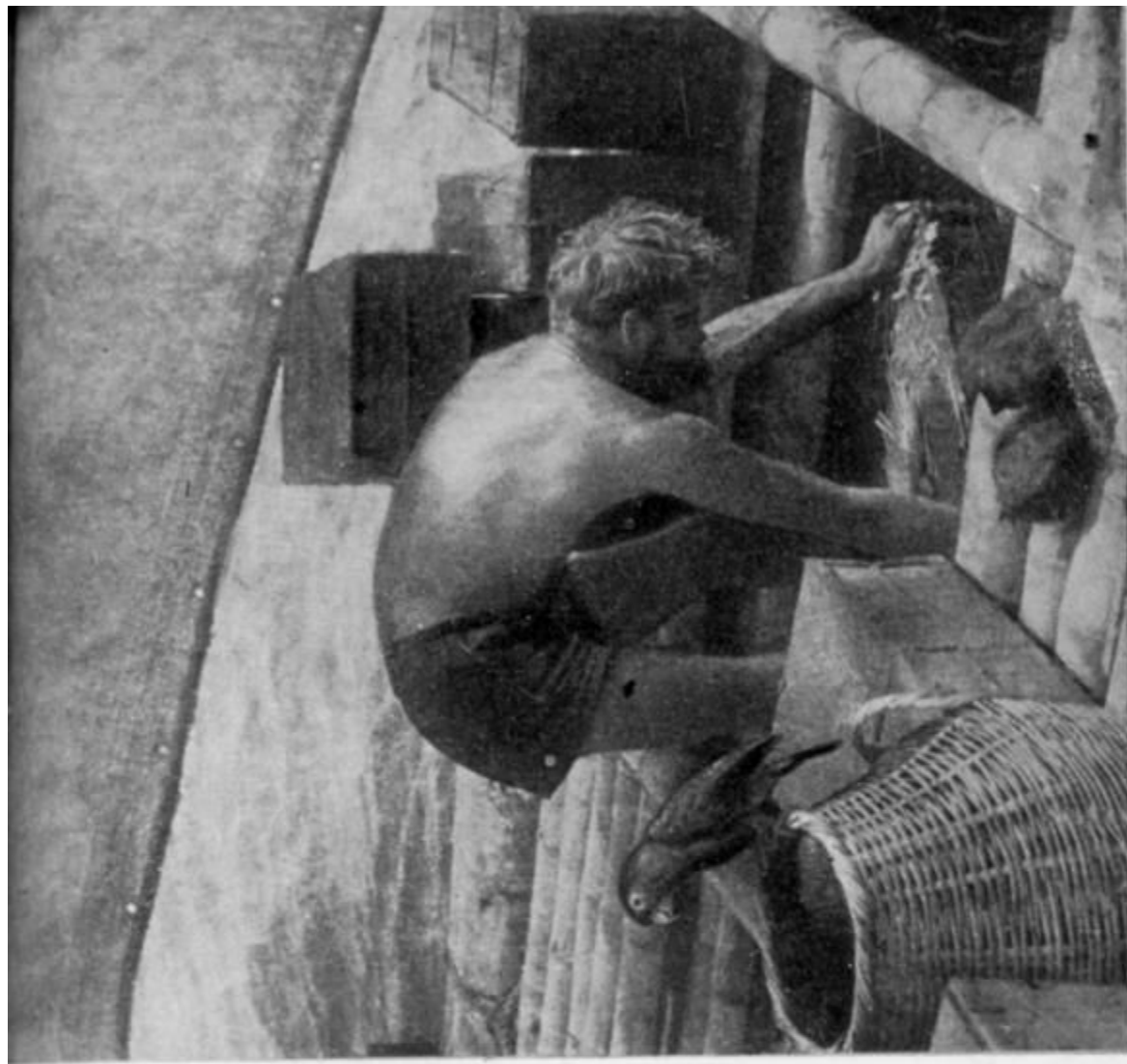
Обычно день на борту «Кон-Тики» начинался с того, что последний ночной вахтенный тормошил кока, и тот, заспанный, вылезал на мокрую от росы палубу, залитую утренним солнцем, и принимался собирать летающих рыб. Вместо того чтобы есть рыбу сырой, как это было принято у полинезийцев и перуанцев, мы жарили ее на небольшом примусе, который стоял внутри ящика, крепко привязанного к палубе перед дверью каюты. Этот ящик был нашей кухней. Сюда обычно не задувал юго-восточный пассат, от которого в другом месте на плоту трудно было укрыться. Только в тех случаях, когда ветер и волны слишком энергично забавлялись с пламенем примуса, деревянный ящик загорался; однажды, когда кок заснул, весь ящик охватило пламенем, которое перекинулось на стену бамбуковой каюты. Но как только дым проник в каюту, огонь был сразу же погашен: на «Кон-Тики» идти за водой было недалеко.

Запаху жареной рыбы редко удавалось разбудить храпевших в каюте, так что коку приходилось тыкать их вилкой или приниматься петь сигнал побудки так фальшиво, что никто не мог этого долго выдержать. Если вблизи от плота не было плавников акул, то день начинался с непродолжительного купания в Тихом океане, после чего следовал завтрак на открытом воздухе на краю плота.

Питание было безукоризненным. Мы проводили два эксперимента: один имел отношение к интендантскому управлению XX века, второй – к Кон-Тики и V веку. Первый опыт был поставлен на Торстейне и Бенгте, питание которых состояло из специальных рационов в маленьких тонких пакетах, хранившихся в коробках, которые мы запихали между бревнами и бамбуковой палубой. Впрочем, Торстейн и Бенгт никогда не питали пристрастия к рыбе и другой морской пище. Каждые несколько недель мы развязывали веревки, прикреплявшие бамбуковую палубу, и вытаскивали новые запасы, которые затем крепко привязывали перед каютой. Плотный слой асфальта, покрывавший со всех сторон картонные коробки, оказался прекрасной защитой, между тем как герметически закупоренные жестяные банки, которые лежали рядом без упаковки, были испорчены проникшей в них морской водой, все время плескавшейся вокруг нашего продуктового склада.

...сь, Хаугланд! Когда волны шли слишком часто, го то и дело окатывало с ног до головы.

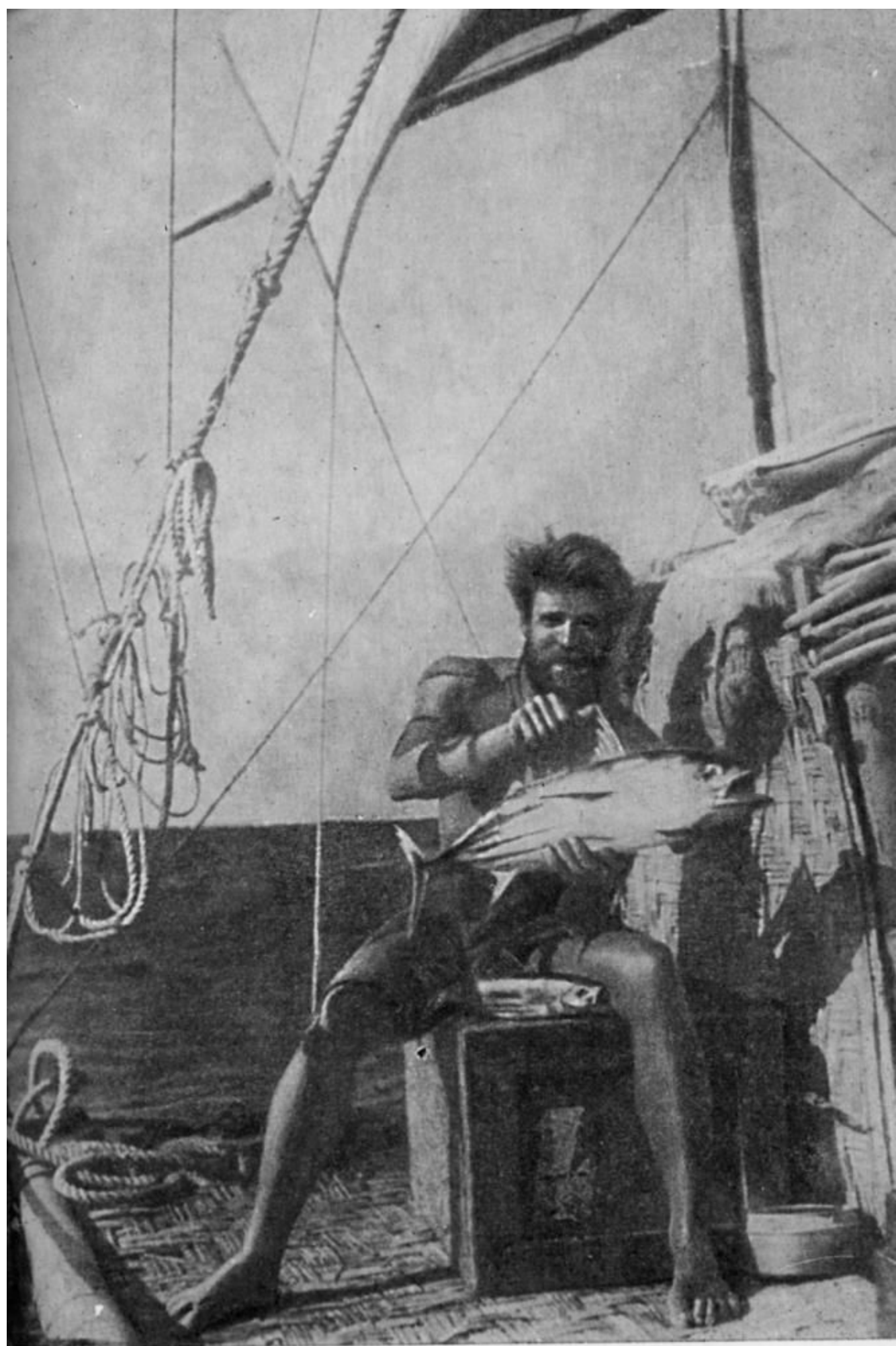
Основной запас провизанта был надежно укрыт под палубой, чтобы его не смыло за борт. Попугай сидит на корзине с кокосовыми орехами и ждет угощения.

У Кон-Тики, когда он впервые совершал путешествие по океану, не было ни асфальта, ни герметически закупоренных банок; тем не менее он не испытывал серьезных затруднений с продовольствием. И тогда мореплаватели питались тем, что могли захватить с собой с суши, и тем, что они могли раздобыть для себя в пути. Весьма вероятно, что Кон-Тики, отплывая от берегов Перу после поражения у озера Титикака, мог иметь в виду одну из следующих двух целей. Возможно, что он – живое воплощение солнца среди своего обожествлявшего солнце народа – рискнул пуститься прямо в океан, чтобы следовать по пути самого солнца, в надежде найти новую, более мирную страну. Другая возможность для него состояла в том, чтобы направить свои плоты вдоль побережья Южной Америки, высадиться где-нибудь севернее и основать новое царство вне пределов досягаемости для своих преследователей. Отплыв от опасных скалистых берегов, населенных враждебными племенами, он, подобно нам, оказался во власти юго-восточного пассата и течения Гумбольдта и по воле этих стихий вынужден был описать точно такой же большой полукруг прямо в сторону заката.

Каковы бы ни были планы этих солнцепоклонников, когда они покидали свою родину, они, конечно, имели с собой запас продовольствия на время путешествия. Сушеное мясо и рыба, сладкий картофель составляли главную часть их первобытной пищи. Когда в те времена люди пускались на плоты вдоль пустынного берега Перу, они брали с собой большой запас воды. Вместо глиняной посуды они большей частью пользовались огромными тыквенными бутылками, не боявшимися толчков и ударов. Еще более удобными для пользования на плоту были толстые стволы гигантского бамбука; в них просверливали все перегородки и наливали внутрь ствола воду через маленькую дырку, которую затыкали какой-нибудь втулкой, либо залепляли смолой или камедью. 30–40 толстых бамбуковых стволов можно было привязать вдоль плота под бамбуковой палубой, и там они лежали в тени, омываемые прохладной (26°С в экваториальном течении) морской водой. Такой запас воды вдвое превышал наш расход за все время путешествия, а его можно было и увеличить, попросту привязав еще несколько десятков бамбуков под плотом, где они ничего не весили бы и не занимали бы места.

По истечении двух месяцев мы обнаружили, что пресная вода стала затхлой и приобрела неприятный вкус. Но за это время вполне можно было миновать ту часть океана, где выпадает мало дождей, и давно очутиться в областях, в которых запас воды пополнялся бы сильными ливнями. Мы ежедневно выдавали по литру с четвертью воды на человека, и далеко не всегда эта порция бывала израсходована.

Если даже наши предшественники пускались в путь, не запасшись достаточным количеством продовольствия, они все же не испытывали больших лишений, пока двигались по океану вместе с течением, в котором рыба водилась в изобилии. За все время нашего путешествия не проходило ни одного дня, чтобы мы не видели плававших вокруг плота рыб и не могли без труда поймать их. Почти ежедневно хоть несколько летающих рыб сами являлись к нам на плот. Случалось даже, что большие бониты, замечательно вкусные, попадали на плот с набегавшими на корму волнами и бились на палубе, когда вода уходила между бревнами, как сквозь сито. Умереть от голода было невозможно.

Из всех тихоокеанских рыб нам больше всего пришлось по вкусу бониты. Случалось, они сами заскакивали к нам на борт.

Древние индейцы хорошо знали способ утоления жажды, к которому во время последней мировой войны прибегали многие потерпевшие кораблекрушение, – высасывание влаги из сырой рыбы. Можно также выдавливать сок, завернув кусок рыбы в какую-нибудь тряпку, а если рыба большая, то нет ничего проще, как вырезать в ее туловище несколько ямок и подождать, пока они быстро наполнятся жидкостью, выделяемой лимфатическими железами рыбы. На вкус этот напиток не очень приятен – если у вас есть для питья что-нибудь лучше, – но содержание соли в нем так незначительно, что жажда утоляется.

Потребность в питьевой воде сильно уменьшалась, если мы регулярно купались, а потом мокрые лежали в затененной каюте. Если вокруг нас величественно патрулировала акула, не давая нам возможности выкупаться по-настоящему в океане, то достаточно было просто лечь на корме на бревна, хорошенько держась за веревки пальцами рук и ног. И тогда мы принимали ванны в прозрачной воде Тихого океана, которая перекачивалась через нас каждые несколько секунд.

Когда во время жары человека мучает жажда, он обычно предполагает, что его организм требует жидкости, это часто может повести к неумеренному расходованию запаса воды без всякой пользы. В действительности в жаркие дни в тропиках можно выпить столько тепловатой воды, что она начнет подступать вам к горлу, а жажда все-таки не исчезнет. В этих случаях организм требует не жидкости, а, как это ни странно, соли. В специальные рационы, которые мы имели с собой, входили таблетки соли для регулярного приема их в особенно жаркие дни, так как с потом организм выделяет соль. Мы испытывали такую жару, когда ветер совершенно замирал, а солнце беспощадно жгло. Мы пробовали вливать в себя столько воды, что она начинала хлюпать у нас в животе, а наши глотки жадно требовали еще. В такие дни мы добавляли к нашему рациону пресной воды от 20 до 40 процентов горько-соленой морской воды и, к собственному удивлению, убеждались, что эта солоноватая вода утоляла жажду. Мы долго ощущали во рту вкус морской воды, но никогда не испытывали тошноты; и тем самым мы одновременно увеличивали свой рацион воды.

Однажды утром, когда мы сидели за завтраком, шальная волна угодила в кашу и совершенно бесплатно научила нас тому, что вкус овсянки в значительной степени перебивает неприятный вкус морской воды.

Старики полинезийцы сохранили в памяти любопытные предания, согласно которым их древнейшие предки, когда они переплывали океан, имели с собой листья какого-то растения, которые они жевали для утоления жажды. Другое свойство этого растения состояло в том, что, положив кусочек его в рот, можно было пить, не испытывая тошноты, чистую морскую воду. На островах Южного моря таких растений нет; они, очевидно, росли на родине их предков. Полинезийские историки упорно настаивали на этих фактах; современные ученые заинтересовались ими и пришли к заключению, что единственным известным растением, обладающим такими свойствами, является кока, который растет только в Перу. А как доказали археологические раскопки, в доисторическом Перу это же самое растение кока, содержащее кокаин, постоянно употреблялось инками и их исчезнувшими предшественниками. Отправляясь в утомительные путешествия по горам или в плавание по океану, они брали пачки этих листьев и много дней подряд жевали их, чтобы не испытывать жажды и усталости. Жевание листьев кока позволяло им в течение некоторого времени даже без вреда для себя пить морскую воду.

На «Кон-Тики» мы не пробовали листьев кока; у нас на передней части палубы были большие плетеные корзины, наполненные другими растениями, которые наложили глубокий отпечаток на всю жизнь островов Южного моря. Крепко привязанные корзины стояли под защитой стены каюты, и, по мере того как шло время, из них все выше и выше поднимались желтые побеги и зеленые листья. Это напоминало маленький тропический сад на деревянном плоту. Когда первые европейцы появились на островах Тихого океана, они обнаружили большие плантации сладкого картофеля на острове Пасхи, на Гавайских островах и в Новой Зеландии; тот же самый батат культивировался также и на других островах, но только в

пределах Полинезии. В тех странах, которые лежали дальше на запад, он был совершенно неизвестен. Сладкий картофель являлся одним из самых важных культивируемых растений на этих далеких островах, где люди без него должны были бы питаться главным образом рыбой. С этим растением связано много полинезийских легенд. Согласно преданию, его привез не кто иной, как сам Тики, когда вместе с женой Пани явился с первоначальной родины их предков, где сладкий картофель был важным предметом питания. Новозеландские легенды рассказывают, что сладкий картофель привезли из-за океана на судах, которые не были челноками, а представляли собой «бревна, связанные вместе веревками».

Как известно, Америка, кроме Полинезии, является единственным местом на земле, где сладкий картофель рос до появления европейцев. А сладкий картофель *Ipomoea batatas*, привезенный Тики на острова, это тот самый картофель, который возделывался с древнейших времен индейцами в Перу. Сушеный сладкий картофель был самым главным продуктом питания во время путешествий и у индейцев древнего Перу и у полинезийцев. На островах Южного моря бататы растут только при тщательном уходе, и так как они не переносят морской воды, попытка объяснить их широкое распространение на этих изолированных островах тем, что их могло принести из Перу океанским течением на расстояние свыше 4 тысяч миль, совершенно несостоятельна. Такая попытка опровергнуть столь важный довод тем более тщетна, что, как установлено филологами, на всех раскинутых на большом пространстве островах Южного моря сладкий картофель называют «кумара», а под этим же именем «кумара» сладкий картофель был известен у древних индейцев в Перу.

Название последовало за бататом через океан.

Другим очень важным возделываемым в Полинезии растением, которое мы везли с собой на «Кон-Тики», была бутылочная тыква *Lagenaria vulgaris*. Не менее важное значение, чем сам плод, имела оболочка тыквы, которую полинезийцы высушивали над костром и употребляли в качестве сосудов для воды. Это типичное огородное растение, которое опять-таки не могло само переплыть океан и распространиться в диком состоянии по островам, было известно и древним полинезийцам и первоначальным жителям Перу. Такие бутылочные тыквы, превращенные в сосуды для воды, мы находим в заброшенных доисторических могилах на берегах Перу; ими пользовались там рыбаки за много столетий до того, как первые люди появились на островах Тихого океана. Полинезийское название бутылочной тыквы, «кими», встречается и среди индейцев Центральной Америки, куда уходит своими корнями культура Перу.

В добавление к разным южным фруктам, съеденным нами за несколько недель, прежде чем они успели сгнить, мы имели с собой третье растение, которое наряду со сладким картофелем сыграло наибольшую роль в истории Тихого океана. У нас было двести кокосовых орехов, дававших работу нашим зубам и снабжавших нас освежающим напитком.

Некоторые орехи вскоре стали прорастать, и по истечении ровно десяти недель нашего плавания у нас появилось полдюжины крошечных пальм вышиной в 30 сантиметров, побеги которых уже раскрылись и образовали плотные зеленые листья. Кокосовая пальма росла в доколумбовскую эпоху и на Панамском перешейке и в Южной Америке. Автор исторических хроник Овьедо³⁰ пишет, что кокосовые пальмы росли в большом количестве на тихоокеанском побережье Перу, когда там появились испанцы. В это время кокосовые пальмы давно уже имелись на всех островах Тихого океана. Ботаники пока не имеют определенных данных относительно того, каков был путь их распространения по Тихому океану. Но одно сейчас уже установлено. Даже кокосовый орех с его знаменитой скорлупой не может перебраться через океан без помощи человека. Орехи, лежавшие у нас на палубе в корзинках, оставались съедобными и не теряли способности к прорастанию в течение всего нашего путешествия в Полинезию. Но примерно такое же количество орехов мы положили среди коробок с продовольствием под палубой, где вокруг них все время плескались волны.

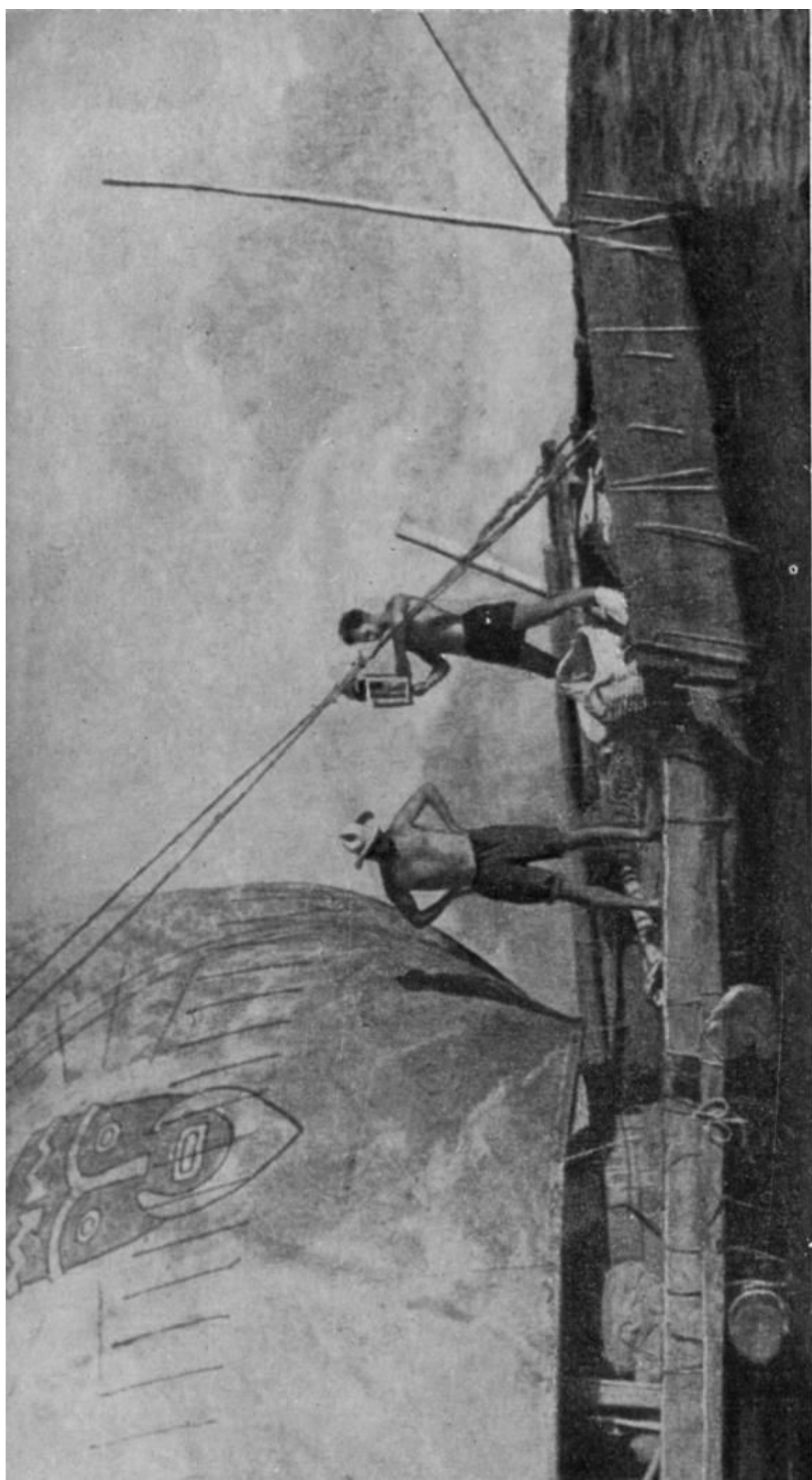
³⁰ Де Овьедо и Вальдес (1478–1557) – испанский историк, автор хроник.

Эти орехи все до единого были испорчены морской водой. А ведь ни один орех не может плыть по океану быстрее, чем бальсовый плот, подгоняемый ветром. Начиналось с того, что глазок ореха пропитывался водой и размягчался, а затем через него морская вода проникала внутрь. Вдобавок целая армия сборщиков мусора следила по всему океану за тем, чтобы ни один плавающий съедобный предмет не мог перебраться из одной части света в другую.

Иногда в тихие дни среди синего океана вдали от всяких берегов мы видели белое перо птицы, плывущее рядом с нашим плотом. Одинокие буревестники и другие морские птицы, которые могут спать на воде, встречались нам за тысячи миль от ближайшей земли.

Если, подплыв к маленькому перу, мы начинали его внимательно осматривать, мы видели на нем двух-трех пассажиров, со всеми удобствами плывших по ветру. Когда «Кон-Тики», подобно какому-то Голиафу, обгонял их, пассажиры при виде нового судна, которое двигалось быстрее и было гораздо поместительнее, покидали свои места и как можно скорее перебирались по воде на плот, предоставляя перу продолжать свой путь в одиночестве. Вскоре «Кон-Тики» кишел безбилетными пассажирами. Это были маленькие морские крабы. Величиной с ноготь пальца, а иногда и значительно больше, они представляли собой лакомство для великанов на плоту, если нам удавалось поймать их.

Маленькие крабы исполняли роль полицейских на поверхности океана; они долго не раздумывали, когда видели что-нибудь съедобное. Если кок прозевывал летающую рыбу, лежавшую между бревнами, то на следующий день на ней уже сидели восемь или десять маленьких крабов и угощались, всюю работая клешнями. При нашем приближении они большей частью пугались, быстро удирали и прятались, но на корме в маленькой дырке у колоды для рулевого весла поселился один краб, названный нами Юханнесом, который был совершенно ручным. Вместе с попугаем, всеобщим нашим любимцем, краб Юханнес также входил в нашу компанию на плоту. Если вахтенный, сидя в солнечный день за рулем спиной к каюте, не видел рядом с собой Юханнеса, он чувствовал себя крайне одиноким среди широкого простора синего океана. В то время как другие маленькие крабы испуганно удирали и прятались, как тараканы на обыкновенном корабле, Юханнес, не таясь, сидел перед своей дверью, выпучив глаза, ожидая смены вахты. Каждый выходящий на вахту приносил крошки галет или кусочек рыбы для Юханнеса, и достаточно было нагнуться над его норой, чтобы он немедленно появлялся на пороге и протягивал лапку. Он клешнями подбирал крошки с наших пальцев, убегал обратно в норку и, сидя внизу у выхода, пережевывал пищу, как школьник, который напихал себе полный рот.

Бородатая физиономия Кон-Тики изображена на парусе. Она скопирована с древнего скульптурного изображения вождя Кон-Тики.

Крабы облепили, подобно мухам, намокшие кокосовые орехи, которые трескались от брожения, или же подбирали планктон, выброшенный волнами на плот. А планктон, эти мельчайшие морские организмы, представлял собой неплохую пищу даже для нас, великанов, когда мы научились добывать его по стольку зараз, чтобы хватило на приличный глоток.

Эти почти невидимые планктонные организмы, которые в бесчисленном множестве плавают по океанам по воле течений, являются, без сомнения, очень питательной пищей. Если некоторые рыбы и морские птицы сами не питаются планктоном, то в таком случае они живут за счет других рыб или морских животных, которые, как бы велики они ни были, питаются им. Планктон – это общее название для тысячи видов мелких организмов, видимых и невидимых глазу, которые плавают в океане у самой поверхности. Некоторые из них являются растениями (фитопланктон), а другие – свободно плавающими рыбьими икринками или крохотными животными (зоопланктон). Животный планктон питается растительным планктоном, а растительный планктон живет за счет аммиачных, азотистокислых и азотнокислых соединений, которые образуются при разложении мертвого животного планктона. Являясь пищей друг для друга, эти два вида планктонных организмов составляют в то же время пищу для всех, кто движется в воде и над водой. Если планктонные организмы недостаточны по величине, то по количеству их вполне достаточно. В стакане богатой планктоном воды их насчитывают тысячами. Не один раз люди умирали в море от голода, потому что им не попадались рыбы такой величины, чтобы их можно было бить острогой, ловить сетью или на крючок. В таких случаях нередко бывало, что люди плыли буквально в сильно разбавленной ухе из сырой рыбы. Если бы вдобавок к крючкам и сетям у них были приспособления для процеживания ухи, среди которой они находились, они могли бы получить питательную гущу – планктон. Когда-нибудь в будущем люди начнут, пожалуй, думать о сборе планктона в море в больших масштабах, как когда-то, давным-давно, им пришла в голову мысль о сборе зерна на земле. От одного зерна пользы нет, но в больших количествах оно становится пищей.

Один ученый-гидробиолог подал нам эту идею и снабдил нас рыболовной сетью, подходящей для тех созданий, которых мы собирались ловить. «Сеть» представляла собой шелковую сетку с примерно пятьюстами ячеек на квадратный сантиметр. Она была сшита в форме воронки, широкий конец которой был закреплен вокруг железного кольца 45 миллиметров в диаметре. Сетка плыла на веревке за плотом. Как и при других видах рыбной ловли, уловы бывали различными в зависимости от времени и места. Уловы уменьшались по мере того, как вода в океане, дальше к западу, становилась теплее; наилучшие результаты у нас бывали ночью, так как многие виды планктонных организмов, по-видимому, уходят глубже в воду, когда сияет солнце.

Если бы у нас не было других способов проводить время на плоту, мы могли бы целыми днями лежать, уткнувшись носом в планктонную сетку. Не из-за запаха, так как он был достаточно неприятным. И не потому, что это было аппетитное зрелище, так как похлебка имела отвратительный вид. А потому, что раскладывая улов на палубе и разглядывая невооруженным глазом каждое из этих мельчайших существ в отдельности, мы могли любоваться бесконечным разнообразием фантастических форм и цветов.

Большей частью это были похожие на крошечных гарнелей ракообразные (копеподы) или свободно плавающие икринки рыб, но попадались также личинки рыб и моллюски, забавные миниатюрные крабы всех цветов, медузы и множество разнообразных мелких созданий, которые могли показаться заимствованными из «Фантазии» Уолта Диснея. Одни напоминали порхающие бахромчатые привидения, вырезанные из целлофана, другие походили на крошечных красноклювых птичек с твердой раковиной вместо перьев. Не было предела расточительной изобретательности природы в мире планктона; при виде этого

зрелища любой художник-сюрреалист³¹ признал бы себя побежденным.

Когда холодное течение Гумбольдта южнее экватора повернуло на запад, мы могли через каждые несколько часов вынимать из сетки по одному-два килограмма планктонной кашицы. Планктон скопился в сетке напомиавшими торт цветными слоями – бурыми, красными, серыми и зелеными – в зависимости от того, по каким планктонным полям мы проходили. Ночью, когда вода вокруг нас фосфоресцировала, нам казалось, что мы перебираем в мешке сверкающие драгоценные камни. Но когда мы брали их в руки, сокровища пиратов превращались в миллионы мельчайших сверкающих гарнелей и светящихся рыбьих личинок, которые горели в темноте, как куча раскаленных угольков. А когда мы перебрасывали их в ведро, спрессовавшееся месиво расплывалось, как волшебная каша из светлячков. Наш ночной улов, такой красивый издали, на близком расстоянии имел отвратительный вид. Несмотря на неприятный запах, на вкус он был сравнительно недурен, если у нас хватало мужества отправить в рот ложку этого фосфора. Если улов состоял из карликовых гарнелей, он по вкусу напоминал омара, краба или паштет из креветок. А если в основном это были икринки глубоководных рыб, то их вкус напоминал черную икру, иногда устриц. Несъедобный растительный планктон большей частью состоял из таких мелких частиц, что они вместе с водой проходили сквозь ячейки сетки, или же они были настолько крупными, что мы могли вылавливать их пальцами. «Вредной примесью» в блюде были единичные студенистые кишечнополостные, похожие на стеклянные шарики, и медузы величиной с сантиметр. Они были горькие, и их приходилось выкидывать. Все остальное можно было есть либо в натуральном виде, либо сваренным в пресной воде наподобие каши или супа. Вкусы бывают различными. Двое из нас считали, что планктон замечательно вкусен, двое считали, что он вполне хорош, а для двоих одного вида его было более чем достаточно. С точки зрения питательности планктон не уступает более крупным моллюскам; приправленный и как следует приготовленный, он, без сомнения, может служить первоклассным блюдом для всех любителей морской пищи.

То, что эти маленькие организмы содержат достаточно калорий, доказано голубыми китами, которые являются самыми крупными в мире животными, а питаются планктоном.

Наш способ ловли с помощью маленькой сетки, которая часто оказывалась изжеванной голодными рыбами, показался нам жалким и примитивным, когда однажды, сидя на плоту, мы увидели, как проплывавший кит выбрасывал каскады воды, попросту процеживая планктон сквозь свои целлулоидные усы. А в один прекрасный день вся наша сетка пропала в океане.

– Почему бы вам, планктоноедом, не поступать, как он? – презрительно спросили Торстейн и Бенгт остальных, указывая на пускающего фонтаны кита. – Наполняйте просто рот и выдувайте воду сквозь усы!

Мне приходилось видеть китов издали с пароходов, и я рассматривал их чучела в музее, но никогда у меня не бывало ощущения, что эта гигантская туша является таким же настоящим теплокровным животным, как, например, лошадь или слон. Конечно, как биолог, я признавал, что кит настоящее млекопитающее. Но по своей сути он представлялся мне со всех точек зрения большой холодной рыбой. Теперь, когда огромные киты мчались к нашему плоту и плыли рядом с ним, наше впечатление было иным. Однажды мы, по обыкновению, сидели за едой у самого края плота, так близко от воды, что, для того чтобы сполоснуть кружки, нам достаточно было откинуться назад; вдруг все мы вздрогнули от неожиданности, когда позади нас кто-то тяжело задышал, как плывущая лошадь, и на поверхности появился большой кит. Он смотрел на нас и был так близко, что мы видели его дыхало, блестящее, как начищенный ботинок. Было так странно слышать настоящее дыхание среди океана, где

³¹ Сюрреализм – сверхреализм. Одно из эстетических течений во Франции, типичное для эпохи кризиса буржуазной культуры. Сюрреалисты утверждают, что источником сверхреалистического искусства является не объективная реальная действительность, а подсознательный мир человека, сны, бред, различные патологические состояния.

все живые существа лишены легких и, бесшумно извиваясь, шевелят своими жабрами, что мы поистине испытывали теплое дружеское чувство к нашему древнему отдаленному родственнику – киту, который, как и мы, забрался так далеко в океан. Вместо холодной, жабоподобной китовой акулы, у которой не хватало ума даже на то, чтобы высунуть нос и подышать свежим воздухом, на этот раз нас посетил кто-то, кто напоминал откормленного веселого бегемота из зоологического сада и сделал несколько вдохов и выдохов (на меня это произвело наиболее приятное впечатление), прежде чем погрузиться в воду и исчезнуть.

Киты посещали нас много раз. Большею частью это были маленькие морские свиньи и зубатые киты, большими стаями резвившиеся около нас на поверхности воды; но время от времени встречались и большие кашалоты или другие гигантские киты, которые плавали поодиночке или стаями в несколько штук. Иногда они проплывали, как корабли, на горизонте, то и дело выбрасывая в воздух фонтаны воды, но в других случаях они направлялись прямо на нас. В первый раз, когда большой кит изменил курс и явно намеренно направился прямо к плоту, мы приготовились к опасному столкновению. По мере того как кит приближался, всякий раз, как он высовывал голову из воды, мы все яснее слышали его тяжелое и редкое пыхтящее дыхание. Казалось, в воде с трудом двигалось огромное, толстокожее, неуклюжее сухопутное животное, столь же не похожее на рыбу, как летучая мышь не похожа на птицу. Кит подплыл к левому борту, где мы все собрались у самого края плота; один из нас сидел на верхушке мачты и кричал, что видит еще семь или восемь китов, направляющихся к нам.

Большой блестящий черный лоб первого кита показался не дальше чем в двух метрах от нас, но вдруг он погрузился в воду, и затем мы увидели, что огромная иссиня-черная спина медленно скользнула под плот как раз под нашими ногами. Некоторое время кит лежал там, темный и неподвижный, а мы затаив дыхание смотрели вниз на гигантскую изогнутую спину млекопитающего, длиной намного превосходившего весь плот. Потом оно медленно погрузилось в синеватую воду и исчезло из виду. Тем временем вокруг плота собралась вся стая, но она не обращала на нас внимания. Вероятно, люди нападали первыми на тех китов, которые употребляли во зло свою колоссальную силу и топили ударами хвоста китобойные баркасы. Все утро мы видели вокруг себя в самых неожиданных местах шумно дышавших китов, но ни разу они не толкнули ни плот, ни рулевое весло. Они вполне довольствовались тем, что спокойно резвились в освещенных солнцем волнах. Но около полудня вся стая, словно по сигналу, нырнула и исчезла навсегда.

Не только китов приходилось нам видеть у себя под плотом. Подняв камышовые циновки, на которых мы спали, мы могли сквозь щели между бревнами смотреть прямо вниз в прозрачную синюю воду. Если пролежать так некоторое время, то можно было заметить покачивавшийся грудной или хвостовой плавник, а время от времени и всю рыбу. Если бы щели были на несколько сантиметров шире, мы могли бы с полным комфортом лежать в постели с удочкой и ловить рыбу под своими матрацами.

Чаще всех увязывались за плотом золотые макрели и лоцманы. Начиная с того момента, когда первые золотые макрели присоединились к нам в течении Гумбольдта за бухтой Кальяо, не проходило дня за все время путешествия, чтобы мы не видели извивавшихся вокруг нас крупных экземпляров. Что привлекало их к плоту, мы не знали; может быть, они испытывали таинственное влечение к тому, чтобы плавать в тени, имея над собой движущуюся крышу; или же их привлекала пища, которую они находили в нашем огороде из водорослей и ракушек, бахромой свисавших со всех бревен и рулевого весла. Обрастание началось с тонкого ровного слоя зелени, но затем зеленые наросты водорослей стали увеличиваться с изумительной быстротой, так что «Кон-Тики», карабкаясь по волнам, имел вид какого-то бородатого морского божества. А среди зеленых водорослей было любимое убежище крохотных мальков и наших безбилетных пассажиров – крабов. Одно время плот заполнили муравьи. В некоторых бревнах были мелкие черные муравьи, и когда мы очутились в море и древесина стала пропитываться влагой, муравьи выползли и перебрались в спальные мешки. Они были повсюду и так кусали и мучали нас, что мы

начали опасаться, как бы они не выжили нас с плота. Но постепенно, когда в океане нас стало все чаще заливать волнами, муравьи поняли, что эта обстановка не для них, и лишь несколько единичных насекомых выдержали переезд через океан. Лучше всего, наряду с крабами, чувствовали себя на плоту морские уточки³² длиной в 25–40 миллиметров. Они размножались сотнями, в особенности на подветренной стороне плота, и, как только мы отправляли взрослых рачков в суповой котел, молодые личинки укоренялись и принимались расти. Рачки эти обладали свежим и приятным вкусом; для салата мы набирали водоросли – он тоже был съедобен, но не так хорош. Фактически мы ни разу не видели, чтобы золотые макрели кормились в огороде, но они то и дело поворачивались своим блестящим брюхом вверх и подплывали под бревна.

Золотая макрель – тропическая рыба с блестящей окраской – обычно бывает длиной от 100 до 135 сантиметров и имеет сильно сплющенное туловище с очень высокой головой и шеей. Однажды мы вытянули на плот рыбу длиной в 143 сантиметра; ее голова имела в высоту 37 сантиметров. Расцветка золотой макрели великолепна. В воде она переливается синими и зелеными красками, как мясная муха, и сверкает золотисто-желтыми плавниками. Но когда мы вытаскивали их из воды, иногда наблюдалось странное явление. Умирая, рыба постепенно меняла окраску, становясь сначала серебристо-серой с черными пятнами, а в конце концов сплошь серебристо-белой. Это продолжалось четыре-пять минут, а затем снова медленно восстанавливалась прежняя окраска. Даже в воде золотая макрель иногда меняет, как хамелеон, свой цвет; часто мы замечали «новую разновидность» блестящих рыб медного цвета, которые при ближайшем знакомстве оказывались нашими старыми спутниками – золотыми макрелями.

Высокий лоб придавал золотой макрели сходство с бульдогом со сплюсненными боками; и когда хищник бросался, как торпеда, в погоню за удирающей стаей летающих рыб, он своим лбом рассекал поверхность воды. Если золотая макрель бывала в хорошем настроении, она поворачивалась на бок, быстро пронеслась вперед, подпрыгивала высоко в воздух и, как блин, плашмя шлепалась обратно; такие прыжки повторялись через одинаковые промежутки времени и каждый раз сопровождалась столбом брызг. Едва она успевала погрузиться в воду, как снова появлялась для следующего прыжка и снова для следующего, перелетая через волны. Но когда она была в плохом настроении, например когда мы вытаскивали ее на плот, тогда она кусалась. Торстейн несколько дней хромал и ходил с тряпкой вокруг большого пальца ноги, так как он угодил им в рот золотой макрели, которая не преминула воспользоваться случаем сжать челюсти и впиться зубами несколько сильнее, чем обычно. По возвращении на родину нам пришлось услышать, что золотые макрели иногда нападают на купающихся людей и съедают их. Это было плохим комплиментом для нас, если принять во внимание, что мы ежедневно купались среди золотых макрелей, не вызывая в них особого интереса. Все же они были опасными хищниками, так как мы находили в их желудках и кальмаров и целых летающих рыб.

³² Морские уточки – усонogie рачки, прикрепляющиеся к камням и плавучим предметам.

Золотые макрели сопровождали нас через весь океан и безотказно клевали на летучую рыбу.

Летающие рыбы были излюбленной пищей золотых макрелей. Если на поверхности воды что-то всплескивало, они опрометью бросались туда в надежде, что это летающие рыбы. Часто в дремотные утренние часы, когда мы, щурясь, вылезали из каюты и еще полусонные окунали зубную щетку в океан, мы сразу же просыпались, подскакивая от неожиданности при виде пятнадцатикилограммовой рыбы, которая молнией вылетала из-под плота и разочарованно тыкалась носом в зубную щетку. Случалось, что мы спокойно сидели за завтраком на краю плота, а в это время золотая макрель выпрыгивала из воды и с такой силой шлепалась на бок, что морская вода окатывала наши спины и попадала в еду.

Однажды, когда мы сидели за обедом, с Торстейном произошел случай, какой бывает только в самых невероятных охотничьих рассказах. Он внезапно положил вилку и опустил руку в океан; прежде чем мы поняли, что случилось, вода забурлила, и большая извивающаяся золотая макрель очутилась среди нас.

Оказывается, Торстейн схватил конец лесы, медленно проплывавшей мимо нас, на другом конце которой висела на крючке совершенно ошарашенная золотая макрель, оборвавшая лесу Эрика, когда тот рыбачил несколько дней тому назад.

Не проходило дня без того, чтобы шесть, семь золотых макрелей не сопровождали нас, кружа вокруг плота и под ним. В плохие дни их могло быть только две или три, но зато на завтра их появлялось до тридцати или сорока. Обычно достаточно было предупредить кока за двадцать минут, если мы хотели получить к обеду свежую рыбу. Тогда он привязывал кусок шпагата к короткой бамбуковой палке и насаживал на крючок половину летающей рыбы. Золотая макрель являлась в мгновение ока, в погоне за крючком бороздя головой поверхность воды, а за ней по пятам следовали еще две или три. Это была увлекательная рыбная ловля, а мясо только что пойманной золотой макрели было плотное и превосходное на вкус, напоминая одновременно треску и семгу. Оно не портилось два дня, а большего нам и не надо было, так как рыбы в океане водилось достаточно.

Знакомство с лоцманами происходило у нас иным путем. Акулы приводили их и после своей смерти оставляли нам для усыновления. Уже вскоре после нашего отплытия плот посетила первая акула. А затем они стали почти ежедневными гостями. Иногда акула просто подплывала, чтобы осмотреть плот, и, описав вокруг один или два круга, отправлялась дальше на поиски добычи. Но чаще акулы пристраивались за кормой, как раз позади рулевого весла; там они лежали совершенно бесшумно, переводя взгляд с одного борта на другой, и лишь изредка чуть-чуть шевелили хвостом, чтобы не отстать от спокойно двигавшегося плота. Серо-голубое туловище акулы, находившейся у самой поверхности воды, в лучах солнца казалось буроватым; оно поднималось и опускалось вместе с волнами, так что спинной плавник все время угрожающе выступал из воды. Если море было бурным, то волны иногда поднимали акулу гораздо выше плота, тогда она величественно плыла к нам в сопровождении суетливой свиты маленьких лоцманов, державшихся перед ее пастью, и мы видели ее всю целиком, как в стеклянном ящике. В течение нескольких секунд нам казалось, что и акула и ее полосатые спутники вот-вот окажутся на самом плоту, но затем плот грациозно наклонялся в подветренную сторону, взбирался на гребень волны и спускался по другую сторону ее.

Вначале мы относились к акулам с большим почтением из-за их репутации и угрожающего вида. В этом заостренном туловище, представляющем собой огромный ком стальных мышц, была заключена необузданная сила, а широкая плоская голова с маленькими зелеными кошачьими глазами и громадной пастью, в которой мог поместиться футбольный мяч, говорила о безжалостной алчности. Когда человек у руля кричал «акула вдоль правого борта» или «акула вдоль левого борта», мы выскакивали на палубу, хватали ручные гарпуны и остроги и выстраивались вдоль края плота. Обычно акула бесшумно плавала вокруг нас, чуть не прижимаясь спинным плавником к бревнам. Наше уважение к

акуле еще увеличилось, когда мы увидели, что остроги гнулись, как спагетти³³, отскакивая от напминавшей наждачную бумагу брони на спине акулы, а наконечники ручных гарпунов ломались в пылу схватки. Если нам и удавалось пронзить кожу акулы и добраться до ее мышц и хрящей, это приводило только к волнующей борьбе; вода вокруг нас кипела, но дело кончалось тем, что акула вырывалась и уходила, а на поверхности воды оставалось маленькое маслянистое пятно, постепенно расплывавшееся.

Чтобы сохранить наш последний гарпун, мы связали в пучок несколько самых крупных рыболовных крючков и засунули их в туловище золотой макрели. Затем мы спустили приманку за борт, предусмотрительно заменив лесу стальным многожильным тросиком, который мы прикрепили к концу нашей спасательной веревки. Медленно и решительно акула приблизилась; высунув голову над водой, она раскрыла свою серповидную пасть, рванув, схватила целиком золотую макрель и проглотила ее. Тут она и попалась. Завязалась битва, во время которой акула вспенила всю воду вокруг плота, но мы крепко вцепились в веревку и подтащили сопротивляющуюся изо всех сил громадину к самым бревнам кормы; там она лежала в ожидании дальнейших событий и лишь широко разевала пасть, как бы желая запугать нас рядами своих острых, как пила, зубов. Набежавшая волна вкатила акулу на край скользких от водорослей бревен; набросив веревочную петлю на хвостовой плавник туловища, мы поспешно отбежали на почтительное расстояние и ждали, пока закончится военный танец.

³³ Спагетти – итальянские очень тонкие макароны без просвета внутри.

Вытаскивание акулы на плот.

Хороший улов тунцов, акул и бонитов.

В хряще первой акулы мы обнаружили наконечник нашего собственного гарпуна и вначале думали, что этим объясняется ее сравнительно слабое сопротивление. Но впоследствии мы таким же способом ловили одну акулу за другой, и каждый раз без особого труда. Как бы ни дергала и ни упиралась акула, какого колоссального труда ни стоило бы подтягивать ее в воде, она становилась совершенно беспомощной и пассивной и никогда не могла полностью использовать свою чудовищную силу, если только нам удавалось туго натягивать лесу, не уступая ни сантиметра в этой борьбе – «кто кого перетянет». Акулы, которых мы вытаскивали на плот, обычно имели в длину от двух до трех метров и среди них попадались и голубые и бурые. У последних кожа, обтягивавшая массу мышц, была очень твердой; для того чтобы пробить ее острым ножом, мы должны были ударять изо всех сил, и даже тогда нож часто отскакивал. На животе кожа была столь же непроницаема, как и на спине, и единственным уязвимым местом являлись жаберные щели за головой, по пять штук с каждой стороны.

Когда акула оказывалась на палубе, мы держались на почтительном расстоянии до тех пор, пока она не переставала биться.

Когда мы вытаскивали акулу, на ее туловище обычно оказывались крепко прицепившиеся черные скользкие прилипалы. С помощью овального присоска на темени плоской головы они прилеплялись так крепко, что нам не удавалось оторвать их, хотя мы изо всех сил тащили за хвост. Но прилипалы сами могли отцепиться и в одно мгновение перебраться на другое место. Если им надоедало висеть, крепко присосавшись к акуле, когда их старый хозяин не обнаруживал намерения вернуться в океан, они спрыгивали с него и исчезали в щелях плота, чтобы поплыть на поиски другой акулы. А если прилипало не находил акулы, он временно присасывался к коже какой-нибудь другой рыбы. Прилипалы бывали разные – и в палец длиной и в тридцать сантиметров. Мы пробовали повторить старый трюк полинезийцев, к которому они иногда прибегают, если им удастся заполучить живого прилипалу. Они привязывают бечевку к его хвосту и пускают в воду. Прилипало старается присосаться к первой попавшейся рыбе и вцепляется в нее так крепко, что удачливый рыбак может вытащить вместе с прилипалой и рыбу, на которой тот держится. Нам удачи не было. Всякий раз, как мы выпускали прилипалу с привязанной к его хвосту бечевкой, он стремглав уплывал и крепко присасывался к одному из бревен плота, думая, что ему попалась исключительно хорошая большая акула. И там он висел, как бы сильно мы ни дергали за веревку. Постепенно у нас появилось изрядное количество таких мелких прилипал; они, покачиваясь, упрямо висели среди ракушек на бревнах плота и путешествовали с нами по Тихому океану.

Но прилипалы были глупы и уродливы и никогда не становились нашими любимцами, как их веселые товарищи – лоцманы. Лоцманы – маленькие сигарообразные, полосатые, как зебры, рыбы, которые быстро плывут стаями перед мордой акулы. Своё название они получили из-за того, что по распространенному когда-то мнению, они служили лоцманами для своего полуслеплого приятеля, указывая ему путь в море. На самом деле, они просто движутся вместе с акулой и если действуют независимо от нее, то лишь в тех случаях, когда в поле их зрения попадает какая-нибудь пища. Лоцман сопровождает своего господина и повелителя до последнего мгновения. Но так как он не может прицепиться к коже гиганта, как это делают прилипалы, он приходит в полное изумление, если его старый хозяин неожиданно исчезает в воздухе и не возвращается обратно. Тогда лоцманы начинают растерянно сновать взад и вперед в поисках хозяина и всегда возвращаются и вьются у кормы плота, где исчезла акула. Время идет, но акула не возвращается, и им приходится искать для себя нового господина и повелителя. А под боком, ближе всех – сам «Кон-Тики».

Если мы ложились на край плота и свешивали голову в прозрачную воду, нижняя часть плота представлялась нам брюхом какого-то морского чудовища; рулевое весло походило на хвост, а кили выступали наподобие тупых плавников. И между ними друг подле друга плавали все усыновленные нами лоцманы, которые не обращали никакого внимания на пускавшие пузыри головы людей; разве только одна-две рыбешки быстро шарахались в сторону и тыкались нам в нос, чтобы затем опять спокойно вильнуть обратно и занять свое место в рядах неутомимых пловцов.

Наши лоцманы патрулировали двумя отрядами: большая часть плавала между килем, остальные изящным веерообразным строем держались перед самым носом плота. Время от времени они стремительно бросались в сторону, чтобы схватить какую-нибудь съедобную безделицу, проплывавшую мимо; а после наших трапез, когда мы мыли за бортом посуду, могло показаться, что вместе с обьедками мы высыпали в воду целый сигаретный ящик полосатых лоцманов. Они не пропускали ни одного кусочка, не исследовав его, и если он был не растительного происхождения, то немедленно проглатывался. Эти забавные рыбки ютились под нашим крылышком с такой детской доверчивостью, что мы, подобно акулам, испытывали по отношению к ним какое-то отцовское покровительственное чувство. Лоцманы стали морскими любимцами «Кон-Тики», и было установлено «табу», запрещавшее трогать их.

Среди нашей свиты были, конечно, лоцманы, не вышедшие еще из детского возраста,

ибо они имели в длину немногим больше двух сантиметров, тогда как большинство было длиной сантиметров в пятнадцать. Когда китовая акула, после того как гарпун Эрика вонзился в ее череп, умчалась с молниеносной быстротой, некоторые из сопровождавших ее лощманов перешли на сторону победителя; они были длиной в шестьдесят сантиметров. Вскоре после ряда побед за «Кон-Тики» следовало 40–50 лощманов, и многим из них так понравилось спокойное плавание и ежедневные объедки, что они сопровождали нас на протяжении тысяч миль.

Но иногда лощманы оказывались вероломными. Однажды во время вахты у руля я обратил внимание на то, что к югу от нас вода внезапно забурлила, и увидел огромную стаю золотых макрелей, которые, подобно блестящим торпедам, неслись к нам. Обычно они приближались, мирно играя, то подскакивая, то шлепаясь обратно в воду плоскими боками; на этот раз они неслись с бешеной скоростью больше по воздуху, чем по воде. Синяя зыбь была взбита в белую пену судорожными движениями беспорядочно мчавшихся беглецов, а за ними, как быстроходный моторный катер, зигзагами мчалась чья-то черная спина. Золотые макрели отчаянными скачками приблизились к самому плоту; здесь они нырнули и, тесно сбившись стаей чуть не в сотню штук, метнулись к востоку, так что все море у нас за кормой засверкало яркими красками. Блестящая спина преследователя наполовину выступила над поверхностью воды, описав изящную кривую, нырнула под плот и понеслась, как торпеда, за стаей золотых макрелей. Это была дьявольски здоровенная голубая акула, длиной, пожалуй, около шести метров. Когда она исчезла, с ней ушла и часть наших лощманов. Они нашли более привлекательного морского героя и решили присоединиться к нему.

По мнению специалистов, из всех морских животных больше всего нам следовало опасаться кальмаров, так как они могли забраться на плот. В Национальном географическом обществе в Вашингтоне нам показали отчеты и драматические снимки, сделанные при вспышках магния: из снимков явствовало, что один из районов течения Гумбольдта очень часто посещается чудовищными кальмарами, по ночам выплывающими на поверхность океана. Они так прожорливы, что если один из них вцепится в кусок мяса и окажется пойманным на крючок, немедленно появляется другой и начинает поедать своего плененного родича. У них такие щупальца, что с их помощью они приканчивают крупную акулу и оставляют безобразные рубцы на теле больших китов; а между щупальцами у них спрятан дьявольский клюв, не уступающий орлиному. Нам напоминали, что кальмары часто лежат на воде со светящимися в темноте глазами и что своими длинными щупальцами они могут проникнуть во все уголки плота, если даже им будет лень вскарабкаться на самый плот. Нам вовсе не улыбалась перспектива почувствовать, как холодные щупальца сжимают нам ночью шею и вытаскивают из спальных мешков; поэтому на случай, если бы мы вдруг проснулись от прикосновения щупалец, мы захватили с собой тяжелые ножи-мачете, по одному на каждого. Мысль о кальмарах сильнее всего тревожила нас перед отплытием, в особенности после того, как океанографы в Перу заговорили с нами на ту же тему и продемонстрировали карту, на которой наиболее опасный участок был отмечен как раз в самом течении Гумбольдта.

Долгое время мы не замечали никаких признаков этих моллюсков ни на плоту, ни в океане. Но вот однажды утром мы получили первое предупреждение, что они находятся в этих водах. Когда взошло солнце, мы обнаружили на плоту отродье кальмара в виде маленького детеныша величиной с кошку. Ночью он без всякой посторонней помощи взобрался на палубу и теперь лежал мертвый, обвив щупальцами бамбуковую жердь перед дверью каюты. Густая чернильно-черная жидкость растеклась по бамбуковой палубе и образовала лужицу вокруг кальмара. Мы исписали несколько страниц в судовом журнале этими чернилами, которые напоминали черную тушь, а затем выбросили труп детеныша за борт на радость золотым макрелям.

Мы сочли, что это незначительное происшествие предвещает появление более крупных ночных посетителей. Если детеныш мог забраться на плот, то его голодный родитель, без

сомнения, способен на то же. Наши предки испытывали, вероятно, такое же чувство, когда они плавали на своих кораблях в эпоху викингов и думали о духе моря. Но следующее событие совершенно сбило нас с толку. Как-то утром мы обнаружили на коньке нашей крыши из пальмовых листьев молодого кальмара еще меньших размеров. Это сильно нас озадачило. Он не мог сам влезть туда, так как чернильные пятна виднелись только вокруг него, посередине крыши. Его не могла уронить туда морская птица, так как на нем не было никаких повреждений или следов от клюва. Мы пришли к выводу, что его забросило на крышу волной, захлестнувшей плот, хотя ни один из вахтенных не помнил, чтобы ночью была такая волна. Проходила одна ночь за другой, и мы регулярно находили на плоту новых молодых кальмаров, самый маленький из которых был величиной со средний палец.

Скоро мы привыкли к тому, что каждое утро на палубе среди летающих рыб оказывались один-два маленьких кальмара, если даже море ночью было спокойным. Эти молодые кальмары принадлежали к той самой дьявольской разновидности, о которой нам рассказывали; у них имелось восемь длинных щупалец, усеянных круглыми присосками, и два еще более длинных, с шипообразными крючками на конце. Но большие кальмары ни разу не появлялись на плоту. Темными ночами мы видели сияние фосфоресцирующих глаз, медленно плывших у самой поверхности воды; и только один-единственный раз океан вокруг нас закипел и забурлил, когда что-то вроде большого колеса всплыло наверх и перевернулось в воздухе, а некоторые из наших золотых макрелей пытались спастись бегством, в отчаянии выпрыгивая из воды. Но почему большие кальмары никогда не появлялись на плоту, хотя маленькие были нашими постоянными ночными посетителями, долго оставалось для нас полнейшей загадкой; решение мы нашли только через два месяца – два месяца, богатых опытом, – когда мы были уже вне пределов злополучного района кальмаров.

Молодые кальмары продолжали являться на плот. Одним солнечным утром мы все увидели стаю каких-то блестящих созданий, которые выпрыгивали из воды и летели по воздуху, напоминая крупные дождевые капли, между тем как море кипело от преследовавших их золотых макрелей. Сначала мы думали, что это стая летающих рыб, так как у нас на плоту побывало уже три разновидности их. Но когда они приблизились и некоторые стали перелетать через плот на высоте примерно полутора метров, одна из них ударилась о грудь Бенгта и шлепнулась на палубу. Это был маленький кальмар. Наше удивление не имело предела. Когда мы поместили его в брезентовое ведро, он продолжал отталкиваться и подскакивать вверх, но в маленьком ведре он не мог развить достаточной скорости и лишь наполовину выпрыгивал из воды. Общеизвестно, что кальмар обычно плавает по принципу ракетного самолета. Он с большой силой пропускает воду сквозь закрытую трубку, проходящую сбоку в его туловище, и таким образом может очень быстро, толчками, двигаться назад; подобрав все свои щупальца и сложив их кистью на голове, он приобретает обтекаемую, как у рыбы, форму. По бокам у него находятся две круглые толстые складки кожи, которые обычно служат для управления и спокойного плавания в воде. Но вот мы обнаружили, что беззащитные молодые кальмары, которые являются излюбленной пищей для многих крупных рыб, могут ускользать от своих преследователей, поднимаясь в воздух, подобно летающим рыбам. Они осуществили на деле принцип ракетного самолета задолго до того, как человеческий гений напал на эту идею. Они накачивают и выпускают из себя морскую воду до тех пор, пока не приобретают громадной скорости, а затем, расправив складки кожи наподобие крыльев, они отрываются под углом от поверхности воды. Как и летающие рыбы, они несутся планирующим полетом над волнами до тех пор, пока не иссякает накопленная ими скорость. После этого случая мы стали обращать на них внимание и часто видели, как они поодиночке, по двое или по трое пролетали 45–55 метров. Тот факт, что кальмар может планировать, явился новостью для всех зоологов, с которыми нам пришлось встретиться по возвращении из экспедиции.

Бывая в гостях у местных жителей тихоокеанских островов, я часто ел кальмаров. По вкусу они напоминают смесь омара и резины. Но на «Кон-Тики» кальмары занимали

последнее место в нашем меню. Если они бесплатно попадали нам в руки, мы меняли их на что-нибудь другое. Обмен совершался следующим образом: мы насаживали кальмара на крючок и забрасывали его в океан, а затем вытаскивали его назад со вцепившейся в него большой рыбой. Молодые кальмары нравились даже тунцам и бонитам, а эти рыбы занимали в нашем меню почетное место.

Мы не испытывали недостатка в новых знакомствах, когда нас медленно несло по океану. В моем дневнике имеется много записей в следующем роде:

«11/5. Сегодня, когда мы сидели за ужином на краю плота, какое-то большое морское животное дважды появлялось на поверхности рядом с нами. Оно страшно плескалось, затем исчезло. Мы не имеем понятия, что это за животное.

6/6. Герман видел толстую темную рыбу с широким белым брюхом, узким хвостом и шипами. Она несколько раз выпрыгивала из воды со стороны правого борта.

16/6. С левого борта видна любопытная рыба. В длину около двух метров, максимальная ширина 30 сантиметров; удлиненная тонкая голова бурого цвета, большой спинной плавник у головы и поменьше на середине спины, мощный серповидный хвостовой плавник. Держится у поверхности, временами плавает, извиваясь, как угорь. Когда Герман и я с ручным гарпуном поплыли в резиновой лодке, она нырнула. Позже показалась опять, но вскоре нырнула и исчезла.

17/6. В полдень Эрик сидел на верхушке мачты и заметил 30–40 длинных узких рыб бурого цвета – таких же, как накануне. На этот раз они быстро приближались с левой стороны и исчезли за кормой, промелькнув в воде бурой плоской тенью.

18/6. Кнут заметил какое-то существо, похожее на змею, узкое, длиною в 60–90 сантиметров; оно виднелось в воде у самой поверхности, то разгибалось, то сгибалось, а затем нырнуло, извиваясь, как змея».

Иногда мы медленно проплывали мимо большой темной массы, которая неподвижно лежала у самой поверхности, напоминая подводную скалу площадью с комнату. По всей вероятности, это был гигантский скат с очень плохой репутацией, но он ни разу не шевельнулся, а мы ни разу не подходили настолько близко, чтобы иметь возможность ясно рассмотреть его очертания.

При наличии в воде такого разнообразного общества время для нас всегда проходило быстро. Хуже бывало, когда нам самим приходилось нырять в океан и осматривать веревки с нижней стороны плота. Однажды один из килей выпал и скользнул под плот; там он запутался в веревках, но мы не могли его достать. Лучше всех ныряли Герман и Кнут. Дважды Герман подплывал под плот и, лежа там среди золотых макрелей и лоцманов, пытался высвободить доску. Он только что вынырнул во второй раз и сидел на краю плота, чтобы перевести дыхание, как вдруг в каких-нибудь трех метрах мы заметили двухполовинометровую акулу, которая медленно подымалась из глубины, направляясь к кончикам пальцев его ног. Может быть, мы были по отношению к акуле несправедливы, но мы заподозрили ее в злом умысле и вонзили гарпун ей в череп. Акула почувствовала себя оскорбленной, и началась борьба, сопровождавшаяся фонтанами брызг, в результате которой акула скрылась, оставив масляное пятно на поверхности воды. А запутавшийся в веревках киль продолжал лежать под плотом.

Тогда Эрику пришла в голову мысль смастерить водолазную корзину. У нас под руками имелось мало материалов, но у нас были бамбук, веревки и старая лубяная корзина, в которой лежали кокосовые орехи. С помощью бамбука и сплетенных веревок мы нарастили верх корзины и теперь имели возможность спускаться за борт в ней. Соблазнительные ноги были спрятаны в корзине, и хотя веревочное плетение наверху оказывало лишь психологическое действие и на нас и на рыб, все же, если кто-нибудь несся на нас с враждебными намерениями, мы могли моментально скрючиться на дне корзины, а оставшиеся на палубе товарищи сразу вытащили бы нас из воды.

Хессельберг делает водолазную корзину. Мы прятались в ней от незваных гостей, когда проверяли подводную часть плота.

Водолазная корзина оказалась не только полезной, но постепенно стала для нас прекрасным местом развлечения. Она давала нам великолепную возможность для изучения плавучего аквариума, находившегося под нами.

Когда океан спокойно катил свои волны, мы по очереди залезали в корзину, и нас спускали под воду, где мы оставались, пока хватало дыхания. Внизу в воде свет как-то необычайно преображался и предметы не отбрасывали тени. Как только наши глаза оказывались под водой, источник света – в отличие от нашего надводного мира – как бы переставал существовать. Преломленные лучи доходили до нас не только сверху, но и снизу; солнце больше не сияло, оно было повсюду. Если мы смотрели вверх, на дно плота, то оно представлялось нам ярко освещенным; девять больших бревен и вся сеть веревочных креплений вместе с покачивающимися гирляндами ярко-зеленых водорослей, свисавших со всех сторон плота и с рулевого весла, – все было залито таинственным светом. Лоцманы плавали стройными рядами, напоминая зебр в рыбьей коже, а большие золотые макрели неутомимо, настороженно, быстро описывали круги, выслеживая добычу. Тут и там свет падал на разбухшую красную древесину кия, который выступал вниз из щели; на доске сидела мирная колония белых морских уток, ритмично шевеливших бахромчатыми желтыми жабрами, вбирая в себя кислород и пищу. Если кто-нибудь приближался к ним, они поспешно захлопывали створки своих раковин с красной и желтой каймой и сидели за закрытой дверью, пока не убеждались, что опасность миновала. Здесь внизу свет отличался изумительной ясностью и действовал на нас, привыкших на палубе к тропическому солнцу, очень успокаивающе. Даже тогда, когда мы смотрели вниз в бездонную глубину океана, где царит вечная черная ночь, эта ночь являлась нам окрашенной в приятный голубой цвет, так как от нее отражались солнечные лучи. К нашему удивлению, мы, находясь у самой поверхности, могли видеть рыб, плававших далеко внизу, в глубине ясной чистой синевы. Возможно, это были бониты, но встречались и другие виды, которые плавали на такой глубине, что мы не могли их определить. Иногда они держались огромными стаями, и мы часто задавали себе вопрос, все ли океанское течение полно рыбы или эти стаи, проплывавшие внизу, в глубине, намеренно собрались под «Кон-Тики», чтобы на несколько дней составить нам компанию.

Больше всего нам нравилось опускаться в воду, когда нас посещали большие тунцы с золотыми плавниками. Иногда они приплывали к плоту большими стаями, но чаще всего являлись по двое или по трое и несколько дней подряд описывали вокруг нас спокойные круги, пока нам не удавалось приманить их на крючок. С плота они казались просто большими, неуклюжими рыбами буроватого цвета, без каких-либо особых украшений; но если мы спускались к ним в их собственную стихию, они вдруг ни с того ни с сего меняли и цвет и форму. Перемена была настолько необъяснимой, что мы несколько раз должны были подниматься на поверхность и снова определять направление, чтобы проверить, те ли это рыбы, на которых мы смотрели в воде. Большие рыбы не обращали на нас никакого внимания; они невозмутимо продолжали свои величественные маневры и принимали такую изящную форму, какой мы не наблюдали ни у одной другой рыбы, а их окраска становилась бледно-лиловой, с металлическим оттенком. Своими совершенными пропорциями и обтекаемой формой они напоминали сверкающие серебром и сталью мощные торпеды, и им достаточно было чуть-чуть пошевелить одним или двумя плавниками, чтобы их туловище весом в 70–80 килограммов с непревзойденным изяществом заскользило в воде.

Чем теснее соприкасались мы с океаном и его обитателями, тем меньше мы удивлялись и тем привычнее он становился для нас. И мы научились уважать древние первобытные народы, которые жили в тесном общении с Тихим океаном и поэтому знали такие его особенности, о которых мы не имеем представления. Конечно, мы установили теперь содержание соли в воде океана и дали тунцам и золотым макрелям латинские названия. Древние полинезийцы этого не сделали. И все же боюсь, что первобытные народы имели об океане более правильное представление, чем мы.

Здесь, в океане, почти не было путеводных вех. Волны и рыбы, солнце и звезды появлялись и исчезали. Предполагалось, что никакой суши не существует на всем протяжении в 4 300 морских миль, которые отделяют острова Южного моря от Перу. Поэтому мы очень удивились, когда, приближаясь к 100° западной долготы, обнаружили, что на карте Тихого океана, прямо впереди нас по курсу, которым мы следовали, отмечена подводная скала. Ее изобразили в виде маленького кружка, и так как карта была издана в этом году, мы заглянули в «Лоцию Южной Америки». Мы прочли: «В 1906, а затем снова в 1926 году были замечены буруны примерно в 600 милях к юго-западу от островов Галапагос, под 6°42' южной широты, 99°43' западной долготы. В 1927 году пароход прошел в одной миле к западу от этого пункта, но у него не заметили никаких бурунов; в 1934 году другой пароход прошел в одной миле к югу и также не обнаружил никаких следов бурунов. Моторное судно «Каури» в 1935 году при промере не достигло в этом пункте дна на глубине 300 метров».

Согласно картам плавание в этом районе все еще считалось делом сомнительным, и, так как глубоко сидящее судно, слишком близко подойдя к мели, подвергалось бы гораздо большему риску, чем наш плот, мы решили направиться прямо к месту, отмеченному на карте, и посмотреть, что там находится. Подводная скала была указана чуть-чуть севернее той точки, к которой мы, по-видимому, держали курс; поэтому мы положили руль вправо и подтянули четырехугольный парус так, что нос плота был устремлен примерно на север, а волны и ветер мы принимали с правого борта. Теперь в наши спальные мешки попадало тихоокеанской воды несколько больше обычного; к тому же и ветер в это время стал значительно свежее. Но мы с удовлетворением убедились, что «Кон-Тики» можно вполне уверенно управлять, идя даже под очень большим углом к ветру, если только мы вовсе не теряли его. В этом случае парус начинал полоскаться, и нам приходилось выполнять цирковые номера, чтобы заставить плот снова слушаться руля. В течение двух дней и ночей мы вели плот к север-северозападу. Волны вздымались высоко, и когда пассат стал неустойчивым и дул то с юго-востока, то с востока, они шли уже непрерывными рядами; но мы продолжали плыть, подымаясь и опускаясь с обрушивавшимися на нас валами. На верхушке мачты все время кто-нибудь дежурил, и когда плот поднимался на гребень, горизонт перед нами значительно расширялся. Гребни волн вздымались почти на два метра выше крыши нашей бамбуковой каюты; а если две мощные волны обрушивались на нас одновременно, то, сталкиваясь, они взлетали еще выше и превращались в шипящий водяной смерч, который мог налететь на нас с любой стороны. Когда наступила ночь, мы забаррикадировали вход в каюту ящиками с продуктами; но океан то и дело нарушал наш покой. Не успели мы заснуть, как раздался первый треск бамбуковой стены; тысяча струй воды фонтанами полилась на нас сквозь бамбуковое плетение, а пенящийся поток обрушился на ящики с продуктами, а затем внутрь каюты.

– Вызовите по телефону водопроводчика, – услышал я чей-то сонный голос, когда мы скрючились, чтобы дать воде возможность уйти сквозь пол. Водопроводчик не пришел, и этой ночью мы, лежа в постели, приняли не одну ванну. Во время вахты Германа на плот ненароком явилась большая золотая макрель.

На следующий день волнение несколько утихло, так как пассат решил, что теперь он некоторое время будет дуть с востока. Мы сменяли друг друга на верхушке мачты, ибо можно было ожидать, что к вечеру мы достигнем того пункта, к которому направлялись. В этот день море казалось нам более оживленным, чем всегда. Может быть, это происходило только потому, что мы всматривались внимательней обычного.

После полудня мы увидели большую меч-рыбу, которая приближалась к плоту, плывя у самой поверхности. Два остроконечных плавника, торчавших из воды, отстояли друг от друга почти на два метра, а меч казался таким же длинным, как и туловище. Меч-рыба описала кривую рядом с рулевым и исчезла за гребнями волн. Когда мы сидели за обедом, изрядно приправленным соленой водой, шипящая волна подняла к самым нашим лицам большую морскую черепаху со щитом, головой и свисавшими ногами. Когда эта волна

уступила место двум другим, черепаха исчезла так же внезапно, как и появилась. И на этот раз мы опять заметили, как, блестя своим зеленовато-белым брюхом, золотые макрели метались в воде под защищенным броней пресмыкающимся. Этот район океана был исключительно богат крошечными летающими рыбами длиной в два-три сантиметра, которые плыли рядом с нами большими стаями и часто попадали на плот. Мы видели также одиноких чаек-поморников, нас постоянно навещали фрегаты, которые летали взад и вперед над плотом, напоминая своим раздвоенным хвостом гигантских ласточек. Появление фрегатов обычно считается признаком близости земли, и оптимистическое настроение на плоту усиливалось.

«Может быть, здесь действительно имеется подводная скала или песчаная отмель», – думали некоторые из нас. А самые большие оптимисты говорили:

– А что, если мы обнаружим островок с зеленой травой? Кто знает, ведь здесь до нас бывало так мало людей. Тогда мы открыли бы новую землю – остров Кон-Тики!

Начиная с полудня, Эрик все чаще и чаще влезал на кухонный ящик и, прищурившись, смотрел в секстант. В 6 часов 20 минут пополудни он сообщил наше положение: 6°42' южной широты и 99°42' западной долготы. Мы находились на расстоянии одной мили к востоку от указанной на карте скалы. Мы опустили бамбуковую рею и скатали на палубе парус. Ветер дул с востока и должен был медленно донести нас до места. Когда солнце быстро опустилось в океан, на смену ему во всем своем великолепии появилась полная луна и осветила поверхность океана, который от горизонта до горизонта переливался чернью и серебром. Видимость с верхушки мачты была хорошая. Повсюду шли длинные валы сталкивавшихся между собой волн, но постоянных бурунов, которые указывали бы на подводную скалу или отмель, не было. Никто из нас не заходил в каюту; все стояли на палубе, пристально всматриваясь, а два-три человека наблюдали с мачты. Когда мы медленно плыли в центре отмеченного на карте района, мы все время делали промеры. К концу шелкового шнура длиной свыше 800 метров, сплетенного из 54 нитей, мы привязали все свинцовые грузила, какие только имелись у нас; если учесть даже, что из-за дрейфа плота шнур опускался не совсем отвесно, все же груз висел на глубине по меньшей мере 600 метров. А дна не было ни к востоку от указанного места, ни в центре, ни к западу от него. Окинув последним взглядом поверхность океана и окончательно убедившись, что имеем полное право считать этот район обследованным и что здесь нет никаких отмелей, мы поставили парус и повернули руль в нормальное положение, так, что ветер и волны снова оказались сзади кормы слева. И наш плот снова двинулся вперед обычным спокойным ходом. Как и прежде, волны накатывались на корму и уходили в промежутки между бревнами. Теперь мы могли спать и есть, не принимая душой, хотя океан вокруг нас разыгрался всерьез и бесновался несколько дней, а пассат дул то с востока, то с юго-востока.

Во время этого маленького путешествия к несуществующему рифу мы начали понимать, какую роль играют выдвижные кили; а когда впоследствии Герман и Кнут, нырнув вдвоем под плот, освободили пятый киль, мы узнали об этих забавных досках еще больше – узнали то, чего никто не понимал с тех пор, как сами индейцы перестали заниматься этим забытым спортом. То, что доска выполняла роль киля и давала плоту возможность двигаться под углом к ветру, было нам понятно. Но когда мы читали у древних испанских историков, что индейцы в какой-то мере «управляют» своими бальсовыми плотами в океане с помощью «своего рода выдвижных килей, которые они просовывают в щели между бревнами», это казалось совершенно непостижимым и нам и всем остальным, кто занимался этим вопросом. Ведь выдвижной киль просто вгонялся в узкую щель и был неподвижен; он не мог поворачиваться в сторону и служить рулем.

Тайна была раскрыта при следующих обстоятельствах. Дул ровный ветер, и океан снова успокоился, так что в течение нескольких дней нам не приходилось прикасаться к привязанному рулевому веслу, для того чтобы удерживать «Кон-Тики» в нужном направлении. Мы засунули выловленный киль в щель на корме, и в то же мгновение «Кон-Тики» изменил курс на несколько градусов с запада к северо-западу, а затем

продолжал спокойно и ровно двигаться по новому курсу. Когда мы снова вытащили киль, плот повернул на прежний курс. Но если мы вытаскивали доску только наполовину, то и плот поворачивал на старый курс только наполовину. Простым подыманием и опусканием килля мы могли вызывать изменение курса и держаться его, не притрагиваясь к рулевому веслу. В этом и заключалась остроумная идея инков. Они разработали простую систему рычагов, в которой вследствие давления ветра на парус мачта являлась неподвижной точкой. Плечами рычага были части плота спереди от мачты и сзади от нее. Если общая поверхность килей спереди была больше, нос плота легко поворачивался к ветру, но если поверхность килей сзади была больше, корма поворачивалась к ветру. Действие ближайших к мачте килей было наиболее слабым – согласно закону о соотношении между длиной плеча и силой. Когда ветер дул с кормы, выдвижные кили переставали действовать; тогда, для того чтобы плот шел ровно, необходимо было все время работать рулевым веслом. В этом случае плот шел прямо по ветру, к тому же он оказывался немного длиннее, чем это нужно для того, чтобы легко скользить по волнам. А так как дверь каюты и место наших трапез находились с правой стороны, мы всегда стремились к тому, чтобы волны набегали на плот сзади под углом слева.

Конечно, во время дальнейшего пути рулевой мог стоять у килля, подымая и опуская его в щели, вместо того чтобы тянуть то в одну, то в другую сторону веревки рулевого весла; однако мы теперь так привыкли к веслу что предпочитали управлять им, установив с помощью килей лишь общий курс.

Следующая знаменательная веха на нашем пути была такой же невидимой, как и отмель, которая существовала только на карте.

Это произошло на сорок пятый день нашего пребывания в океане; мы прошли от 78° западной долготы до 108° и находились ровно на полпути до ближайших островов впереди.

Между нами и Южной Америкой на востоке было свыше 2 тысяч миль, и такое же расстояние отделяло нас от Полинезии на западе. Ближайшей сушей были острова Галапагос к восток-северо-востоку и остров Пасхи к югу, но и до них свыше чем на 500 миль простирался беспредельный океан. Мы не видели и не могли увидеть ни одного корабля, так как по этой части Тихого океана не проходили обычные пароходные пути.

Но на самом деле мы не ощущали этих огромных расстояний; горизонт незаметно двигался вместе с нами, и наш плавучий мир оставался все время неизменным – ограниченный горизонтом круг, вздымавшийся к небесному своду, плот в центре круга и все те же звезды, из ночи в ночь медленно двигавшиеся над нами.

Глава 6 ПО ТИХОМУ ОКЕАНУ. II

Забавное судно. – В резиновой лодке среди океана. – Опасная неосторожность. – Беспредельная синева. – Среди океана в бамбуковой хижине. – На меридиане острова Пасхи. – Тайна острова Пасхи. – Каменные гиганты. – Парики из красного камня. – «Длинноухие». – Тики – связующее звено. – Многозначительные географические названия. – Мы ловим акулу руками. – Попугай. – Позывные L12B. – Плавание по звездам. – Три

волны. – Шторм. – Кровавая баня в океане, кровавая баня на плоту. – Человек за бортом. – Еще один шторм. – «Кон-Тики» приходит в ветхость. – Вестники из Полинезии.

Когда море бывало не очень бурным, мы часто выезжали на маленькой резиновой лодке и делали снимки. Я никогда не забуду нашего первого опыта. Океан был так спокоен, что двоим из нас захотелось спустить в воду маленькую лодку, похожую на воздушный шар, и немножко поработать веслами. Едва отплыв от плота, они перестали грести и принялись хохотать во все горло. Их относил все дальше, они то исчезали между волнами, то вновь появлялись, и каждый раз, как они бросали взгляд на нас, они так громко смеялись, что их голоса звенели над пустынным океаном. В недоумении мы оглядывались вокруг и не видели ничего комичного, если не считать наших собственных косматых, голов и бородатых лиц; но так как два товарища, находившиеся в лодке, должны были уже к этому привыкнуть, у нас зародилось подозрение, что они внезапно сошли с ума. Может быть, солнечный удар. Оба парня с трудом вскарабкались обратно на «Кон-Тики», совершенно обессиленные от смеха, и, тяжело дыша, со слезами на глазах уговаривали нас прокатиться и посмотреть самим.

Я с еще одним спутником прыгнули в танцующую резиновую лодку; волна подхватила ее и отнесла от плота. Мы сразу же плюхнулись на сиденья лодки и дико захохотали. Нам пришлось как можно скорее взобраться обратно на плот и успокоить тех, кто не побывал еще в лодке, так как они думали, что мы оба бесповоротно рехнулись. Это мы сами и наш гордый корабль произвели такое безнадежно бредовое впечатление, когда мы впервые взглянули на все издали. До тех пор нам ни разу не приходилось видеть плот в открытом океане со стороны. Бревна исчезали даже за самыми маленькими волнами, и мы видели – если нам вообще удавалось что-нибудь увидеть – только низкую каюту с широкой дверью и ошестинившейся крышей из листьев, которая подпрыгивала среди волн. Плот напоминал старый добрый норвежский сеновал, который беспомощно плыл по течению в открытом океане, покосившийся сеновал, приютивший загорелых бородатых бродяг. Таким же произвольным смехом мы разразились бы, если бы увидели, что кто-то плывет за нами по океану в ванне. Даже обычная волна, перекатываясь через край плота, покрывала до половины расстояние между бортом и стеной каюты, и казалось, вот-вот она беспрепятственно хлынет в широко открытую дверь, за которой, позевывая, лежали бородачи. Затем нелепый сарай снова появлялся на поверхности, и бродяги в каюте продолжали лежать такие же сухие, волосатые и невредимые, как и прежде. Если набегала более высокая волна, то каюта, и парус, и вся мачта могли исчезнуть за горой воды, но в следующее мгновение каюта с бродягами была, конечно, опять тут как тут.

Вверху: идиллический отдых. Хессельберг знал много песенок и сам же аккомпанировал. Внизу: ежедневно, определив наши местоположения, мы делали отметку на карте Тихого океана.

Вид был неважный, и мы с трудом понимали, почему все шло так благополучно на борту нашего своеобразного судна.

В следующий раз, когда мы отплыли в лодке чтобы хорошенько посмеяться над собой, чуть не произошло несчастье. Ветер и волнение оказались сильнее, чем мы предполагали, и «Кон-Тики» прокладывал себе дорогу в волнах с гораздо большей скоростью, чем мы могли думать. Спасая свою жизнь, мы должны были грести изо всех сил, стараясь догнать несговорчивый плот, который не мог ни остановиться и подождать, ни повернуть назад. Даже тогда, когда наши товарищи на борту «Кон-Тики» спустили парус, ветер так дул в бамбуковую каюту, что бальсовый плот несло на запад с той же скоростью, какую мы могли развить с помощью маленьких игрушечных весел в нашей круглой резиновой лодке, танцевавшей на волнах. У каждого была только одна мысль: мы должны снова быть вместе. Мы провели в океане ужасные минуты, прежде чем удалось догнать убегающий плот и, взобравшись на него, очутиться опять дома, среди товарищей.

С этого дня было строго запрещено отплывать в резиновой лодке, предварительно не привязав ее длинной веревкой к плоту, чтобы оставшиеся на борту могли в случае необходимости подтянуть лодку. Поэтому мы никогда не отплывали далеко от плота, за исключением тех случаев, когда ветер дул очень слабо и по океану шла лишь легкая зыбь. Когда плот находился на полпути к Полинезии, стоял как раз такой штиль, и величественный океан простирался во все стороны горизонта, изгибаясь вокруг земного шара. Теперь мы могли спокойно покинуть «Кон-Тики» и уплывать в синий простор между небом и океаном. Подчас в нас закрадывалось чувство одиночества, когда мы видели, как силуэт нашего судна, удаляясь, становился все меньше и меньше, а большой парус в конце концов превращался в черный квадрат, едва различимый у горизонта. Океан уходил вдаль, синий под синим небом, а там, где вода и небо встречались, синева сливалась, и грань между ними исчезала. У нас бывало такое ощущение, словно мы висели в пространстве; нас окружал пустой синий мир; не было ничего, на чем мог бы остановиться взор, кроме тропического солнца, золотого и жаркого, которое жгло нам шею. Затем далекий парус одинокого плота на горизонте притягивал нас к себе, как магнит. Мы грести обратно, взбирались на плот и чувствовали, что вернулись домой, в наш собственный мир, на плот, представлявшийся твердой, надежной землей. А внутри бамбуковой каюты нас ждали тень и запах бамбука и увядших пальмовых листьев. Залитой солнцем незапятнанной синевы, которую мы видели сквозь открытую стену каюты, теперь было для нас вполне достаточно. К этому зрелищу мы привыкли, и оно удовлетворяло нас до тех пор, пока беспредельная ясная синева снова не соблазняла покинуть плот.

Просто изумительно, какое психологическое действие оказывала на нас шаткая бамбуковая каюта. Она была размером 2,5 на 4 метра, и, для того чтобы уменьшить давление ветра и волн, мы построили ее такой низкой, что никто из нас не мог, выпрямившись, стоять даже под коньком крыши. Стены и крыша были сделаны из крепких бамбуковых жердей, связанных между собой и укрепленных оттяжками; они были забраны плотным плетением из расщепленных побегов бамбука. Эта обрешетка зеленого и желтого цвета с гирляндами листьев, спускавшихся с крыши, была для глаз гораздо приятней, чем каюта, выкрашенная белой краской. И несмотря на то, что бамбуковая стена с правой стороны была на одну треть своей длины открытой, а крыша и стены пропускали солнечные и лунные лучи, эта примитивная берлога вселяла в нас чувство безопасности, какого не могли бы нам дать в этих условиях белоснежные переборки и закрытые иллюминаторы. Мы попытались найти объяснение этому любопытному факту и пришли к следующему выводу. Для нашего сознания было совершенно непривычным ассоциировать крытое пальмовыми листьями бамбуковое жилище с морским путешествием. Не существовало никакой естественной гармонической связи между огромным перекатывающимся океаном и зияющей дырами пальмовой хижинкой, которая плыла среди волн. Поэтому либо хижина должна казаться нам совершенно неуместной среди волн, либо волны должны казаться совершенно неуместными

вокруг хижины. Пока мы находились на плоту, бамбуковая хижина с ее запахом джунглей была для нас привычной действительностью, а вздымающиеся волны представлялись чем-то мало реальным. Но если мы находились в резиновой лодке, волны и хижина менялись ролями. Бальсовые бревна, подобно чайке, всегда скользили по волнам и всегда давали выход воде, которая захлестывала корму, и это вселяло в нас непоколебимую веру в сухое место посреди плота, где находилась каюта. Чем дольше длилось путешествие, тем в большей безопасности мы чувствовали себя в нашей уютной берлоге; и мы смотрели на белые гребни волн, плясавших перед дверью, с таким чувством, словно это был волнующий фильм, который нам абсолютно ничем не угрожает. Пусть открытая стена находится всего в полутора метрах от ничем не огражденного края плота и только на полметра выше уровня воды, все же, забравшись внутрь каюты, мы чувствовали себя так, будто путешествовали по суше за много миль от моря и находились в какой-то лесной хижине, вдали от всех опасностей океана. Тут мы могли лежать на спине, смотреть вверх на забавную крышу, которая покачивалась, как ветви на ветру, и наслаждаться лесными запахами свежей древесины, бамбука и увядших пальмовых листьев.

Бамбуковая хижина защищала нас от ветра и тропического солнца. Забравшись внутрь, мы чувствовали себя, будто в джунглях.

Иногда мы отплывали в резиновой лодке, чтобы взглянуть на себя ночью. Черные как смоль волны громоздились со всех сторон, а мириады мерцающих тропических звезд слабо отражались в планктоне у поверхности воды. Мир был прост – звезды во мраке. Был ли это 1947 год до нашей эры или нашей эры, внезапно потеряло всякое значение. Мы жили, и это мы ощущали со всей остротой. Мы понимали, что жизнь была полна для людей и до наступления века техники – пожалуй, во многих отношениях полнее и богаче, чем жизнь современного человека. Время и эволюция в эти мгновения переставали существовать. Все, что в жизни человека было реальным и имело значение, сегодня оставалось таким же, каким оно было когда-то и будет всегда. Мы растворялись в абсолютном всеобщем мериле

истории: бесконечная беспросветная тьма под роем звезд. Перед вами в ночи вставал из волн «Кон-Тики» и снова опускался за черные массы воды, которые вздымались между ним и нами. В лунном свете плот окутывала какая-то особая атмосфера. Толстые блестящие бревна с бахромой из водорослей, квадратные очертания черного паруса викингов, ощетинившаяся бамбуковая хижина с желтым светом керосинового фонаря позади – все это напоминало скорее картину из волшебной сказки, чем реальную действительность. Время от времени плот совершенно исчезал за черными волнами; затем он опять появлялся и резким силуэтом вырисовывался в свете звезд, а с его бревен стекали сверкающие струи воды.

Когда мы ночью смотрели на наш одинокий плот, мы без труда могли мысленно представить себе, как где-то за горизонтом, когда люди впервые прокладывали себе путь через этот океан, проплывала целая флотилия таких судов, держась веерообразным строем, чтобы было больше шансов заметить землю. Незадолго до появления испанцев инка Тупак Юпанки, который подчинил своей власти и Перу и Эквадор, в сопровождении многих тысяч людей отплыл в океан с целой армадой бальсовых плотов, на поиски островов, которые, по слухам, находились где-то в Тихом океане. Он нашел два острова; некоторые считают, что то были острова Галапагос; и после восьмимесячного отсутствия ему и его многочисленным гребцам с трудом удалось вернуться назад в Эквадор. Конечно, и Кон-Тики со своими спутниками несколькими столетиями раньше плыл таким же строем, но так как они открыли острова Полинезии, у них не было причин пытаться преодолеть обратный путь.

Когда мы снова взбирались на плот, мы часто усаживались вокруг керосинового фонаря на бамбуковой палубе и разговаривали о мореплавателях из Перу, которые полторы тысячи лет назад испытали то же самое. Фонарь отбрасывал на парус огромные тени бородатых людей, и мы думали о белых людях с бородой, следы пребывания которых мы находили в мифологии и архитектуре на всем протяжении от Мексики до Центральной Америки и в северо-западной части Южной Америки вплоть до Перу. Там таинственная цивилизация перед приходом инков исчезает, словно по мановению волшебной палочки, и так же внезапно появляется на одиноких островах на западе, к которым мы теперь приближались. Может быть, эти странствующие наставники принадлежали к древнему цивилизованному народу, который жил за Атлантическим океаном и в давно прошедшие времена переплыл его столь же простым способом, воспользовавшись западным океанским течением и пассатом, доставившими их с Канарских островов в Мексиканский залив? Конечно, это расстояние было гораздо короче, чем то, которое мы преодолеваем, а мы больше не верили, что океан является абсолютно изолирующим фактором. Многие исследователи на основании веских доводов утверждали, что великие индейские цивилизации – от ацтеков в Мексике до инков в Перу – появились в результате неожиданных миграционных волн, приходивших из-за океана с востока, в то время как американские индейцы в целом представляют собой азиатские охотничьи и рыбачьи племена, которые на протяжении 20 тысяч лет или даже более долгого времени просочились в Америку из Сибири. Нас, безусловно, должно поражать то обстоятельство, что мы не находим никаких следов постепенного развития великих цивилизаций, которые когда-то распространялись от Мексики до Перу. Чем глубже в землю уходили раскопки археологов, тем более высокую культуру они находили, пока не достигался определенный предел, который с очевидностью указывал на то, что древние цивилизации возникли, не имея никаких корней в первобытных культурах.

И цивилизации возникли там, куда подходит атлантическое течение, – посреди пустынь и джунглей в Центральной и Южной Америке, а не в областях с более умеренным климатом, где условия для развития цивилизаций и в древности и в современную эпоху были гораздо более благоприятными.

То же самое мы наблюдаем и на островах Южного моря. Самые отчетливые следы цивилизации мы находим на ближайшем к Перу острове Пасхи, хотя почва на этом незначительном островке сухая и неплодородная и хотя он отстоит от Азии дальше, чем все остальные тихоокеанские острова.

Пройдя половину пути, мы проплыли как раз такое расстояние, какое отделяет остров Пасхи от Перу, и этот легендарный остров лежал к югу от нас. Стараясь воспроизвести обычный путь плота в океане, мы отплыли от материка в удачном месте – в середине перуанского побережья. Если бы мы отплыли несколько южнее, ближе к Тиахуанаке, разрушенной столице Кон-Тики, то мы шли бы с тем же ветром, но в более слабом течении, и оно понесло бы нас по направлению к острову Пасхи.

Когда мы миновали 110° западной долготы, мы очутились уже в полинезийской океанической области, так как полинезийский остров Пасхи был теперь к Перу ближе, чем мы. Мы находились на одном меридиане с первым аванпостом островов Южного моря, центром древнейшей островной цивилизации. По вечерам, после того как раскаленный путеводный шар спускался к горизонту и в сопровождении всех цветов спектра исчезал в океане на западе, легкий пассат воскрешал рассказы о необычайных тайнах острова Пасхи. Ночное небо сглаживало всякое представление о времени, а головы бородатых великанов опять вырисовывались на парусе.

Но далеко на юге, на острове Пасхи, стоят высеченные из камня еще более гигантские головы с остроконечной бородой и чертами лица белых людей, стоят и размышляют о тайне столетий. Так стояли они, когда первые европейцы открыли остров в 1722 году, и так стояли они двадцатью двумя полинезийскими поколениями раньше, когда предки теперешних жителей высадились из своих челноков и истребили всех попавшихся им в руки взрослых мужчин таинственного цивилизованного народа, населявшего остров. С тех пор гигантские камерные головы на острове Пасхи причисляют к самым неразрешимым тайнам древности. Тут и там на склонах холмов этого безлесного острова поднимались к небу огромные статуи – каменные колоссы, великолепные фигуры людей, высеченные из одной глыбы вышиной с трех- или четырехэтажный дом. Как могли древние люди изваять, перенести и поставить этих гигантских каменных колоссов? И, словно этого им еще было мало, они умудрились на головах некоторых статуй, на высоте двенадцати метров над землей, установить в равновесии добавочную чудовищную глыбу красного камня, напоминавшую огромный парик. Что это все означало и какими познаниями в механике обладали эти исчезнувшие зодчие, которые разрешали проблемы, достаточно трудные и для лучших современных инженеров?

В конце концов, если сопоставить все данные, то тайна острова Пасхи, пожалуй, не является неразрешимой; ключом к этой загадке могут быть люди из Перу, приплывшие на плотах. На этом острове древняя цивилизация оставила такие следы, которые не могло изгладить само время. Остров Пасхи представляет собой вершину древнего потухшего вулкана. Мощные дороги, проложенные древними цивилизованными жителями, ведут к хорошо сохранившимся местам высадки на побережье, и это доказывает, что глубина воды вокруг острова не изменилась до наших дней. Это не остатки опустившегося материка, а крошечный заброшенный остров, который был таким же маленьким и одиноким и тогда, когда он являлся культурным центром Тихого океана.

Посредине конусообразного островка находится кратер потухшего вулкана, а на дне кратера расположены удивительные каменоломни и скульптурная мастерская. Она осталась в таком же точно виде, в каком столетия назад ее покинули древние скульпторы и зодчие, когда они поспешно бросились к восточному мысу острова, где, согласно преданию, пришельцы перебили всех взрослых мужчин-островитян. Благодаря тому, что работа художников была внезапно прервана, мы имеем теперь ясное представление об обычном рабочем дне в кратере острова Пасхи. Каменные топоры скульпторов, твердые, как кремь, лежат, брошенные у рабочих мест, и доказывают, что этот культурный народ не знал железа, как не знали его скульпторы Кон-Тики, когда они убежали из Перу, оставив после себя подобные же гигантские каменные статуи на плато в Андах. И здесь и там находят каменоломни в тех местах, где легендарные белые бороватые люди высекали прямо из склона горы каменные глыбы длиной в девять-двенадцать метров, пользуясь топорами из еще более твердого камня. И здесь и там гигантские глыбы, весившие много тонн,

переносились на расстояние многих километров по неровной местности, прежде чем их устанавливали стоямя в виде громадных человеческих фигур или ставили друг на друга, создавая таинственные террасы и стены.

Много больших незаконченных статуй до сих пор лежит там, где их начали делать, – в углублениях в стене кратера на острове Пасхи; они показывают, как шла работа на различных этапах. Самая большая человеческая фигура, которая была почти готова, когда зодчим пришлось убежать, имела в длину 22 метра; если бы она была закончена и установлена, голова этого каменного колосса находилась бы на одном уровне с крышей восьмиэтажного здания. Каждая отдельная статуя была высечена из одной цельной глыбы, а рабочие ниши для скульпторов вокруг лежащей каменной фигуры показывают, что над статуей одновременно работало лишь несколько человек. Статуи на острове Пасхи лежали на спине с согнутыми в локтях руками, с кистями рук на животе, в точности похожие на каменных колоссов в Перу. Статуи отделялись в мастерской до мельчайших деталей, и лишь затем их выносили и доставляли к месту назначения. На последнем этапе работы в каменоломне гигантская фигура оставалась прикрепленной к скале лишь узкой каменной перемычкой, находившейся под спиной; затем отсекали и перемычку, предварительно подложив под статую валуны, чтобы она не скатилась.

Большое количество таких статуй было уже спущено вниз, на дно кратера; там они стояли прислоненные к склону. Но много самых огромных колоссов было вытащено наверх и доставлено за много километров по труднопроходимой местности; там их устанавливали на каменную плиту, а на голову водружали добавочную гигантскую глыбу из красной лавы. Сама эта переноска может показаться полнейшим чудом, но отрицать этот факт невозможно, как нельзя отрицать того, что исчезнувшие из Перу зодчие оставили в Андах каменных гигантов такой же величины – свидетельство их непревзойденного мастерства. Больше всего монолитов, при этом самых крупных, было обнаружено на острове Пасхи, где скульпторы выработали свой собственный стиль; однако представители той же самой исчезнувшей цивилизации воздвигли подобные же гигантские человеческие фигуры на ряде других тихоокеанских островов, ближайших к Америке, и повсюду монолиты доставлялись к священному месту из отдаленных каменоломен. На Маркизских островах я слышал легенды о том, каким способом передвигали каменных гигантов; так как эти легенды в точности повторяют рассказы местных жителей о переноске каменных колонн к огромному portalу на острове Тонгатабу, то можно предположить, что тот же народ применял тот же метод и для переноски статуй на острове Пасхи.

Работа скульпторов в каменном карьере требовала много времени, но выполнялась только несколькими специалистами. Работа по доставке законченных статуй производилась быстрее, но зато для нее нужно большое количество людей. В те времена, о которых идет речь, маленький остров Пасхи был богат рыбой, а большие плантации перуанского сладкого картофеля тщательно обрабатывались. Специалисты считают, что в эти лучшие времена остров мог прокормить население в 7 или 8 тысяч человек. Для того чтобы поднять огромные статуи вверх по крутому склону кратера, вполне достаточно было тысячи человек, и 500 человек могли управиться с дальнейшей их переноской по острову.

Из луба и растительного волокна сплетали изумительно прочные канаты, и, укрепив каменный колосс на деревянных рамах, толпа тащила его на катках, сделанных из бревен и небольших валунов, которые натирались корнями таро, чтобы рамы легче скользили.

О том, что древние цивилизованные люди мастерски изготовляли веревки и канаты, убедительно говорят находки на островах Южного моря и – с еще большей несомненностью – в Перу, где первые европейцы обнаружили висячие мосты длиной в сотню метров, переброшенные через бурные потоки и ущелья и сделанные из плетеных канатов толщиной в талию взрослого мужчины.

Когда каменный колосс прибывал на предназначенное ему место, возникал новый вопрос: как его установить. Группа островитян строила из камня и песка специальную насыпь с пологим склоном с одной стороны и с крутым противоположным склоном. По

пологой поверхности гигантскую фигуру втаскивали наверх, ногами вперед. Когда статуя достигала вершины насыпи, она переваливалась через острый край и соскальзывала прямо вниз так, что ее основание попадало в заранее вырытую яму. Затылок гиганта касался вершины насыпи, по ней вкатывали добавочную цилиндрическую глыбу камня и устанавливали на голове статуи, и лишь после этого насыпь разрушали. Такого рода готовые насыпи стоят в нескольких местах на острове Пасхи, ожидая огромные статуи, которые никогда не появятся. Вся эта техника была изумительна, но она не представляет собой ничего таинственного, если только мы откажемся от недооценки умственных способностей людей древности и примем во внимание, что они могли располагать большим количеством времени и рабочей силы.

Но зачем они делали эти статуи? И почему было необходимо отправляться в другую каменоломню, за семь километров от мастерской в кратере, и добывать там красный камень особого сорта, чтобы класть его на головы фигур? И в Южной Америке и на Маркизских островах часто вся статуя была сделана из этого красного камня, за которым приходилось ходить очень далеко. Красные головные уборы у людей высшего сословия были характерным признаком и в Полинезии и в Перу.

Постараемся сначала уяснить себе, кого изображали статуи. Когда первые европейцы посетили остров Пасхи, они увидели на берегу таинственных «белых людей» и, что было совершенно необычно для этих племен, среди них встречались мужчины с длинными рыжими бородами – потомки женщин и детей, принадлежавших к первоначальному населению острова и пощаженных захватчиками. Сами островитяне заявляли, что некоторые из их предков были белыми, между тем как другие имели коричневую кожу. Они точно высчитывали, что со времени прибытия последних с каких-то других полинезийских островов прошло двадцать два поколения, тогда как первые явились на больших судах с востока за целых пятьдесят семь поколений (то есть приблизительно между 400 и 500 годом нашей эры). Людей, которые пришли с востока, называли «длинноухими», так как они искусственно удлиняли свои уши, подвешивая к мочкам какие-нибудь тяжести; поэтому уши свисали у них до плеч. Эти таинственные «длинноухие» были перебиты, когда на остров явились «короткоухие»; но у всех каменных статуй на острове Пасхи были длинные, свисавшие до плеч уши, как у самих скульпторов.

А легенды инков в Перу рассказывают, что солнце-король Кон-Тики был повелителем белых людей с бородами, которых инки называли «большеухими», потому что они искусственно удлиняли свои уши, вытягивавшиеся у них до плеч. Инки подчеркивали, что заброшенные гигантские статуи в Андах были воздвигнуты именно «большеухими» людьми Кон-Тики, прежде чем те были частью истреблены, а частью обращены в бегство самими инками в битве на острове озера Титикака.

Подведем итоги: белые «большеухие» люди Кон-Тики, исчезнувшие из Перу и отправившиеся куда-то на запад, имели большой опыт по созданию колоссальных каменных статуй, а белые «длинноухие» люди Тики пришли на остров Пасхи с востока и были сведущи в том же самом искусстве, в котором они сразу по прибытии проявили себя законченными мастерами, так как на острове Пасхи нельзя обнаружить ни малейшего следа постепенного развития этого мастерства.

Сравнивая большие каменные статуи на некоторых островах Южного моря с такими же статуями в Перу, мы часто находим между ними больше сходства, чем между монолитами с разных островов Южного моря. На Маркизских островах и на Таити такие статуи известны под общим названием «тики», и там они изображают предков, прославившихся в истории островов и после смерти приравненных к богам. В этом, несомненно, заключается и объяснение странных красных шапок на головах статуй с острова Пасхи. Как уже упоминалось, на всех полинезийских островах можно было встретить отдельных людей и целые семьи, у которых были красноватого цвета волосы и светлая кожа; сами островитяне утверждали, что именно эти люди являются потомками первых белых людей, населявших острова. На некоторых островах участники религиозных празднеств красили себе кожу в

белый цвет и волосы в красный, чтобы походить на своих древнейших предков. Во время ежегодной церемонии на острове Пасхи главный участник праздника отрезал себе волосы, чтобы можно было окрасить голову в красный цвет. А колоссальные шапки из красного камня на гигантских статуях острова Пасхи были высечены в форме, характерной для местного стиля прически; на них сверху был круглый узел, соответствовавший традиционному маленькому узлу, в который мужчины связывали свои волосы на макушке.

У статуй на острове Пасхи были длинные уши, потому что у самих скульпторов были длинные уши. Для париков специально подбирался красный камень, потому что у самих скульпторов были красноватые волосы. Подбородки были остроконечные и выдавались вперед, потому что сами скульпторы отращивали бороды. Лица статуй имели характерные черты белой расы – прямой узкий нос и тонкие, резко очерченные губы, потому что сами скульпторы не принадлежали к малайской группе народов. И если у статуй были огромные головы и непропорционально маленькие ноги, а кисти рук были сложены на животе, то это происходило потому, что именно в таком виде зодчие привыкли делать гигантские статуи в Перу. Единственное украшение на статуях острова Пасхи состояло в поясе, который всегда обхватывал их живот. Такой же символический пояс мы находим на каждой статуе в развалинах древнего города Кон-Тики у озера Титикака. Это легендарная эмблема солнце-короля – пояс-радуга. На острове Мангарева существовал миф, согласно которому солнце-бог снял с себя радугу, которая являлась его волшебным поясом, и спустился по ней с неба на остров Мангарева, чтобы заселить его своими белокожими детьми. Когда-то на всех этих островах, как и в Перу, солнце считалось древнейшим родоначальником.

Мы часто сидели на палубе под звездным небом и без конца говорили о загадочной истории острова Пасхи, хотя наш плот уносило прямо в сердце Полинезии и у нас не было никаких шансов увидеть этот уединенный остров на самом деле, а не на карте. Но на острове Пасхи так много следов, ведущих на восток, что само его древнее название может служить ключом к разгадке.

Название «остров Пасхи» появилось на карте потому, что какой-то голландец «открыл» остров в пасхальное воскресенье. И мы забыли, что сами местные жители, уже населявшие остров, имели для своей родины более поучительные и многозначительные названия. У полинезийцев этот остров известен не меньше чем под тремя названиями.

Одним из них является Те-Пите-те-Хенуа, что означает «пуп островов». Это поэтическое название, по мнению самих полинезийцев являющееся самым древним, совершенно явно ставит остров Пасхи в особое положение по отношению к другим островам, лежащим дальше на запад. В восточной части острова, вблизи от легендарного места высадки первых «длинноухих», стоит тщательно обработанный каменный шар, который называют «золотой пуп» и считают также «пупом» самого острова Пасхи. То, что поэтические предки полинезийцев изваяли эмблему острова в виде пупа на восточном берегу и провозглашали ближайший к Перу остров «пупом» бесчисленных островов, расположенных дальше на запад, имело символическое значение. Если принять во внимание, что полинезийские предания говорят об открытии островов, как об их «рождении», то это является несомненным указанием, что именно остров Пасхи считался соединительным звеном между всеми островами и их первоначальной родиной.

Второе название острова Пасхи, Рапа-нуи, означает «Большая Рапа»; имеется также Рапа-ити, или «Маленькая Рапа», – другой остров такой же величины, находящийся далеко на запад от острова Пасхи. У всех народов существует вполне естественное обыкновение называть свою первоначальную родину, например, Большая Рапа, а вторую родину – Новая Рапа или Маленькая Рапа, если даже обе местности одинаковой величины. Жители Маленькой Рапы сохранили до наших дней предания, в которых говорится, что первые обитатели их острова пришли с Большой Рапы – острова Пасхи, лежащего на востоке и ближайшего к Америке. Это является прямым указанием на то, что первоначальная иммиграция шла с востока.

Третье и последнее название этого ключевого острова, Мата-Ките-Рани, означает «Глаз

(который) смотрит (в) небо». На первый взгляд это может показаться странным; с меньшим основанием, чем о сравнительно низком острове Пасхи, можно и о других возвышенных, гористых островах – как Таити, Маркизские или Гавайские острова – сказать, что они смотрят в небо. Но слово «рани» (небо) у полинезийцев имеет двойное значение. Оно означает также первоначальную родину их предков, священную землю солнце-короля, покинутое горное царство Тики. И это чрезвычайно многозначительно, что из тысячи островов, разбросанных по океану, именно самый ближайший к Америке остров Пасхи были назван глазом, который смотрит в сторону родины. Еще более поразительно то, что название Мата-Рани, означающее на языке полинезийцев «глаз неба», является родственным древнему названию местности в Перу, расположенной на тихоокеанском побережье напротив острова Пасхи, у подножья Анд, как раз там, где выше в горах находилась древняя разрушенная столица Кон-Тики.

Один только остров Пасхи давал нам достаточно тем для разговоров, когда мы сидели на палубе под звездным небом и чувствовали себя участниками всех этих доисторических событий. У нас было почти такое ощущение, словно со времен Тики мы только и делали, что плыли по волнам под солнцем и звездами в поисках земли.

Мы больше не испытывали прежнего почтения к волнам и океану. Мы знали их, знали, чего можем ждать от них, находясь на плоту. Даже акула стала для нас повседневностью; мы узнали ее нрав и обычное поведение. Мы уже больше не вспоминали о ручном гарпуне и даже не уходили с края плота, когда акула появлялась рядом. Напротив, когда она невозмутимо скользила вдоль бревен, мы даже пытались схватить ее за спинной плавник. В конце концов это превратилось в совершенно новый вид спорта – игра с акулой в «кто кого перетянет» без веревки.

Мы начали довольно скромно. Нам ничего не стоило наловить золотых макрелей в гораздо большем количестве, чем мы могли съесть. Чтобы не отказываться от любимых развлечений и в то же время не тратить зря запасов провизии, мы придумали комическую ловлю рыбы без крючка, доставлявшую одинаковое удовольствие и золотым макрелям и нам. Мы привязывали ненужных нам летающих рыб к веревке и забрасывали ее так, что они плавали по поверхности воды. Золотые макрели мчались к летающим рыбам и хватали их, а затем мы принимались тянуть каждый в свою сторону; получалось неплохое цирковое представление, так как, если одна золотая макрель выпускала веревку, на смену ей являлась другая. Мы развлекались, а золотые макрели в конце концов получали рыбу.

Затем мы начали ту же игру с акулами. К концу веревки мы привязывали кусок рыбы или чаще мешок с обеденными объедками и спускали приманку за борт. Вместо того чтобы повернуться на спину, акула высовывала голову над водой и подплывала, широко раскрыв пасть, чтобы проглотить угощение. Мы не могли удержаться от соблазна отдернуть веревку, как только акула намеревалась сомкнуть свои челюсти; обманутая акула с глупейшим терпеливым видом подплывала ближе и опять открывала пасть, чтобы схватить приманку, которая выпрыгивала у нее изо рта каждый раз, как она пыталась проглотить ее. Кончалось дело тем, что акула подплывала к самым бревнам и принималась подпрыгивать, как пес, выпрашивающий подачку, которая соблазнительно покачивалась в мешке над его носом. Это напоминало кормление разевавшего пасть бегемота в зоологическом саду, и как-то в конце июля, после трехмесячного плавания, в моем дневнике появилась следующая запись:

«Мы подружились с акулой, сопровождавшей нас сегодня. За обедом мы кормили ее остатками, которые кидали ей в открытую пасть. Когда она плыла рядом с нами, можно было подумать, что это свирепый, но сейчас добродушно и дружески настроенный пес. Приходится признать, что акулы имеют довольно забавный вид, пока вы сами не попадаете к ним в пасть. Во всяком случае, нам доставляло удовольствие, когда они плавали около нас, если только мы в это время не купались».

Однажды бамбуковая палка с мешком, в котором находилась еда для акулы, привязанная к веревке, лежала наготове на краю плота, как вдруг набежала волна и смыла ее за борт. Бамбуковая палка плыла уже в каких-нибудь 200 метрах за кормой плота; внезапно

она встала в воде торчком и сама по себе помчалась вслед за плотом, как бы любезно собираясь сама вернуться на свое место. Когда удилище, покачиваясь, приблизилось к нам, мы заметили плывшую под ним трехметровую акулу; бамбуковая палка торчала из воды, подобно перископу. Акула проглотила мешок с едой, но не перегрызла веревки. Вскоре удилище догнало нас, спокойно проплыло мимо и скрылось впереди.

Хотя мы постепенно стали смотреть на акулу совершенно иными глазами, все же наше уважение к пяти или шести рядам острых, как бритва, зубов, спрятанных в огромной ее пасти, никогда не исчезало.

Как-то Кнуту пришлось поневоле выкупаться в обществе акулы. Никому из нас ни в коем случае не разрешалось отплывать от плота – как из-за того, что плот могло унести, так и из-за акул. Но однажды было исключительно тихо, и мы вытащили уже на борт несколько акул, следовавших за нами; поэтому я разрешил быстро выкупаться в океане. Кнут нырнул и, проплыв под водой довольно большое расстояние, появился на поверхности и собирался вернуться назад. В это мгновение мы заметили с мачты, что под ним движется в воде тень, которая была больше его самого. Мы предостерегающе закричали, по возможности спокойно, чтобы не испугать, и Кнут изо всех сил заторопился к плоту. Но тень под ним принадлежала еще лучшему пловцу, который рванулся из глубины и стал нагонять Кнута. Они достигли плота одновременно. Пока Кнут взбирался на палубу, двухметровая акула проскользнула как раз под его животом и остановилась у плота. В благодарность за то, что она не откусила Кнуту ногу, мы дали ей вкусную голову золотой макрели.

Обычно жадность в акуле пробуждается не при виде добычи, а от ее запаха. Опыта ради мы садились на край плота и опускали ноги в воду, и акулы подплывали к нам на расстояние метра или полуметра, а затем спокойно поворачивались к нам хвостом. Но если вода хоть чуть-чуть окрашивалась кровью, как это бывало, когда мы потрошили рыбу, тогда акульки плавники оживали, и акулы налетали на нас, подобно мясным мухам, со всех сторон.

Когда мы выбрасывали акульки потроха, хищники форменным образом сходили с ума и в слепом неистовстве метались вокруг нас. Они с жадностью пожирали требуху своего родича, а если мы опускали в воду ногу, они бросались со скоростью ракеты и даже хватали зубами бревна в том месте, где только что была нога. Бывают акулы и акулы, так как они целиком находятся во власти своего настроения.

В наших отношениях с акулами мы в конце концов дошли до такой фамильярности, что стали таскать их за хвост. Таскать животных за хвост считается не слишком интересным видом спорта, но это объясняется, пожалуй, тем, что никто не проделывал таких фокусов с акулами. На самом деле, это увлекательный спорт.

Для того чтобы хватить акулу за хвост, мы должны были сначала предложить ей какой-нибудь действительно лакомый кусок. Чтобы заполучить его, она готова высунуть голову из воды. Обычно пища ей предлагалась в танцующем мешке. Кормить акулу прямо из рук вовсе не забавно. Если из рук кормят собак или ручных медведей, они впиваются зубами в мясо и начинают рвать и терзать его, пока не откусят кусочка или не захватят весь кусок. Но если вы держите на безопасном расстоянии от головы акулы большую золотую макрель, то акула подпрыгивает, щелкает челюстями, и, хотя вы не чувствуете никакого рывка, половина макрели внезапно исчезает, и вы остаетесь сидеть с хвостом в руках. Нам стоило большого труда ножом разрезать золотую макрель на две части, а акула за какую-нибудь долю секунды еле заметным быстрым движением вбок своих челюстей с треугольными пилообразными зубами перерезала, как машинкой для резания колбасы, спинной хребет. Когда акула спокойно поворачивалась, чтобы скрыться в глубине, ее хвост колыхался над поверхностью воды, и тогда его легко было схватить. Кожа акулы на ощупь напоминает наждачную бумагу, а с нижней стороны кончика ее хвоста имеется углубление – по-видимому, для того, чтобы можно было как следует ухватиться. Если нам удавалось вцепиться в хвост в этом месте, то хватка оказывалась достаточно прочной. Затем, прежде чем акула приходила в себя, нужно было сильно рвануть и вытащить хвост акулы как можно дальше, прижав его к бревнам. Секунду или две акула ничего не соображала, а затем

начинала извиваться передней частью туловища и рваться, но довольно вяло, так как без помощи хвоста она не может развить никакой скорости. Остальные плавники служат только для сохранения равновесия и в качестве руля. После нескольких безнадежных рывков, во время которых наша задача сводилась к тому, чтобы не выпустить хвоста, ошеломленная акула падала духом и становилась совершенно пассивной; так как свободно перемещающийся желудок начинал опускаться в сторону головы, то в конце концов акула впадала в состояние полного паралича. Как только акула затихала и неподвижно повисала, ожидая дальнейших событий, наступал момент, когда нужно было тащить ее изо всех сил. Нам редко удавалось вытянуть из воды тяжелую рыбу больше чем наполовину, но тут акула приходила в себя и остальное доделывала сама. Мощными рывками она поворачивала голову в нашу сторону и высовывала ее на бревна; тогда мы подтягивали ее со всей силой, на какую были способны, и оттаскивали в сторону при этом как можно быстрее, чтобы спасти свои ноги. Ибо теперь настроение у акулы было отнюдь не добродушным. Она билась и подпрыгивала на палубе и молотила хвостом по бамбуковой стене, работая им, как кувалдой.

Теперь она больше не щадила своих стальных мышц. Огромная пасть была широко раскрыта, а ряды зубов щелкали и кусали вокруг все, до чего они могли добраться. Иногда военный танец заканчивался тем, что акула более или менее случайно шлепалась за борт и, претерпев столь постыдное унижение, навсегда исчезала; но чаще всего она слепо билась на бревнах кормы, и мы успевали набросить затягивающуюся петлю на ее хвост, или же она сама навеки переставала скалить свои дьявольские зубы.

Когда акула попадала к нам на палубу, наш попугай приходил в большое волнение. Он торопливо выскакивал из бамбуковой каюты и с бешеной скоростью взбирался по стене, пока не оказывался на безопасном наблюдательном пункте – на крыше из пальмовых листьев; там он сидел, покачивая головой, или же бегал взад и вперед вдоль конька крыши, крича от возбуждения. Он уже давно стал прекрасным моряком и всегда был полон юмора и веселья. Мы считали, что нас на плоту семеро – шестеро людей и зеленый попугай.

Холонокровному крабу Юханнесу приходилось все-таки довольствоваться тем, что его признавали не вполне полноправным компаньоном. По ночам попугай забирался в клетку, которая находилась под крышей каюты, но днем он важно разгуливал по палубе или висел на вантах и штагах, проделывая самые изумительные акробатические упражнения. Вначале на штагах и вантах у нас были тендеры³⁴, но от них перетирались веревки, и мы заменили их обыкновенными морскими узлами. Когда штаги и ванты от действия солнца и ветра вытянулись и стали провисать, нам всем пришлось взяться за укрепление тяжелых, как железо, мачт из мангрового дерева, которые все больше и больше наклонялись и грозили запутаться в снастях и в конце концов упасть. В самый критический момент, когда мы изо всех сил тянули, попугай принялся кричать своим резким голосом:

– Тяни! Тяни! Хо-хо-хо-хо, ха-ха-ха! – Он заставил и нас расхохотаться, а сам смеялся до тех пор, пока не стал от радости трястись и вертеться на штагах.

Первое время наши радисты относились к попугаю недружелюбно. Случалось, что они сидели в радиорубке, забыв про все на свете, с магическими наушниками, установив связь с каким-нибудь радиолюбителем, скажем, из Оклахомы. Вдруг их наушники умолкали, и они не могли поймать больше ни звука, сколько ни старались проверять провода и вертеть кнопки. Попугай в это время занимался тем, что клевал проволоку антенны. Особенно часто это происходило в первые дни, когда антенна поднималась прямо вверх, привязанная к воздушному шару. Но однажды попугай серьезно заболел. Он уныло сидел у себя в клетке и два дня не притрагивался к пище, а в его помете блестели золотистые крупинки антенны. Тут наши радисты раскаялись в своих злобных пожеланиях, а попугай в своих прегрешениях; с этого дня Торстейн и Кнут стали лучшими друзьями попугая, и он всегда спал только в радиорубке. Когда попугай появился на борту, его родным языком был испанский; Бенгт

³⁴ Тендер – маленькая металлическая рамка с винтом для натягивания тросов или проволоки.

утверждал, что попугай стал говорить по-испански с норвежским акцентом еще задолго до того, как научился повторять излюбленные восклицания Торстейна на сочном норвежском языке.

В течение двух месяцев веселье попугая и его яркое оперенье доставляли нам много радости, но однажды попугай спускался по штагу с верхушки мачты, и как раз в это мгновение большая волна захлестнула сзади плот. Когда мы обнаружили, что попугая нет на борту, было уже слишком поздно. Мы не видели его нигде, а «Кон-Тики» нельзя было ни повернуть, ни остановить; если какой-нибудь предмет падал за борт плота, мы не имели возможности вернуться за ним – в этом мы убедились на ряде случаев.

В первый вечер после гибели попугая у нас было подавленное настроение: мы знали, что то же самое может случиться с любым из нас, если он свалится за борт во время одинокой ночной вахты.

Мы ввели еще более строгие правила предосторожности, сменили спасательную веревку, которой пользовались на ночных вахтах, и внушали друг другу, что мы не можем считать себя в безопасности только потому, что все шло хорошо в течение первых двух месяцев. Один неосторожный шаг, одно неосторожное движение – и даже среди бела дня мы можем отправиться туда, куда отправился зеленый попугай.

Несколько раз мы видели большую белую оболочку яиц кальмара, которая покачивалась на синей зыби, напоминая яйца страуса или белые черепа. Один только раз мы заметили под оболочкой извивавшегося моллюска. Мы видели белоснежные шары, плававшие вблизи от нас и сначала нам казалось, что ничего не стоит подплыть к ним в лодке и поймать их. Когда оборвалась веревка планктонной сетки и шелковая сетка осталась позади и плыла следом за плотом, мы были так же оптимистичны и спустили на воду лодочку, привязав к ней веревку, чтобы легче было вернуться. Но, к нашему удивлению, мы убедились, что ветер и волна не дают лодке подойти и что веревка, привязанная к «Кон-Тики», сильно тормозит в воде; нам ни разу не удалось подгрести к тому месту, где только что находился плот. Иногда до того предмета, который мы хотели подобрать, оставалось всего несколько метров, но тут веревка натягивалась, и «Кон-Тики» тянул нас прочь, на запад. «Что за борт упало, то пропало», – таков был вывод, к которому мы постепенно пришли и которого потом никогда не забывали до конца нашего плавания. Если мы хотели остаться в живых, надо было крепко держаться за «Кон-Тики», пока тот не уткнется носом в сушу по ту сторону океана.

После пропажи попугая радиорубка опустела; но когда на следующее утро тропическое солнце засияло над Тихим океаном, наш траур быстро окончился. В ближайшие несколько дней мы вытащили немало акул и, неизменно находя в желудке акулы среди голов тунцов и других диковинок черный изогнутый клюв, принимали его за клюв попугая. Но три ближайшем рассмотрении он каждый раз оказывался клювом переваренного кальмара.

С самого начала плавания обоим радистам хватало работы в их рубке. Как только мы очутились в течении Гумбольдта, из ящиков с батареями стала капать морская вода, и пришлось покрыть боящуюся сырости радиорубку брезентом, чтобы спасти от порчи все, что только возможно было спасти в условиях открытого моря. Потом радистам пришлось поломать голову над тем, как пристроить на маленьком плоту достаточно длинную антенну. Они попытались пустить антенну вверх, привязав ее к воздушному змею, но от порыва ветра змей попросту окунулся в гребень волны и исчез. Тогда они стали пускать антенну вверх с помощью воздушного шара, но тропическое солнце выжигало дырки в шаре, так что он сморщивался и падал в океан. А затем у них возникли неприятности из-за попугая. К этому можно добавить, что лишь после двухнедельного плавания в течении Гумбольдта мы вышли из мертвой зоны Анд, в пределах которой короткие волны так же немые и безжизненные как воздух в пустом ящике из-под мыла.

Но вот однажды короткие волны неожиданно пробились, и позывные сигналы Торстейна услышал какой-то случайный радиолюбитель в Лос-Анжелосе, который возился со своим радиопередатчиком, стараясь установить связь с другим любителем в Швеции.

Американец спросил, какой системы наш передатчик, и, получив исчерпывающий ответ, осведомился у Торстейна, кто он такой и где живет. Когда он услышал, что Торстейн проживает в бамбуковой каюте на плоту в Тихом океане, раздалось несколько странных пощелкиваний, и Торстейн поторопился сообщить некоторые подробности. Как только человек в эфире пришел в себя, он передал нам, что его зовут Гал, а его жену – Анна, что она по происхождению шведка и известит наши семьи о том, что мы живы и здоровы.

В этот вечер нам казалось очень странным, что совершенно чужой человек, по имени Гал, какой-то неизвестный кинооператор, один из многочисленных жителей далекого Лос-Анжелоса, был единственным в мире человеком, не считая нас самих, который знал, где мы находимся и что у нас все благополучно. Начиная с этого вечера, Гал, он же Гарольд Кемпел, и его друг Френк Кюевэс по очереди дежурили каждую ночь и ловили сигналы нашего плота, а Герман получал благодарственные телеграммы от начальника бюро погоды США за то, что дважды в сутки передавал по шифру метеорологические сведения из района, о котором сведения поступали очень редко, а сводки вовсе отсутствовали. Впоследствии Кнут и Торстейн почти каждую ночь устанавливали связь и с другими радиолюбителями, а те передавали наши приветы в Норвегию через коротковолновика по имени Эгиль Берг, который жил в Нутоддене³⁵.

Лишь на несколько дней, когда мы находились посреди океана, наша радиостанция совершенно прекратила работу, так как в радиорубку набралось слишком много соленой воды. Наши радисты лезли вон из кожи, целыми днями и ночами возясь с винтами и паяльником, а далекие радиолюбители думали, что с плотом все кончено. Затем как-то вечером позывные LI2B понеслись в эфире, и в одно мгновение радиорубка зажужжала, подобно осиному гнезду, так как несколько сот американских коротковолновиков одновременно застучали ключами, отвечая на наш призыв. В самом деле, когда мы попадали во владения наших радистов, у нас бывало такое ощущение, словно мы сидим на осином гнезде. Все было мокрым от воды, проникавшей со всех сторон; на бальсовом бревне лежал небольшой резиновый коврик, на котором сидели радисты, но если кто-нибудь из нас дотрагивался до ключа Морзе, он немедленно чувствовал удар тока одновременно в задней части и в кончиках пальцев. А если кто-нибудь из нас, посторонних, пытался украсть карандаш из богатой всякими принадлежностями радиорубки, у него волосы на голове вставали дыбом или же с огрызка карандаша начинали сыпаться крупные искры. Только Торстейн, Кнут и попугай могли без риска лавировать в этом уголке каюты, и мы прибили кусок картона, чтобы отметить границу опасной для остальных зоны.

Однажды поздно вечером Кнут сидел в радиорубке и с чем-то возился при свете фонаря; вдруг он потянул меня за ногу и сказал, что разговаривает с парнем по имени Христиан Амундсен, который живет под самым Осло. Это был один из радиолюбительских рекордов, так как наш маленький коротковолновый передатчик с его 13 990 килоциклами в секунду мог дать не больше шести ватт, то есть приблизительно столько же, сколько дает маленький электрический фонарь. Это произошло 2 августа, и мы проплыли уже 60° в западном направлении, так что Осло находилось как раз на противоположной стороне земного шара. Королю Хокону на следующий день исполнялось 75 лет, и мы послали ему поздравительную телеграмму прямо с плота; а еще через день мы снова услышали Христиана, передававшего нам ответ короля, который пожелал нам дальнейшей удачи и успешного окончания путешествия.

Другой эпизод остался у нас в памяти в качестве контраста всей нашей жизни на плоту. У нас было два фотоаппарата, а Эрик захватил с собой запас химикалий для проявления снимков в пути, так что мы могли заново снять то, что получилось неудачно. После посещения китовой акулы Эрик не мог больше удержаться и как-то вечером развел химикалии в строгом соответствии с наставлениями и проявил две пленки. Негативы – все в

³⁵ Нутодден – город в южной Норвегии в провинции Телемарк с населением около 6 500 человек.

крапинках и морщинах – напоминали изображения, полученные по бильдтелеграфу. Пленка была погублена. Мы запросили по радио совета, и наша радиограмма была принята одним коротковолновиком в Голливуде; он позвонил по телефону в фотолабораторию и вскоре вклинился в разговор и сообщил, что у нас слишком теплый проявитель и что нельзя пользоваться водой с температурой выше 16°C, иначе на негативах будут морщины.

Мы поблагодарили за совет и удостоверились, что самая низкая температура вокруг нас – это температура самого океанского течения, равнявшаяся примерно 27°. Но ведь Герман был инженер-холодильщик, и я в шутку предложил ему довести температуру воды до 16°. Он попросил разрешения пустить в ход маленькую бутылку угольной кислоты, оставшейся неизрасходованной после надувания резиновой лодки; затем он проделал какие-то фокусы в металлической кастрюле, покрытой спальным мешком и шерстяной фуфайкой. И вдруг щетинистая борода Германа покрылась изморозью, и он появился в каюте с кастрюлей, в которой лежал большой кусок белого льда.

Эрик снова принялся за проявление, и результаты оказались отличные.

Но хотя слова-призраки, разносимые по эфиру короткими волнами, были неизвестной роскошью в далекие дни Кон-Тики, все же океанские волны под нами оставались такими же, как и встарь, и они несли наш бальсовый плот упорно на запад, как это делали тогда, полторы тысячи лет назад.

После того как мы прошли половину нашего пути к островам Южного моря, погода стала несколько более неустойчивой, и время от времени налетали дождевые шквалы, а пассат изменил свое направление. Он неуклонно дул с юго-востока, пока мы не прошли значительной части экваториального течения; затем он стал все больше и больше отклоняться к востоку. 10 июня мы достигли самой северной точки под 6°19' южной широты. Мы находились тогда так близко к экватору, что, казалось, нас пронесет мимо даже самых северных из Маркизских островов и мы окончательно затеряемся в океане, не обнаружив земли. Но затем пассат еще отклонился, стал дуть не с востока, а с северо-востока и понес нас по кривой к югу, к широтам мира островов.

Часто случалось, что направление ветра и волн оставалось неизменным в течение нескольких дней подряд; тогда мы совершенно забывали, чья была вахта, и вспоминали об этом только по ночам, когда вахтенный оставался один на палубе. Ибо при постоянном ветре рулевое весло крепко привязывалось, и «Кон-Тики» двигался под наполненным парусом без всякого нашего участия. В такие ночи вахтенный мог спокойно сидеть в дверях каюты и следить за звездами. Если созвездия меняли свое положение на небе, значит ему надо выйти и выяснить, сдвинулось ли весло, или отклонился ветер.

Нас самих изумляло, до чего легко было управлять плотом по звездам, после того как мы несколько недель подряд наблюдали их движение по небесному своду. По правде говоря, ночью больше и не на что было смотреть. Мы знали, где из ночи в ночь должны находиться различные созвездия; а когда мы приблизились к экватору, на северном горизонте так ясно виднелась Большая Медведица, что мы испугались, как бы не появилась и Полярная звезда, которую мы могли увидеть лишь в том случае, если бы пересекли экватор. Но как только установился северо-восточный пассат, Большая Медведица снова исчезла.

Древние полинезийцы были великими мореплавателями. Они ориентировались днем по солнцу, а ночью по звездам. Они обладали удивительными познаниями о небесных светилах.

Они знали, что земля круглая, и в их языке имелись слова, обозначающие такие сложные понятия, как экватор, северные и южные тропики. На Гавайских островах они выцарапывали карту океана на оболочке круглых бутылочных тыкв, а на некоторых других островах делали подробные карты из переплетенных сучьев, к которым для обозначения островов прикреплялись раковины, а ветки обозначали особо важные течения. Полинезийцы знали пять планет, которые они называли странствующими звездами и отличали от неподвижных звезд, имевших в их языке около 300 различных названий. В древней Полинезии хороший мореплаватель твердо знал, в какой части неба восходит та или иная звезда и где она должна находиться в различное время ночи и в различное время года. Они знали, какие звезды

достигают зенита над тем или иным островом, и в этих случаях острова назывались по имени тех звезд, которые из ночи в ночь и из года в год кульминировали над ними.

Полинезийцы не только знали, что звездное небо представляет собой огромный сверкающий компас, вращающийся с востока на запад, но также понимали, что различные звезды над их головой всегда указывают, как далеко на север или на юг забралась мореплаватели. Когда полинезийцы исследовали и подчинили себе свое островное царство, охватывавшее всю ближайшую к Америке часть океана, они установили сообщение между некоторыми островами, и этими путями пользовались многие последующие поколения.

Исторические предания рассказывают о том, как плавали вожди с Таити на Гавайские острова, которые находятся на 2 тысячи морских миль к северу и на несколько градусов к западу. Сначала рулевой по солнцу и звездам правил на север, пока звезды над его головой не говорили ему, что его лодка находится на широте Гавайских островов. Тогда он поворачивал под прямым углом и правил на запад, пока не появлялись птицы и облака, указывавшие ему путь к уже близким островам.

Откуда полинезийцы позаимствовали свои обширные астрономические познания и свой календарь, вычисленный с изумительной точностью? Конечно, не от меланезийцев или малайцев, которые жили на западе. Но тот же самый древний исчезнувший цивилизованный народ – «белые и бородатые люди», – который передал свою удивительную культуру ацтекам, майя и инкам в Америке, создал изумительно похожий календарь и обладал такими же астрономическими познаниями, о которых в Европе в те времена не могли и мечтать.

В Полинезии, как и в Перу, началом календарного года считался день, когда созвездие Плеяд впервые появляется над горизонтом, и в обеих странах это созвездие считалось покровителем земледелия.

В Перу, там, где горная страна понижается в сторону Тихого океана, до наших дней сохранились в песчаной пустыне развалины чрезвычайно древней астрономической обсерватории – памятник того же самого таинственного цивилизованного народа, который высекал каменных колоссов, воздвигал пирамиды, возделывал сладкий картофель и бутылочную тыкву и начинал год с восхода Плеяд. Кон-Тики был знаком со звездами, когда направил свой парус в Тихий океан.

2 июля ночью вахтенному не пришлось уже мирно сидеть, изучая звездное небо. После нескольких дней легкого северо-восточного пассата подул сильный ветер, и море стало бурным. Поздно вечером сияла луна и дул свежий попутный ветер. Мы измерили скорость нашего движения, подсчитав, сколько секунд потребовалось нам, чтобы обогнать щепку, брошенную в воду рядом с носом плота, и обнаружили, что мы установили рекорд. В то время как средняя скорость равнялась 12–18 «щепкам», выражаясь на принятом у нас жаргоне, на этот раз мы имели всего «6 щепок», и бурлящая струя светящейся воды бежала вслед за кормой плота.

Четыре человека храпели в бамбуковой каюте, Торстейн сидел, постукивая ключом Морзе, а я находился на вахте у руля. Перед самой полночью я заметил совершенно необычную волну, которая, опрокидываясь, надвигалась на нас прямо с кормы, закрывая весь горизонт позади, а за ней я мог тут и там различить пенящиеся гребни еще двух таких же огромных волн, следовавших по пятам за первой. Если бы мы только что не миновали это место, я был бы убежден, что вижу высокие буруны, обрушивающиеся на предательскую отмель. Как только первая волна длинной стеной подошла к нам, вздымаясь в лунном свете, я издал предупреждающий крик, резко повернул плот в наиболее выгодное положение и стал ждать дальнейших событий.

Когда первая волна нагнала нас, плот задрал корму вверх и в сторону и поднялся на гребень, который как раз в это мгновение обрушился, и все зашипело и закипело вокруг нас. Мы плыли среди хаоса бурлящей пены, между тем как сама могучая волна перекатывалась под нами. Нос взлетел вверх последним, когда волна прошла, и мы стали скользить кормой вниз в огромную впадину между волнами. Сразу же налетела, вздыбившись, следующая стена воды, и нас снова быстро подбросило вверх, а прозрачные потоки воды обрушились

сзади, когда мы взлетели на гребень. Теперь плот повернуло бортом к волнам, и было совершенно невозможно быстро выправить его. Следующая волна приблизилась и поднялась из ключев пены, подобно сверкающей стене, верхний край которой обрушился, как только она догнала нас. Когда вал накрыл плот, мне ничего не оставалось делать, как крепко ухватиться за выступавший из-под крыши каюты бамбуковый шест; так я стоял, задержав дыхание, чувствуя, как плот подбросило высоко вверх и все вокруг меня понеслось, увлекаемое шипящими пенистыми водоворотами. Через мгновение мы и «Кон-Тики» снова были над водой и спокойно скользили вниз по пологой стороне волны. А затем волны снова стали нормальными. Три огромных вала мчались впереди нас, а за кормой в свете луны мы видели цепочку кокосовых орехов, покачивавшихся на воде.

Последняя волна сильно ударила по каюте, так что Торстейн в радиорубке полетел вверх тормашками, а остальные проснулись, испуганные шумом; из-под бревен и сквозь стену в каюту хлынула вода. С левой стороны в носовой части палубы бамбуковый настил был сорван, и в этом месте зияла дыра, напоминавшая небольшую воронку от снаряда; наша водолазная корзина расплющилась о выступ носа, но все остальное оказалось неповрежденным. Откуда явились эти три большие волны, мы так никогда и не смогли с уверенностью объяснить; возможно, они были вызваны какими-то тектоническими движениями дна океана, которые для этих районов являются довольно обычными³⁶.

Два дня спустя мы пережили первый шторм. Началось с того, что ветер совершенно стих и белые перистые облака, которые при пассате проплывали над вами в небесной синеве, были внезапно вытеснены черной грядой плотных туч, набежавших с юга из-за горизонта.

Затем начались порывы ветра с самых неожиданных сторон, так что вахтенный Рулевой потерял всякую возможность управлять плотом. Как только нам удалось повернуть корму к новому направлению ветра и парус ровно и упруго надувался, сразу же порывы ветра налетали с другой стороны и парус терял свои гордые очертания, начинал полоскаться и хлопать по чему попало, подвергая опасности команду и груз. После этого ветер внезапно начал настойчиво дуть с той стороны, откуда надвигалась непогода. И когда черные тучи за клубились над нами, ветер усилился до свежего и постепенно перешел в настоящий ураган.

За невероятно короткий промежуток времени волны вокруг нас стали вздыматься на высоту пяти метров, а отдельные гребни с шипеньем неслись на высоте шести-восьми метров, так что они оказывались на уровне верхушки нашей мачты, когда мы опускались между двумя волнами. Все мы, согнувшись в три погибели, с трудом удерживались на палубе, а ветер сотрясал бамбуковую стену и свистел и завывал во всех снастях.

Чтобы предохранить радиорубку, мы покрывали брезентом заднюю стену и левую сторону каюты. Весь незакрепленный груз был крепко принайтован, а парус спущен и свернут вокруг бамбуковой реи. Когда небо заволокло тучами, океан стал темным и грозным и со всех сторон покрылся белыми гребнями. Длинные полосы безжизненной пены тянулись с наветренной стороны широких валов, и всюду, где волны обрушивались и разбивались, появлялись зеленые рубцы, которые еще долго пенились на иссиня-черном океане. Когда валы разбивались, их гребни уносило ветром, и над океаном соленым дождем висели брызги.

Наконец начался тропический ливень, который хлестал по поверхности океана горизонтальными шквалами и скрыл все от нашего взора. Вода, стекавшая у нас с головы и

³⁶ Три высокие волны, которые описывает Хейердал, – это, по-видимому, «тсунами» – огромные волны, возникающие при моретрясениях – тектонических подвижках морского дна, очаг которых находится под дном моря или в прибрежной части суши. Волны эти пересекают океан со средней скоростью 200 метров в секунду. Например, волна японского землетрясения 1854 года достигла Сан-Франциско через 12,5 часа; в 1868 году волна землетрясения в Перу через 12,5 часа достигла Гавайских островов, через 19 часов – Новой Зеландии, а через 24 часа – Японии. При проходе через более мелководные участки океана скорость движения волны замедляется до 140 метров в секунду при глубине 2 тысячи метров и до 16–20 метров при глубине 25–50 метров. Подойдя к берегу, волна достигает большой высоты, иногда более 20 метров, и, заливая побережье и опрокидываясь, производит большие разрушения и может послужить причиной гибели десятков тысяч людей. Волны, которые настигли «Кон-Тики», судя по направлению их, шли от берегов Южной Америки.

бороды, имела солоноватый вкус. А мы, голые и замерзшие, скрючившись, продолжали, спотыкаясь, метаться по палубе и следить за тем, чтобы все снасти были в порядке и могли благополучно выдержать шторм. Когда мы заметили на горизонте первые признаки надвигавшегося шторма, а затем он стал приближаться к нам, на наших лицах можно было прочесть напряженное ожидание и беспокойство. Но когда он всерьез разразился над нами и «Кон-Тики» легко и бодро преодолевал все препятствия на своем пути, шторм превратился в волнующий вид спорта; мы все любовались бушевавшими вокруг нас стихиями, видя, что наш бальсовый плот, прекрасно справлявшийся с ними, все время держится, как пробка, на гребнях волн, а основная масса беснующейся воды все время проносится на десяток сантиметров ниже нас. В такую погоду океан во многом напоминает горы. У нас было такое ощущение, словно мы в бурю очутились под открытым небом на высочайшем горном плато, голом и сером. Хотя мы находились в сердце тропиков, всякий раз, как плот скользил вверх и вниз по клубящейся пустыне океана, нам казалось, что мы мчимся с горы среди сугробов снега и скал.

В такую погоду вахтенному рулевому следовало глядеть в оба. Когда самые крутые волны проходили под передней частью плота, бревна на корме совершенно выступали из воды, но в следующее мгновение снова опускались, чтобы затем вскарабкаться на новый гребень. Волны шли иногда так близко одна от другой, что задняя нагоняла нас, когда первая еще держала нос плота задраным кверху; тогда на рулевого с шумом низвергались целые потоки беспорядочно крутящейся воды, но через секунду корма поднималась, и вода исчезала, уходя между бревнами, как между зубьями вилки.

Мы подсчитали, что при обычном, спокойном море, когда самые высокие волны большей частью шли с промежутками в семь секунд, каждые сутки на нашу корму попадало около 200 тонн воды; но мы этого почти не замечали, так как вода спокойно растекалась вокруг босых ног рулевого и так же спокойно исчезала между бревнами. Но во время сильного шторма плот в течение суток принимал на свою корму больше 10 тысяч тонн воды, если считать, что каждые пять секунд на нее обрушивалось от нескольких десятков литров до двух или трех кубических метров воды, а подчас и значительно больше. Иногда волна налетала на плот с оглушительным, как удар грома, грохотом, и рулевой стоял по пояс в воде и испытывал такое ощущение, словно ему приходится идти вброд против течения по быстрой реке. Плот, казалось, на мгновение останавливался, содрогаясь, а затем огромная масса воды, придавившая его корму, уходила большими каскадами за борт.

Герман все время находился на палубе с анемометром в руке, измеряя силу ураганных шквалов, не прекращавшихся целые сутки. Затем ураган постепенно перешел в сильный ветер с редкими дождевыми шквалами, от которых океан вокруг нас продолжал бурлить. А мы при хорошем попутном ветре, переваливаясь с волны на волну, шли на запад. Для того чтобы точно измерить силу ветра, находясь внизу между вздымающимися волнами, Герман при малейшей возможности взбирался на верхушку качавшейся мачты, где ему приходилось держаться как можно крепче.

Лишь только погода несколько улучшилась, все крупные рыбы вокруг нас совершенно взбесились. Океан поблизости от плота кишел акулами, тунцами, золотыми макрелями и сравнительно немногочисленными перепуганными бонитами; все они скользили под самым плотом или в волнах рядом с ним. Среди них шла непрерывная борьба не на жизнь, а на смерть. Спины крупных рыб, изгибаясь, высывались из воды, внезапно хищники срывались с места и бросались в погоню, и вода вокруг плота не один раз густо окрашивалась кровью. Сражались главным образом тунцы и золотые макрели; последние плыли большими стаями, которые двигались гораздо быстрее, чем обычно, и держались все время настороже. Нападающей стороной были тунцы; нередко мы видели, как рыба в 70–80 килограммов весом подсакивала высоко в воздух, держа в пасти окровавленную голову макрели. В то время как отдельные золотые макрели стремглав убегали от преследовавших их по пятам тунцов, стая макрелей не отступала перед врагом, хотя некоторые из них извивались в воде с большими зияющими ранами на шее. Время от времени и акулы,

казалось, приходили в слепой раж, и мы наблюдали, как они настигали и хватали больших тунцов, для которых акула является превосходящим по силе противником.

Не видно было ни одного мирного маленького лощмана. Или их пожрали разъяренные тунцы, или они спрятались в щели под плотом, а может быть, убежали подальше от поля битвы. Мы не решались окунуть голову в воду, чтобы заглянуть под плот.

Когда я находился на корме, отдавая дань природе, я испытывал невероятное потрясение – впоследствии я не мог без смеха вспоминать об этом чувстве полной растерянности, охватившем меня. Мы привыкли к небольшим волнам в нашей уборной; но я был совершенно ошеломлен, когда неожиданно получил сильный удар сзади чем-то большим, холодным и очень тяжелым, вынырнувшим подо мной из воды и напоминавшим голову акулы. Я уже карабкался вверх по штагу с таким ощущением, что в мою заднюю часть вцепилась акула, прежде чем пришел в себя.

Герман, который повис на рулевом весле, скрючившись от хохота, рассказал мне, что большой тунец плашмя шлепнул меня по голому месту своими 70 килограммами холодной рыбьей туши. Позже, когда Герман, а затем Торстейн стояли на вахте, та же рыба пыталась вскочить на плот с набегавшими на корму волнами; дважды эта здоровенная рыба оказывалась на краю бревен, но каждый раз она снова срывалась за борт, прежде чем нам удалось схватить ее скользкое туловище.

Через некоторое время крупный ошалелый бонит попал с волной прямо на плот, и мы решили использовать его и пойманного накануне тунца для рыбной ловли, чтобы навести порядок в окружавшем нас кровавом хаосе.

Наш дневник гласит:

«Первой попалась на крючок и была вытащена на плот двухметровая акула. Как только крючок был освобожден, его проглотила двухполовинойметровая акула, которую мы также вытащили на борт. Когда крючок был снова заброшен в воду, на него попала еще одна двухметровая акула; мы подтянули ее на край плота, но тут она освободилась и нырнула.

Крючок был сразу же снова заброшен, и его схватила двухполовинойметровая акула, с которой у нас завязалась упорная борьба. Мы уже вытащили ее голову на бревна, как вдруг все четыре стальные жилы были перекушены и акула скрылась в глубине. Заброшен новый крючок, и мы вытянули еще одну акулу. Теперь стало опасно заниматься рыбной ловлей, стоя на скользких бревнах кормы, так как три акулы продолжали время от времени вскидывать голову и щелкать челюстями еще долго после того, как мы сочли их мертвыми. Мы оттащили акул за хвост и сложили в кучу на носовой части палубы, и вскоре после этого на крючок попал большой тунец, который задал нам больше жару, чем любая из акул, каких нам приходилось вытаскивать. Он был такой жирный и тяжелый, что никто из нас не мог поднять его за хвост.

Океан все еще кишел беснующимися рыбами. Еще одна акула схватила крючок, но вырвалась, когда мы ее уже чуть не вытащили на плот. Затем мы благополучно вытащили двухметровую акулу, за ней – полутораметровую. Потом мы поймали еще одну двухметровую акулу и вытащили и ее. Когда крючок был снова заброшен, мы вытащили еще одну акулу покрупнее».

Куда бы мы ни ступали, всюду натыкались на больших акул, которые, судорожно подпрыгивая, били хвостами по палубе или ударялись о бамбуковую каюту. Когда мы начали рыбную ловлю после двух ночей шторма, мы уже были усталые и измученные и теперь буквально растерялись, не зная, какие из акул уже околели, какие еще могут, судорожно щелкая челюстями, схватить нас, если мы приблизимся, и какие только кажутся мертвыми, а на самом деле только подстерегают нас. Когда девять больших акул загроздили всю палубу вокруг нас, мы были так утомлены от вытягивания тяжелых лес и борьбы с упиравшимися акулами, что после пяти часов изнурительного труда решили отказаться от дальнейшей ловли.

На следующий день золотых макрелей и тунцов было меньше, но акул столько же. Мы снова принялись ловить и вытаскивать их, но вскоре прекратили это занятие, так как

заметили, что свежая акулья кровь, стекавшая с плота, лишь привлекает еще большее количество акул. Мы выбросили всех мертвых акул за борт и смыли кровь с палубы.

Бамбуковые циновки оказались изорванными зубами и грубой кожей акул; самые окровавленные и самые порванные мы выбросили за борт и заменили их новыми золотисто-желтыми бамбуковыми циновками, несколько пачек которых было крепко привязано на передней части палубы.

Когда в этот вечер мы легли спать, стоило нам закрыть глаза, как перед нами вставали хищные раскрытые пасти акул и пятна крови. А запах акульею мяса преследовал нас. Мы могли есть акул; по вкусу они напоминали пикшу, если только мы вымачивали куски рыбы сутки в воде, чтобы удалить запах аммиака. Но бониты и тунцы были несравненно вкуснее.

Этим вечером я первый раз услышал, как один из моих спутников сказал, что хорошо было бы удобно вытянуться на зеленой траве под пальмами на каком-нибудь острове; он был бы рад увидеть что-нибудь другое вместо холодных рыб и бурного океана.

Снова наступила хорошая погода, но она была не так устойчива и надежна, как прежде. Время от времени совершенно неожиданные резкие порывы ветра приносили с собой сильные ливни, которым мы были очень рады, так как значительная часть нашего запаса воды стала портиться и по вкусу напоминала затхлую болотную воду. Когда ливень достигал наибольшей силы, мы собирали воду, стекавшую с крыши каюты, и стояли голые на палубе, наслаждаясь тем, что свежая вода смывала с нас соль.

Лоцманы снова скользили у плота на своих обычных местах; но были ли это те же самые старые приятели, которые вернулись к нам по окончании кровавой бани, или же это были новые спутники, приобретенные в горячке битвы, мы не могли сказать.

21 июля ветер неожиданно снова упал. Атмосфера была гнетущая, и стало совершенно тихо; по прежнему опыту мы знали, что это могло означать. И в самом деле, после нескольких бешеных порывов с востока, с запада и с юга ветер посвежел и стал дуть с юга, где горизонт снова заволокло черными, грозными тучами. Герман все время находился на палубе с анемометром, показывавшим уже больше пятнадцати метров в секунду, как вдруг спальный мешок Торстейна устремился за борт. События, которые разыгрались в течение ближайших нескольких секунд, заняли гораздо меньше времени, чем нужно, для того чтобы рассказать о них.

Герман, пытаясь поймать мешок на лету, оступился и свалился в воду. Среди шума волн мы услышали слабый крик о помощи и увидели голову и загребающую воду руку Германа и одновременно какой-то неясный зеленый силуэт, крутившийся вблизи. Герман изо всех сил старался подплыть обратно к плоту, отчаянно борясь с высокими волнами, которые поднимали его и относили в сторону от левого борта. Торстейн, находившийся на корме у рулевого весла, и я, стоя на носу, первыми увидели его и похолодели от ужаса. Мы заорали во всю глотку: «Человек за бортом!» – и кинулись к ближайшей спасательной веревке. Из-за шума океана остальные не слышали крика Германа. Но теперь в одно мгновение на палубе все ожило и засуетилось. Герман был прекрасным пловцом, и хотя мы сразу поняли, что его жизнь поставлена на карту, мы все же сильно, надеялись, что ему удастся доплыть до плота, прежде чем станет уже слишком поздно.

Торстейн, стоявший ближе всех к бамбуковому цилиндру, вокруг которого была намотана веревка, предназначенная для спасательной лодки, быстро схватил его. Это был единственный раз за все время путешествия, когда веревку заело и так некстати. Все произошло в течение нескольких секунд. Герман теперь находился на одной линии с кормой плота, но в нескольких метрах от нее и мог еще надеяться на спасение, если бы ему удалось подплыть к лопасти рулевого весла и повиснуть на ней. Так как он не успел ухватиться за выступ бревен, он протянул руку к лопасти весла, но она скользнула мимо. И вот он лежал именно там, откуда, как мы знали по опыту, ничто не возвращается. Пока Бенгт и я спускали на воду лодку, Кнут и Эрик пытались бросить Герману спасательный пояс. Привязанный к длинной веревке, пояс висел всегда наготове на углу крыши каюты; но в этот раз ветер был такой сильный, что всякий раз относил спасательный пояс обратно на плот. Все попытки

доброе кончались неудачей, а Герман уже находился далеко позади рулевого весла и отчаянно пытался не отставать от плота, но с каждым порывом ветра расстояние увеличивалось. Он понял, что отныне разрыв будет все увеличиваться, но у него еще оставалась слабая надежда на лодку, которая теперь была уже на воде. Без веревки, которая действовала как тормоз, вероятно, было бы возможно подогнать резиновую лодку навстречу плывущему человеку; другой вопрос – удастся ли резиновой лодке когда-нибудь вернуться к «Кон-Тики». Все-таки у трех человек в резиновой лодке были какие-то шансы на спасение, у одного человека в океане – никаких.

Вдруг мы увидели, что Кнут бросился с плота и нырнул головой вниз в океан. В одной руке он держал спасательный пояс и плыл, опираясь на него. Всякий раз, как голова Германа появлялась на гребне волны, Кнут исчезал, а всякий раз, как появлялся Кнут, Германа не было. Но вот мы увидели головы обоих одновременно: они подплыли друг к другу и оба держались за спасательный пояс. Кнут махал рукой; так как тем временем мы успели вытащить резиновую лодку на борт, то мы все вчетвером ухватились за веревку от спасательного пояса и стали тянуть изо всех сил, не спуская в то же время глаз с большого темного предмета, который виднелся в воде позади двух пловцов. Это таинственное животное время от времени высовывало над гребнем волны большой зеленовато-черный треугольник; он чуть не насмерть перепугал Кнута, когда тот плыл к Герману. В тот момент один лишь Герман знал, что треугольник принадлежал не акуле и не какому-нибудь другому морскому чудовищу. Это был раздувшийся угол непромокаемого спального мешка Торстейна. Но спальный мешок недолго держался на воде после того, как мы вытащили на плот обоих наших товарищей целыми и невредимыми. Тот, кто утащил спальный мешок в глубь океана, упустил более стоящую добычу.

– Как хорошо, что я не был в нем, – сказал Торстейн и снова взялся за рулевое весло.

Впрочем, в этот вечер нам было не до веселых острот. Нас всех еще долго пробирали нервная дрожь. Но холодная дрожь смешивалась с горячим чувством радости оттого, что нас по-прежнему было шестеро на плоту.

В этот день мы наговорили Кнуту кучу приятных слов – и сам Герман и все остальные.

Однако у нас было мало времени раздумывать о том, что уже случилось; по мере того как небо над нами темнело, порывы ветра все усиливались, и до наступления ночи на нас обрушился новый шторм. Теперь привязанный к длинной веревке спасательный пояс находился на воде за кормой; если во время шквала кто-нибудь из нас опять упадет за борт, то, может быть, ему удастся ухватиться за пояс, который плыл позади рулевого весла. Когда наступила ночь, вокруг нас стояла кромешная тьма, скрывшая от нашего взора и плот и океан; бешено прыгая в темноте с волны на волну, мы слышали только, как завывал ветер в мачтах и снастях, и чувствовали, как шквалы налетали на гибкие стены бамбуковой каюты с такой силой, что, казалось, вот-вот они унесут ее за борт. Но каюта была прикрыта брезентами и хорошо укреплена оттяжками. Мы чувствовали, как «Кон-Тики» метался на пенящихся волнах и бревна, подобно клавишам рояля, двигались вверх и вниз в такт движению волн. Мы каждый раз удивлялись, что потоки воды не врываются сквозь широкие щели в полу каюты, а эти щели служили лишь мехами, через которые постоянно неслись вверх и вниз токи влажного воздуха.

Целых пять дней погода стояла неустойчивая: то дул настоящий ураган, то ветер падал до слабого. Океан был изборожден широкими долинами, окутанными дымкой от пенящихся серовато-синих волн, гребни которых казались вытянутыми в длину и сплюснутыми от напора ветра. Затем на пятый день на небе появились голубые просветы, и по мере того как ураган удалялся от нас, зловещие черные тучи уступали место всепобеждающему голубому небу.

Шторм наделал нам дел: рулевое весло было разбито, парус разорван, а выдвижные кили болтались и ударялись, подобно вагам, о бревна, так как все веревки, которыми они были закреплены под водой, совершенно перетерлись. Но сами мы и груз ничуть не пострадали.

После двух штормов «Кон-Тики» основательно расшатался. От напряжения при подъеме на крутые гребни волн все веревки вытянулись, а от постоянного движения бревен веревки врезались в них. Мы благодарили провидение за то, что последовали указаниям инков и отказались от стальных тросов, которые во время шторма попросту перепилили бы весь плот на мелкие куски. А если бы с самого начала у нас были совершенно сухие, обладающие высокой плавучестью бальсовые бревна, плот давно пропитался бы морской водой и погрузился бы в океан вместе с нами. Сок свежесрубленных деревьев служил пропитывающим составом и препятствовал проникновению воды в пористую бальсовую древесину. Но теперь веревки так ослабели, что опасно было ступить между двумя бревнами, так как при резком столкновении они могли раздробить ногу. На носу и на корме, где не было бамбуковой палубы, нам приходилось, сгибая колени, широко расставлять ноги, чтобы стоять сразу на двух бревнах. Корма, покрытая мокрыми водорослями, стала скользкой, как листья бананов; там, где мы обычно ходили, мы устроили среди зелени постоянную дорожку, а для вахтенного у руля положили широкую доску, и все же, когда волна подбрасывала плот, удержаться на ногах было нелегко. А по левой стороне одно из девяти огромных бревен день и ночь с глухим, хлюпающим стуком ударялось о ронжины. Новые зловещие скрипы стали издавать также веревки, которые связывали вершины двух наклонных мачт, так как гнезда для мачт были вырублены в двух разных бревнах и двигались независимо друг от друга.

Мы срастили рулевое весло, привязав к нему длинные куски тяжелого, как железо, мангрового дерева. Эрик и Бенгт починили парус, и Кон-Тики снова гордо поднял голову и выпятил грудь в сторону Полинезии, а рулевое весло танцевало за кормой в волнах, которые с наступлением хорошей погоды опять были кроткими и пологими. Но кили никогда больше не стали такими, какими были раньше; они не отзывались на давление воды со всей своей прежней силой, так как сместились и болтались под плотом ничем не закрепленные. Не имело смысла пытаться осмотреть веревки со стороны дна, так как они совершенно заросли водорослями. Обследовав всю бамбуковую палубу, мы обнаружили, что только три из основных веревок были порваны; они лежали скрюченные, прижатые к грузу, о который они перетерлись. Было совершенно очевидно, что бревна впитали в себя большое количество воды, но груз уменьшился, и это уравнивало потерю плавучести. Большая часть провизии и питьевой воды, а также сухих батарей наших радистов была уже израсходована.

Тем не менее после последнего шторма мы были вполне убеждены, что плот не расползется и проплывет то короткое расстояние, которое отделяло нас от находившихся впереди островов. Теперь на первый план выступала другая проблема: каким образом наше путешествие закончится?

«Кон-Тики» будет непреклонно стремиться к западу, пока не упрется носом в береговые скалы или в какую-нибудь другую неподвижную преграду, которая остановит его движение. Путешествие окончится только тогда, когда вся команда, целая и невредимая, выйдет на берег одного из многочисленных полинезийских островов, лежавших впереди.

Когда миновал последний шторм, нам было совершенно неясно, куда может пристать плот. Мы находились на одинаковом расстоянии и от Маркизских островов и от архипелага Туамоту, причем не была исключена возможность того, что мы спокойнейшим образом можем пройти между этими двумя группами островов, не увидев ни той, ни другой.

Ближайший остров из группы Маркизских находился в 300 милях к северо-западу, ближайший остров архипелага Туамоту – в 300 милях к юго-западу, а ветер и течение были неустойчивы, но в общем несли нас на запад, в широкие ворота океана между двумя группами островов.

Ближайший в северо-западном направлении остров был тот самый Фату-Хива, маленький, покрытый джунглями гористый островок, на котором я когда-то жил в хижине, построенной на берегу на сваях, и слушал образные рассказы старика о героическом предке – Тики. Если бы «Кон-Тики» пристал к этому же берегу, я встретил бы там много знакомых, но вряд ли самого старика. Он, наверно, давно уже скончался с твердой надеждой на встречу

со своим предком Тики. Если плот направится к этой цепи гористых Маркизских островов, то высадка будет для нас нелегким делом. Острова этой группы лежат далеко друг от друга, и океан беспрепятственно обрушивается на отвесные утесы, так что нам надо будет смотреть в оба, держа путь к устьям немногочисленных долин, которые всегда заканчиваются узкой полосой пляжа.

Если же плот направится к коралловым рифам архипелага Туамоту, то там океан на большом протяжении густо усеян множеством островов. Но эта группа островов известна также под названием Низкого, или Опасного, архипелага, так как своим возникновением она обязана кораллам и состоит из предательских подводных рифов и покрытых пальмами атоллов, которые возвышаются всего на два-три метра над поверхностью воды. Опасные рифы окружают защитным кольцом каждый атолл, представляя серьезную помеху для мореплавания во всем этом районе. Но хотя атоллы Туамоту созданы кораллами, а Маркизские острова представляют собой остатки потухших вулканов, обе группы островов населены одним и тем же полинезийским народом, и королевские семьи повсюду считают Тики своим родоначальником.

Еще 3 июля, когда мы находились за тысячу миль от Полинезии, сама природа сообщила нам, – как она в свое время сообщила первобытным перуанским мореплавателям, добравшимся сюда на своих плотах, – что где-то впереди среди океана действительно находится земля. Пока мы не прошли добрую тысячу миль от берегов Перу, мы время от времени видели небольшие стаи фрегатов. Примерно на 100° западной долготы они исчезли, и нам стали попадаться только маленькие буревестники, которые живут в океане. Но 3 июля на 125° западной долготы фрегаты снова появились. Начиная с этого дня, мы часто видели небольшие стаи фрегатов; они летели высоко в небе или проносились над гребнями волн, хватая летающих рыб, которые выпрыгивали в воздух, спасаясь от золотых макрелей. Так как эти птицы прилетели не из Америки, лежавшей позади нас, то их родина должна была находиться в другой стороне – впереди.

16 июля природа дала нам еще более очевидное указание. В этот день мы вытащили трехметровую акулу, которая извергла из своего живота большую неперевавленную морскую звезду, недавно проглоченную ею у берега где-то вблизи.

А на следующий день к нам прилетели первые гости непосредственно с островов Полинезии. Это было знаменательным событием на плоту, когда мы заметили на горизонте в западном направлении двух больших глупышей, которые вскоре стали низко парить над нашей мачтой. Распластав свои крылья, имевшие в размахе полтора метра, они долго кружили над нами, затем сложили крылья и сели на воду рядом с плотом. Золотые макрели сразу же бросились к этому месту и принялись назойливо вертеться вокруг больших плавающих птиц, но обе стороны не трогали друг друга. Это были первые живые вестники, принесшие нам привет из Полинезии. Вечером они не улетели, но остались на воде, и еще после полуночи мы слышали, как они с хриплыми криками кружили вокруг мачты.

Летающие рыбы, которые попадали к нам на плот, были теперь значительно крупнее и принадлежали к другому виду; я помнил их по рыболовным прогулкам, которые совершал с островитянами вдоль берегов Фату-Хивы.

В течение трех суток мы держали курс прямо на Фату-Хиву, но затем задул сильный северо-восточный ветер и отнес нас к югу, в сторону атоллов Туамоту, за пределы собственно экваториального течения, и теперь океанские течения стали вести себя ненадежно. Один день они были заметны, на другой день исчезали. Течение иногда шло, как невидимая река, разветвляясь во все стороны. Если оно было быстрое, волны становились сильнее и температура воды обычно падала на один градус. Направление и силу течения мы определяли ежедневно по разнице между вычисленным Эриком положением плота и определенным им по солнцу³⁷.

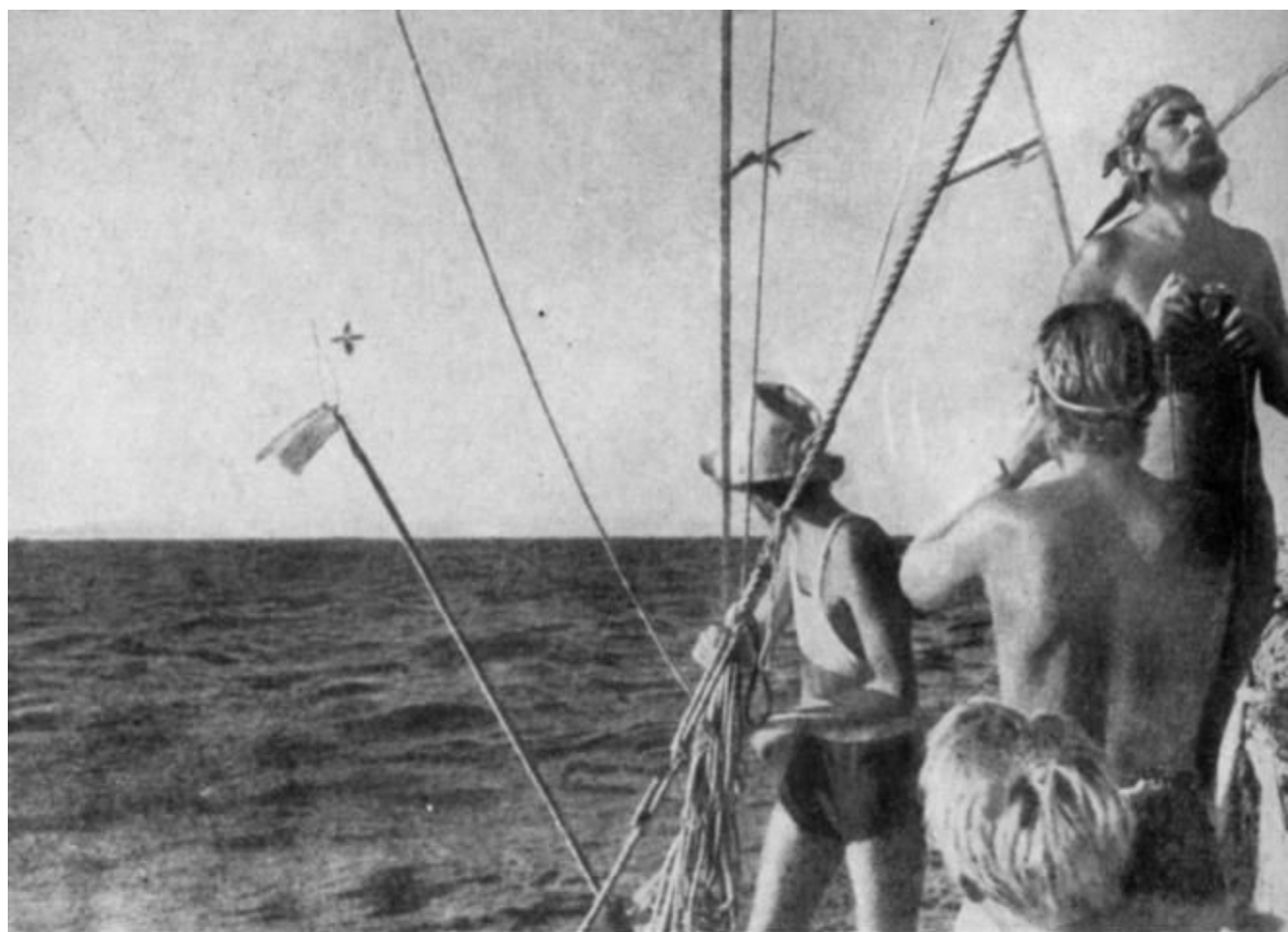
³⁷ Определение положения корабля в море производится сначала по «счислению» – для этого необходимо знать скорость хода, которая получается из отсчетов лага, и направление движения корабля, определяемого

На пороге Полинезии ветер сказал «пас» и передал нас тихому ответвлению течения, которое, к нашему ужасу, шло по направлению к Антарктике. Полного штиля не было – мы не испытали его ни разу за все время нашего путешествия, – и если ветер был очень слабый, мы подвешивали к мачте все наши тряпки, чтобы использовать малейшее дуновение. Не было ни одного дня, когда мы двигались бы назад, в сторону Америки; наименьшее расстояние, пройденное за сутки, составляло 9 морских миль, между тем как средняя суточная скорость за все время нашего путешествия в целом равнялась 42,5 мили.

Все-таки у пассата не хватило духу покинуть нас у самой цели. Он опять приступил к исполнению своих обязанностей и принялся толкать и вести разваливающееся судно, которое готовилось вступить в новую, необыкновенную страну.

С каждым днем стаи морских птиц становились все многочисленнее и бесцельно кружили над нами во всех направлениях. Однажды вечером, когда солнце садилось в океан, мы ясно заметили, что птицы чем-то сильно взбудоражены. Они летели на запад, не обращая никакого внимания на нас и на летающих рыб. С верхушки мачты мы могли видеть, что, пролетев над нами, они все устремлялись в одном и том же направлении. Может быть, сверху они видели что-то, чего мы не видели. А может быть, ими руководил инстинкт. Во всяком случае, они летели к определенной цели, прямо домой, на ближайший остров, место их гнездовий.

компасом. На «Кон-Тики» лага не было, и скорость хода определялась по отставанию щепок, как это описано в тексте. Но и при полном учете скорости и направления результат получается не вполне верным, так как показания лага несколько неточны, и невозможно также точно учесть снос корабля ветром и течениями. Поэтому необходимо возможно чаще определять положение судна по солнцу или звездам при помощи секстанта. Для этого надо знать также очень точно и время, которое теперь узнают, принимая специальные сигналы времени больших радиостанций; раньше время определялось по точным часам – хронометрам.

Задолго до того, как мы увидели сушу, нас посетили птицы из Полинеи. Мы заметили, в каком направлении они улетели на закате, и по этому курсом.

Наконец на горизонте показалась земля.

Мы повернули рулевое весло и, направили наш плот точно в ту сторону, где исчезли птицы. Даже после наступления темноты мы слышали крики отставших стай, которые пролетали над нами на фоне звездного неба как раз в том направлении, которого мы теперь держались. Это была чудесная ночь; луна была почти полной – в третий раз за время плавания «Кон-Тики».

На следующий день над нами кружило еще больше птиц, но вечером мы уже не нуждались в том, чтобы они показывали нам путь. К этому времени мы заметили на горизонте странное, неподвижное облако. Другие облака казались маленькими, легкими клочками шерсти, которые появлялись на юге и, подгоняемые пассатом, проплывали по небесному своду, а затем исчезали за горизонтом на западе. Такими я когда-то видел эти уносимые пассатом облака на острове Фату-Хива, такими мы их видели над собой ночью и днем на борту «Кон-Тики». Но одинокое облако на горизонте к юго-западу от нас не двигалось, – оно просто висело в воздухе, подобно неподвижному столбу дыма, между тем как остальные облака проплывали мимо. Такие облака по-латыни называются Cumulonimbus. Полинезийцы не знали этого, но они знали, что под такими облаками находится земля. Когда тропическое солнце раскаляет песок, образуется ток теплого воздуха, который поднимается вверх, и в более холодных слоях атмосферы содержащиеся в нем водяные пары сгущаются.

Мы правили на облако, пока с заходом солнца оно не исчезло. Ветер был устойчивый, и с крепко привязанным рулевым веслом «Кон-Тики» сам, без всякого нашего участия, как это часто бывало в хорошую погоду в океане, держался своего курса. Работа вахтенного заключалась теперь в том, чтобы взбираться на верхушку мачты и как можно дольше сидеть там на площадке, за последние дни натершейся до блеска, высматривая, не появятся ли признаки близости земли.

Всю ночь над нами раздавались оглушительные крики птиц. А луна была почти полная.

Глава 7 У ОСТРОВОВ ЮЖНОГО МОРЯ

Мы видим землю. – Нас относит от Пука-Пука. – Праздничный день у рифа Ангатау. – На пороге рая. – Первые островитяне. – Новая команда «Кон-Тики». – Кнут получил увольнение на берег. – Проигранное сражение. – Нас снова уносит в океан. – В опасных водах. – От Такуме до Рароиа. – Нас несет в «ведьмин котел». – Во власти бурунов. – Кораблекрушение. – Выброшены на коралловый риф. – Мы находим необитаемый остров.

В ночь на 30 июля «Кон-Тики» окружала какая-то новая, необыкновенная атмосфера. Может быть, оглушающие крики всевозможных морских птиц над нами создавали ощущение, что назревают какие-то события. После того как на протяжении трех месяцев мы слышали, кроме шума океана, лишь однообразный скрип безжизненных веревок, многоголосый крик птиц казался таким возбуждающим и таким земным. А луна, плывшая

над нашим наблюдательным пунктом на верхушке мачты, казалась больше и круглее, чем обычно. В нашем воображении в ней отражались верхушки пальм и вся романтика теплокровного мира; над океаном с холодными рыбами луна не сияла таким желтым светом.

В шесть часов Бенгт спустился с верхушки мачты, разбудил Германа и завалился спать. Когда Герман взобрался на скрипящую качающуюся мачту, уже появились первые проблески зари. Через десять минут он снова опустился по веревочной лестнице и потащил меня за ногу.

– Выходите-ка и взгляните на ваш остров!

Лицо Германа сияло; я вскочил, а вслед за мной и Бенгт, который не успел еще заснуть. Толкаясь и мешая друг другу, мы поспешно карабкались как можно выше, пока не достигли места скрещения мачт. Вокруг нас летало множество птиц, а бледная голубовато-фиолетовая полоса на небе отражалась в океане, как последнее напоминание об уходящей ночи. Но вот весь горизонт на востоке стал окрашиваться ярким румянцем, а далеко на юго-востоке небо постепенно приобретало кроваво-красную окраску, и на его фоне вдоль края океана бледной тенью вырисовывалась небольшая черта, как бы проведенная синим карандашом.

Земля! Остров! Мы жадно пожирали его глазами, затем разбудили товарищей; полусонные, они выскочили на палубу и смотрели во все стороны, словно думали, что нос нашего плота вот-вот уткнется в берег. Летавшие с криком морские птицы создавали как бы воздушный мост между нами и отдаленным островом, который все резче выступал на горизонте, по мере того как с приближением солнца и наступлением дня, красный фон разливался по небу и переходил в золотистый. Первой нашей мыслью было, что остров находится не там, где ему полагалось. И так как остров не мог передвинуться, то, очевидно, за ночь плот унесло течением к северу. Нам достаточно было бросить один взгляд на океан, чтобы по направлению волн сразу понять, что за время темноты мы лишились всяких шансов пристать здесь. Там, где мы теперь находились, ветер уже не давал нам возможности направить плот к острову. В районе океана вокруг архипелага Туамоту было много сильных местных течений, которые, натываясь на землю, разветвлялись во все стороны; многие из течений меняли свое направление, встречаясь с мощными приливными течениями, двигавшимися взад и вперед через рифы и лагуны.

Мы повернули рулевое весло, хотя хорошо знали, что это бесполезно. В половине седьмого солнца взошло над океаном и стало подниматься прямо вверх, как это всегда бывает в тропиках. Остров находился от нас на расстоянии нескольких миль и представлялся нашему взгляду в виде еле выступавшей из воды полоски леса вдоль горизонта. Деревья тесно стояли за узкой светлой лентой берега, который был так низок, что через правильные промежутки времени скрывался за волнами. Согласно определениям Эрика, это был Пука-Пука, самый крайний остров архипелага Туамоту. «Люция Тихого океана 1940 года», две наши карты и наблюдения Эрика давали четыре различных варианта координат этого острова, но так как вблизи никакой другой земли не существовало, то мы не могли сомневаться, что остров, который мы видели, был Пука-Пука.

Никто из нас не предавался бурным излипаниям. Мы подтянули парус, повернули весло и молча стояли на палубе или на верхушке мачты, всматриваясь в землю, которая внезапно появилась посреди беспредельного всеобъемлющего океана. Наконец-то мы воочию убедились в том, что все эти месяцы действительно двигались, а не просто качались на волнах в центре одного и того же извечного, окаймленного горизонтом круга. Впрочем, нам казалось, что мы видим какой-то плавающий остров, неожиданно очутившийся среди синего пустынного океана, в центре которого находилось наше постоянное местожительство, и что этот остров медленно плыл по нашим владениям, направляясь к востоку. Нас всех охватило чувство глубокого удовлетворения и покоя от сознания, что мы действительно достигли Полинезии; но к этому чувству примешивалось легкое мимолетное разочарование оттого, что мы были вынуждены беспомощно смотреть на возникший перед нами, как мираж, остров и продолжать наш бесконечный путь по океану на запад.

Сразу после восхода солнца над вершинами деревьев в левой части острова поднялся

густой черный столб дыма. Мы следили за ним и думали про себя, что островитяне проснулись и готовят себе завтрак. Тогда нам не пришло в голову, что жители нас заметили со своих наблюдательных постов и подавали дымом сигналы, приглашая нас высадиться. Около семи часов до нас донесся легкий запах горящего пальмового дерева, который щекотал наши просоленные ноздри. Во мне он сразу пробудил дремавшие воспоминания о костре на берегу Фату-Хивы. Спустя полчаса мы уловили запахи леса и свежесрубленного дерева. Остров стал постепенно отдаляться, теперь он находился за кормой, и время от времени с него долетали до нас легкие дуновения ветра. В течение четверти часа Герман и я стояли, вцепившись в верхушку мачты, и жадно впитывали в себя теплый запах листьев и зелени. Это была Полинезия – восхитительный, роскошный запах суши после девяноста трех соленых дней среди волн. Бенгт уже снова храпел в своем спальном мешке. Эрик и Торстейн лежали на спине в каюте, размышляя, а Кнут то и дело выбегал на палубу понюхать запах листьев, а затем что-то писал в своем дневнике.

В половине девятого Пука-Пука погрузился в океан позади нас, но еще до одиннадцати часов с верхушки мачты мы могли видеть бледную голубую полосу над восточным горизонтом. Потом и она пропала, и только высокое кучево-дождевое облако, неподвижно висевшее в небе, показывало нам, где находится Пука-Пука. Птицы исчезли. Они предпочитают держаться наветренной стороны острова, чтобы ветер помогал им, когда они будут вечером возвращаться домой с полным желудком. Золотых макрелей также почти не было видно, и нас сопровождало только несколько лощманов, плывших под плотом.

В этот вечер Бенгт сказал, что он мечтает о столе и стуле, ибо читать, лежа то на спине, то на животе, очень утомительно. Впрочем, он рад, что нам не удалось пристать к берегу, так как он не успел еще прочесть три книги. Торстейну неожиданно захотелось яблок. А я сам проснулся ночью от совершенно отчетливого восхитительного запаха бифштекса с луком. Но оказалось, что так пахнет грязная рубаха.

На следующее утро мы увидели два новых облака, которые поднимались у горизонта, напоминая дым двух паровозов. По карте мы смогли установить, что коралловые острова, над которыми эти облака возвышались, называются Фангахина и Ангатау³⁸. Ветер дул так, что облако над Ангатау находилось от нас в более благоприятном направлении; поэтому, крепко привязав весло, мы взяли курс на Ангатау и стали наслаждаться изумительным покоем и тишиной Тихого океана. В хорошую погоду жизнь на бамбуковой палубе «Кон-Тики» была очень приятна, и мы жадно впитывали в себя всё ощущения, уверенные в близком окончании нашего путешествия, что бы ни ждало нас впереди.

В течение трех суток мы шли в направлении облака над Ангатау; погода стояла великолепная, рулевое весло само вело нас по курсу, и течение не выкидывало никаких шуток. На утро четвертого дня Торстейн в шесть часов сменил на вахте Германа, тот сказал ему, что он при свете луны как будто видел очертания низкого острова. Когда вскоре вошло солнце, Торстейн просунул голову в дверь каюты и крикнул:

– Впереди земля!

Мы все бросились на палубу, и то, что мы увидели, заставило нас поднять все наши флаги. Первым взлетел на корме норвежский флаг, за ним на верхушке мачты – французский, так как мы приближались к французской колонии. Вскоре вся наша коллекция флагов развевалась на свежем пассатном ветре – американский, английский, перуанский и шведский, не считая флага Клуба путешественников. Теперь никто из нас не мог сомневаться, что «Кон-Тики» одет как следует. На этот раз положение острова было идеальным – прямо по нашему курсу и несколько дальше от нас, чем Пука-Пука, когда он

³⁸ Некоторые острова Полинезии, о которых упоминает Хейердал, были открыты впервые русскими мореплавателями (И. Ф. Крузенштерном, Ю. Ф. Лисянским, В. М. Головниным, О. Е. Коцебу и др.) и получили русские названия. Так, остров Ангатау был назван именем Аракчеева, остров Такуме – Волконского, остров Рароиа – Барклая де Толли, остров Фангахина получил название «остров Предприятие» – по имени корабля экспедиции О. Е. Коцебу.

возник перед нами на утренней заре четыре дня тому назад. Лишь только солнце поднялось на небе позади нас, мы увидели высоко в туманном небе над островом светло-зеленое мерцание. Это было отражение тихой зеленой лагуны внутри кольца из рифов. Над некоторыми низкими атоллами такие миражи стоят в воздухе на высоте нескольких тысяч метров, и первобытные мореплаватели видели эти отражения за много дней до того, как сам остров показывался на горизонте.

Около десяти часов мы взялись за рулевое весло; теперь предстояло решить, к какой части острова мы будем править. Мы могли уже различить отдельные верхушки деревьев и видели ряды древесных стволов, блестящих на солнце на фоне густой тенистой листвы.

Мы знали, что где-то между нами и островом находятся опасные подводные рифы, подстерегавшие все, что приближалось к приветливому на вид острову. Беспрепятственно набегающие с востока высокие валы зыби покрывают эти рифы; и так как огромные массы воды на мелком месте задерживаются, они вздымаются к небу и с грохотом и пеной обрушиваются вниз, проносясь над острыми коралловыми рифами. Не один корабль попал в эту ловушку – был затянут на ужасные подводные рифы архипелага Туамоту и разбит вдребезги о коралловые скалы.

Со стороны моря мы не замечали никаких признаков коварной западни. Мы плыли, следуя за волнами, и видели только изогнутые сверкающие гребни, которые один за другим исчезали по направлению к острову. И рифы и вся пенящаяся дьявольская свистопляска над ними были скрыты от нас рядами широких гребней волн, громоздившихся впереди. Но у обеих оконечностей острова, и северной и южной, где береговая линия загибалась, мы видели, что в нескольких сотнях метров от земли океан представлял собой сплошную белую кипящую массу, высоко вздымавшуюся в воздухе.

Мы направили свой плот так, чтобы очутиться у границ «ведьминой кухни» у южной оконечности острова, и надеялись, что, попав туда, мы сможем плыть вдоль атолла, пока не обогнем мыс и не окажемся на подветренной стороне; во всяком случае, мы рассчитывали, прежде чем нас пронесет мимо, достичь достаточно мелкого места, где мы могли бы с помощью самодельного якоря остановиться и, выждав перемены ветра, очутиться, таким образом, под защитой острова.

Около полудня мы могли уже различить в бинокль, что растительность на берегу состояла из молодых зеленых кокосовых пальм, вершины которых тесно соприкасались и выступали над покачивавшейся живой изгородью густого подлеска, стоявшего на переднем плане. На берегу перед лесом на светлом песке тут и там лежали большие глыбы кораллов. Никаких других признаков жизни не было, если не считать белых птиц, паривших над кронами пальм.

В два часа мы подошли к острову и поплыли вдоль него у самого края неприступных рифов. По мере того как мы приближались, до нас все явственней доносился напоминавший неумолчный шум водопада рев бурунов, разбивавшихся о рифы, и вскоре этот рев стал походить на грохот бесконечного курьерского поезда, который мчался параллельно нам в нескольких ста метрах от нашего правого борта. Теперь мы могли также различить белые брызги, то и дело взлетавшие высоко в воздух за курчавыми гребнями волн сбоку от нас, там, где грохотал «поезд».

Тяжелым рулевым веслом орудовали двое; они стояли за бамбуковой каютой и поэтому не видели, что делается впереди. Эрик в качестве штурмана взобрался на кухонный ящик и давал указания обоим рулевым. Наш план состоял в том, чтобы держаться к опасным рифам как можно ближе, но на достаточно безопасном расстоянии. С вершины мачты мы все время наблюдали, не покажется ли в коралловом кольце какая-нибудь брешь или проход, через который мы могли бы попытаться проскользнуть. Течение несло нас теперь вдоль рифа и не устраивало никаких фокусов. Болтавшиеся кили давали нам возможность двигаться под углом к ветру в пределах 20° в ту или другую сторону, а ветер дул вдоль рифа.

В то время как Эрик вел плот по извилистому курсу, держась от рифов на таком расстоянии, чтобы не было опасности оказаться втянутыми в водоворот, Герман и я поплыли

в резиновой лодке, привязанной на веревке. Когда плот шел правым галсом, веревка тянула и нас направо, и мы подходили так близко к грохотавшим над рифами бурунам, что нам удавалось бросить взгляд на убегающую от нас стену воды цвета зеленого стекла; когда волны, крутясь водоворотами, откатывались назад, мы могли различить также выступавшие из воды голые рифы, которые напоминали полуразрушенную баррикаду из ржавой железной руды. Насколько хватало взгляда, мы не могли заметить вдоль берега никакого прохода. Эрик орудовал с парусом, подтягивая левое полотнище и ослабляя правое, а рулевые изо всех сил нажимали на весло, и «Кон-Тики» снова менял курс и, переваливаясь, уходил из опасной зоны до следующего поворота на другой галс.

Всякий раз, когда «Кон-Тики» приближался к рифам и снова отдалялся от них, у Германа и у меня, сидевших в привязанной к плоту лодочке, замирало сердце, ибо мы оказывались настолько близко к рифам, что начинали чувствовать, как ритм волн учащался и становился все более нервным и грозным. И всякий раз мы были уверены, что теперь Эрик слишком увлекся, что теперь нет никакой надежды вывести «Кон-Тики» из полосы бурунов, которые тянули нас к дьявольским красным рифам. Но всякий раз Эрик ловким маневром поворачивал плот, и «Кон-Тики» снова благополучно уходил в сторону открытого океана, удаляясь от предательских водоворотов. Все это время мы плыли вдоль острова на таком близком расстоянии, что видели мельчайшие подробности на берегу; и эта райская красота была для нас недоступна из-за пенящейся преграды.

Около трех часов пальмовый лес на берегу расступился, и сквозь широкий просвет мы увидели синюю зеркально-гладкую лагуну. Но кольцо рифов оставалось таким же сплошным, как и раньше, и так же зловеще скалило из пены свои кроваво-красные зубы. Прохода не было, и пальмовый лес снова сомкнулся, а мы продолжали тащиться вдоль острова, подгоняемые попутным ветром. Позже пальмовый лес стал все больше и больше редеть, и нашим взорам открылась внутренняя часть кораллового острова. Перед нами, напоминая большое тихое горное озеро, лежала прекраснейшая светлая морская лагуна, окруженная покачивающимися кокосовыми пальмами и сверкающими пляжами. Упоительный остров зеленых пальм образовал широкое мягкое песчаное кольцо вокруг гостеприимной лагуны, а второе кольцо окружало весь остров ржаво-красным мечом, охранявшим «врата рая».

Весь день мы лавировали вдоль Ангатау и любовались красотой острова, находившегося совсем близко, чуть не за дверью нашей каюты. Солнце освещало кроны пальм, и все на острове казалось райским и радостным. Так как постепенно наши маневры превратились в привычное дело, Эрик достал свою гитару и, стоя на палубе в перуанской шляпе с большими полями, играл и распевал сентиментальные песни Южного моря, а Бенгт заканчивал на краю палубы все приготовления к прекрасному обеду. Мы разбили старый кокосовый орех, который везли из Перу, и выпили за здоровье молодых свежих орехов, свисавших с деревьев на острове. Вся атмосфера этого дня – покой над лесом светло-зеленых пальм, которые глубоко пустили корни в землю и сияли в лучах солнца, покой над белыми птицами, парившими вокруг вершин пальм, покой над зеркально-гладкой лагуной и мягким песчаным берегом и ярость красных рифов, канонада и барабанный грохот в воздухе – все это производило потрясающее впечатление на нас шестерых, появившихся здесь из океана. Это впечатление никогда не изгладится из нашей памяти. Теперь не было никаких сомнений, что мы достигли другой стороны; перед нами был самый настоящий остров Южного моря. Пристанем мы к нему или нет, во всяком случае, мы достигли Полинезии; необъятный простор океана навсегда остался позади нас.

Вышло так, что этот праздничный день у Ангатау оказался девяносто седьмым днем нашего путешествия. Как это ни странно, но по нашим расчетам в Нью-Йорке как раз девяносто семь дней составляли тот минимально необходимый срок, за который при теоретически идеальных условиях мы могли достигнуть ближайших островов Полинезии.

Около пяти часов мы миновали две крытые пальмовыми листьями хижины, стоявшие на берегу среди деревьев. Ни дыма, ни других признаков жизни мы не видели.

В половине шестого мы снова двигались по направлению к рифам; мы приближались к западной оконечности острова, и необходимо было в последний раз осмотреться в надежде отыскать какой-нибудь проход. Солнце стояло уже так низко, что слепило нас, когда мы смотрели вперед; но там, где океан ударялся о рифы, в нескольких ста метрах, за крайним мысом острова, мы увидели в воздухе маленькую радугу. Теперь очертания мыса отчетливо вырисовывались перед нами. А на берегу в глубине мы заметили кучку неподвижных черных пятен. Внезапно одно из них медленно направилось к воде, а несколько других быстро устремились к опушке леса. Это были люди! Мы плыли вдоль рифов так близко, как только могли; ветер совершенно стих, и мы чувствовали, что вот-вот мы окажемся с подветренной стороны острова. Тут мы увидели, что на воду спустили пирогу, два человека прыгнули в нее и принялись грести по ту сторону рифа. Проплыв некоторое расстояние, они повернули пирогу в сторону открытого океана; мы увидели, как волны высоко подбросили ее в воздух, когда она пролетала в проходе между рифами, направляясь прямо к нам.

Итак, проход между рифами находился здесь; это была наша единственная надежда. Теперь мы могли рассмотреть также всю деревню, расположенную в пальмовой роще. Но тени стали уже удлиняться.

Сидевшие в пироге люди помахали нам рукой. Мы энергично замахали в ответ, и они налегли на весла. Это была полинезийская пирога с балансиrom, и две коричневые фигуры в майках гребли, сидя лицом вперед. Теперь опять начнутся лингвистические затруднения. Из всех находившихся на плоту только я со времени моего пребывания на Фату-Хиве помнил несколько слов на диалекте жителей Маркизских островов, но полинезийский язык легко забыть из-за недостатка практики в наших северных краях.

Поэтому когда пирога ударилась о борт плота и двое островитян вскочили на палубу, мы испытали некоторое облегчение, так как один из них с широкой улыбкой на лице протянул коричневую руку и воскликнул по-английски:

– Добрый вечер!

– Добрый вечер, – в изумлении ответил я. – Вы говорите по-английски?

Мужчина снова улыбнулся и кивнул головой.

– Добрый вечер, – повторил он. – Добрый вечер.

Это был весь его запас иностранных слов, внушавший ему чувство глубокого превосходства над его более скромным приятелем, который держался на втором плане и широко улыбался в полном восхищении от ученого товарища.

– Ангатау? – спросил я, указывая в сторону острова.

– Х'Ангатау, – сказал мужчина, утвердительно кивнув головой.

Эрик гордо кивнул. Он оказался прав; мы находились там, где должны были находиться по его определениям.

– Маимаи хее иута, – попытался я начать разговор.

По тем сведениям, что я приобрел на Фату-Хиве, это должно было приблизительно означать: «Хотим высадиться на берег».

Оба островитянина указали в сторону невидимого прохода в рифе, и мы повернули рулевое весло, собираясь попытать счастья. В это мгновение с острова задули более резкие порывы ветра. Над лагуной нависла небольшая дождевая туча. Ветер угрожал унести нас прочь от рифа, и мы поняли, что с помощью рулевого весла мы не сможем заставить «Кон-Тики» лавировать против ветра под достаточно большим углом и достигнуть устья прохода в рифе. Мы попытались нащупать дно, но якорный канат оказался слишком коротким. Теперь нам оставалось прибегнуть к веслам, и притом как можно скорей, прежде чем мы очутимся во власти ветра. С молниеносной быстротой мы спустили парус, и каждый из нас вооружился большим веслом. Я хотел дать по веслу и обоим островитянам, которые стояли, наслаждаясь полученными от нас сигаретами.

Островитяне только энергично трясли головой и со смущенным видом указывали направление. Я старался знаками дать им понять, что мы все должны грести, и повторял слова. «Хотим высадиться на берег». Тогда более развитой из двух приятелей нагнулся,

покрутил в воздухе правой рукой и сказал:

– Брррррррр!..

Не было никакого сомнения, что он советовал нам запустить двигатель. Островитяне думали, что они находятся на палубе какого-то необыкновенного тяжело груженного судна. Мы повели их на корму и предложили ощупать снизу бревна и убедиться, что у нас нет винта. Они были ошеломлены, вытащили изо рта сигареты и бросились к борту плота; теперь с каждой стороны сидело по четыре гребца, загребая веслами воду. В это время солнце опустилось прямо в океан за мысом, и порывы ветра с острова усилились. Похоже было на то, что мы совершенно не двигались. Островитяне с испуганным видом прыгнули обратно в пирогу и исчезли. Стало темно, мы снова были одни и изо всех сил гребли, чтобы нас не отнесло опять в океан.

Когда мрак окутал весь остров, из-за рифа, танцующая на волнах, появились четыре пироги, и вскоре толпа полинезийцев взобралась на борт; все они хотели пожать нам руки и получить сигареты. С этими парнями на борту, хорошо знавшими местные условия, мы не подвергались никакой опасности; они не допустят, чтобы нас унесло опять в океан и чтобы мы скрылись из глаз: итак, сегодня вечером мы будем на берегу!

Мы быстро закрепили на носу «Кон-Тики» канаты, протянутые к корме каждой из пирог, и четыре устойчивые лодки с балансиrom поплыли веерообразным строем, наподобие собачьей упряжки, перед деревянным плотом. Кнут прыгнул в резиновую лодку и примкнул к упряжке, а мы с веслами в руках расположились на двух наружных бревнах «Кон-Тики». И вот впервые за все время нашего плавания началась борьба с восточным ветром, который так долго был для нас попутным.

Луна еще не взошла, стояла кромешная тьма, и дул свежий ветер. На берегу жители деревни набрали хворосту и зажгли большой костер, чтобы показать нам, в каком направлении находится проход через рифы. Мы плыли в темноте среди грохота бурунов, который напоминал беспрестанный рев водопада и на первых порах становился все громче и громче.

Мы не видели гребцов, которые тянули нас, плывя в лодках перед нами, но мы слышали, как они во все горло распевали лихие воинственные песни на полинезийском языке. Мы слышали, что Кнут был с ними, так как всякий раз, когда полинезийские мелодии стихали, до нас доносился одинокий голос Кнута, певшего норвежские народные песни в сопровождении полинезийского хора. Чтобы увеличить какофонию, и мы на плоту затагнули: «У младенца Тома Брауна был прыщик на носу»; и все мы, белые и коричневые, со смехом и песнями налегали на весла.

Мы были в приподнятом настроении. Девяносто семь дней. Добрались до Полинезии. Сегодня вечером в деревне будет праздник. Островитяне весело прыгали и кричали. Суда приставали к Ангатау только раз в год, когда скупщики копры приходили на шхуне с Таити за ядрами кокосовых орехов. Поэтому сегодня вечером действительно будет праздник вокруг костра.

Но свирепый ветер продолжал упорно дуть. Мы старались так, что у нас болели все мышцы. Мы не сдавали своих позиций, но огонь костра ничуть не приближался, а грохот бурунов оставался все таким же, как и раньше. Постепенно пение замерло. Все стихло. Гребцы делали все, что могли, и даже больше. Огонь не двигался, он только прыгал вверх и вниз, когда мы поднимались и опускались на волнах. Прошло три часа, и было уже девять часов вечера. Постепенно нас стало сносить. Мы устали.

Мы дали островитянам понять, что нужна еще помощь с земли. Они объяснили нам, что на берегу народу много, но на всем острове только вот эти четыре мореходные пироги.

Тут из темноты вынырнул Кнут на своей лодке. У него появилась мысль: он может в резиновой лодке добраться до берега и привезти еще островитян. В случае необходимости в лодке могут, скрючившись, уместиться пять-шесть человек.

Это было слишком рискованно. Кнут не знал местности. В этой кромешной тьме он ни в коем случае не сможет добраться до прохода в коралловом рифе. Тогда Кнут предложил

захватить с собой предводителя островитян, который мог бы указывать ему дорогу. Я считал и этот план небезопасным, так как местным жителям никогда не приходилось проводить неуклюжую резиновую лодку через узкий и опасный проход. Но я попросил Кнута привезти к нам предводителя, который греб на пироге, находившейся где-то в темноте впереди нас, чтобы узнать его мнение о создавшемся положении. Было совершенно ясно, что мы дольше не сможем удерживаться и нас отнесет назад.

Кнут исчез во мраке, отправившись на поиски предводителя. Прошло некоторое время, но Кнут с предводителем не возвращались; мы принялись громко звать их, но в ответ слышали впереди лишь разноголосые восклицания полинезийцев. Кнут исчез в темноте. Тогда мы поняли, что произошло. В спешке, шуме и суматохе Кнут неправильно понял меня и отправился вместе с предводителем к берегу. Наши крики были бесполезны, ибо там, где теперь находился Кнут, все остальные звуки заглушались грохотом разбивавшихся о преграду бурунов.

Один из нас схватил фонарь для сигнализации азбукой Морзе, быстро влез на верхушку мачты и стал передавать: «Возвращайтесь. Возвращайтесь».

Но никто не вернулся.

Два человека отсутствовали, третий все время находился на верхушке мачты, сигналижая, и нас сильнее стало относить назад, и мы все больше и больше чувствовали, что на самом деле устали. Мы бросали в воду щепки и убеждались, что медленно, но верно движемся не в ту сторону, куда надо. Огонь костра уменьшился, шум бурунов стал тише. И чем дальше мы отходили от защищавшего нас пальмового леса, тем в большей власти извечного восточного ветра мы оказывались. Теперь мы опять поняли это. Теперь было почти то же, что бывало в океане. Постепенно мы осознали, что все надежды рухнули. Нас уносило в океан. Но мы должны по-прежнему грести изо всех сил. Мы должны по мере возможности замедлить движение назад, пока Кнут – живой и невредимый – не окажется вновь на плоту.

Прошло пять минут. Десять минут. Полчаса. Огонь костра продолжал уменьшаться; время от времени, когда мы оказывались между двумя волнами, он совершенно исчезал. Шум бурунов превратился в отдаленный шепот. Взошла луна; мы видели мерцание ее диска за вершинами пальм на берегу, но небо казалась подернутым туманной дымкой и было наполовину затянуто облаками.

Мы слышали, что островитяне начали перешептываться. Вдруг мы заметили, что с одной из пирог канат был сброшен в воду, а сама пирога исчезла. В остальных трех пирогах люди устали и были испуганы; они гребли уже не в полную силу. «Кон-Тики» продолжало уносить в открытый океан.

Вскоре остальные три каната ослабели, и три пироги ударились о борт плота. Один из островитян поднялся на палубу и, покачивая головой, тихо сказал;

– Иута (к берегу).

Он с беспокойством посмотрел на огонь костра, который теперь подолгу не был виден и лишь время от времени вспыхивал яркой искрой. Нас быстро уносило. Буруны умолкли; только океан ревел, как обычно, и все снасти «Кон-Тики» скрипели и стонали.

Мы щедро угостили островитян сигаретами, и я наскоро нацарапал записку, которую они должны были захватить с собой и передать Кнуту, если они найдут его. В записке говорилось:

«Возьмите с собой двух островитян в пироге, а резиновую лодку приведите на буксире. Не возвращайтесь в резиновой лодке один».

Мы рассчитывали на то, что доброжелательно настроенные островитяне согласятся взять Кнута с собой в пироге, если, конечно, они вообще сочтут благоразумным пуститься в океан; а если они решат, что это слишком опасно, то со стороны Кнута было бы безумием рискнуть поплыть в океан в резиновой лодке в надежде догнать убегающий плот.

Островитяне взяли записку, спрыгнули в пироги и исчезли в ночи. Последнее, что мы слышали, был резкий голос нашего первого приятеля, вежливо кричавшего из темноты:

– Добрый вечер!

До нас донесся одобрительный шепот его товарищей, не обладавших столь богатыми лингвистическими познаниями, а затем все смолкло; ни один звук больше не долетал до нас, словно мы все еще находились на расстоянии двух тысяч миль от ближайшей земли.

Грести нам вчетвером здесь, в открытом океане, без всякой защиты от ветра было бесполезно, но мы продолжали подавать световые сигналы с верхушки мачты. Мы больше не решались передавать «возвращайтесь»; теперь мы регулярно посылали только сноп света. Было совершенно темно. Лишь изредка луна пробивалась из-за туч. Должно быть, мы находились под поднимавшимся над Ангатау кучево-дождевым облаком.

К десяти часам мы потеряли всякую надежду снова увидеть Кнута. Мы молча сидели на краю плота и жевали галеты; по очереди мы подавали сигналы, взбираясь на мачту, которая без широкого паруса столовой Кон-Тики казалась теперь простым бревном.

Мы решили подавать сигналы всю ночь, так как не знали, где находится Кнут. Мы отказывались верить, что он погиб в бурунах. Кнут никогда не терялся, приходилось ли ему иметь дело с тяжелой водой или с бурунами; он, конечно, жив. Но как чертовски неприятно оставлять его одного среди полинезийцев на лежащем в стороне от всяких путей тихоокеанском островке. Отвратительная история! После всего нашего длинного путешествия мы только и сумели ненадолго приблизиться к уединенному островку Южного моря, посадить на него одного человека и снова отплыть. Стоило лишь первым полинезийцам, улыбаясь, явиться к нам на плот, как им пришлось поспешно убежать, чтобы не последовать за «Кон-Тики» в его диком, неудержимом стремлении на запад. Дьявольское положение. А веревки в эту ночь так ужасно скрипели. Никому из нас не хотелось спать.

Было половина одиннадцатого. Бенгт спустился с качающейся мачты, и его должен был сменить следующий. Вдруг мы все вздрогнули. В окутанном темнотой океане мы ясно услышали голоса. Вот опять. Говорили по-полинезийски. Во всю силу своих легких мы закричали в черную ночь. Послышался ответный крик; среди других голосов мы различили голос Кнута! Мы чуть не лишились рассудка от радости; усталости как не бывало; у нас словно гора свалилась с плеч. Какое имеет значение, что нас отнесло от Ангатау? В океане есть и другие острова. Теперь, когда мы все шестеро снова собрались на плоту, девять бальсовых бревен, так полюбившие путешествовать, могут плыть куда им угодно.

Три пироги с балансиром вынырнули из темноты, скользя по волнам, и Кнут первым вскочил на палубу доброго старого «Кон-Тики», а вслед за ним шесть коричневых мужчин. Объясняться было некогда; островитяне должны получить подарки и как можно скорей пуститься в опасный путь обратно к острову. Огня на берегу не было видно, на небе почти ни одной звезды; им придется в темноте грести против ветра и волн, пока они не увидят света костра. Мы щедро наделили их продуктами, сигаретами и другими подарками, и каждый из них при прощании горячо пожал нам руку.

Островитяне выражали явное беспокойство о нас; они указывали на запад, давая нам понять, что мы движемся в сторону опасных рифов. Предводитель со слезами на глазах нежно поцеловал меня в подбородок, что заставило меня поблагодарить провидение за свою бороду. Затем они сели в пироги, а мы шестеро остались на плоту снова вместе и снова одни.

Мы предоставили плот самому себе и стали слушать рассказ Кнута.

Предполагая, что он выполняет мое поручение, Кнут плыл в лодке к берегу вместе с предводителем островитян. Тот, орудуя маленькими веслами, греб по направлению к проходу в рифе. Вдруг Кнут, к своему удивлению, увидел световые сигналы с «Кон-Тики», предлагавшие ему вернуться. Он знаками дал понять гребцу, что надо повернуть, но тот не послушался; тогда Кнут сам схватился за весла, но островитянин вырвал их; вокруг уже грохотали буруны, и вступать в борьбу было бессмысленно. Лодка проскочила через проход в рифе и пошла по ту сторону его, пока волна не вынесла ее на большую коралловую глыбу на самом острове. Толпа полинезийцев схватила резиновую лодку и вытащила ее высоко на берег, а Кнут стоял один под пальмами, окруженный огромной толпой островитян, болтавших на каком-то непонятном языке. Коричневые, с голыми ногами мужчины, женщины и дети всех возрастов обступили его и ощупывали материал его рубашки и брюк.

Сами они были одеты в старые истрепанные костюмы европейского фасона, но белых людей на острове не было.

Кнут отобрал нескольких самых проворных на вид парней и знаками предложил им отправиться вместе с ним в резиновой лодке. Но тут, переваливаясь, подошел какой-то большой жирный мужчина; Кнут решил, что это вождь, так как он носил старую форменную фуражку и разговаривал громко и авторитетно. Все расступались перед ним. Кнут объяснил по-норвежски и по-английски, что ему нужны люди, чтобы вернуться на плот, пока его не унесло. Вождь сиял улыбкой, но ничего не понял, и вся толпа с криками потащила Кнута, несмотря на его самые горячие протесты, в деревню. Там его встретили собаки и свиньи; хорошенькие девушки Южного моря принесли ему свежие фрукты. Было ясно, что островитяне старались сделать пребывание Кнута на острове как можно более приятным, но Кнут не поддавался соблазну; он с грустью думал о плоте, который уплывал куда-то на запад.

Намерения островитян были очевидны. Они жаждали нашего общества, и они знали, что обычно на судне белых людей имеется куча хороших вещей. Если бы им удалось удержать Кнута на берегу, то и остальной экипаж странного судна, конечно, также явился бы. Ни один корабль не покинет белого человека на стоящем в стороне от морских путей острове.

После ряда забавных эпизодов Кнуту удалось уйти, и, окруженный поклонниками обоего пола, он быстро направился к своей лодке. Его слова на всех известных ему языках и жесты были совершенно недвусмысленные; островитяне поняли, что Кнут должен вернуться и вернется на скрывшееся где-то в ночи странное судно, которое так спешило, что должно было без задержки двигаться дальше.

Тогда островитяне пошли на хитрость: они знаками объяснили Кнуту, что остальные его товарищи пристали к острову по другую сторону мыса. Несколько минут Кнут не знал, что делать, но тут на берегу, где женщины и дети поддерживали костер, послышались громкие голоса. Это вернулись три пироги, и гребцы принесли Кнуту записку. Он оказался в отчаянном положении. В записке было распоряжение не выходить в океан одному, а все островитяне решительно отказывались отправиться с ним.

Среди полинезийцев разгорелся ожесточенный громкий спор. Те, кто выходил на пирогах и видел плот, прекрасно понимали, что задерживать Кнута в надежде заполучить на берег и остальных совершенно бесполезно. Кончилось тем, что обещания и угрозы Кнута, для выражения которых он прибегнул к общепонятному языку жестов, побудили экипаж трех пирог согласиться отправиться с ним в океан вдогонку за «Кон-Тики». И они пустились в окутанный тропической ночью океан, ведя на буксире танцевавшую на волнах резиновую лодку, а островитяне неподвижно стояли у угасавшего костра и смотрели вслед своему новому белокурому другу, который так же быстро исчез, как и появился.

Когда пироги поднимались на волнах, Кнут и его спутники видели далеко в океане тусклые световые сигналы с плота. Длинные, узкие полинезийские пироги, снабженные для устойчивости заостренными балансирами, разрезали воду, как ножи, но Кнуту показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он опять почувствовал под ногами толстые круглые бревна «Кон-Тики».

– Хорошо провели время на берегу? – с завистью спросил Торстейн.

– О, если бы вы только видели девушек-островитянок! – поддразнил его Кнут.

Мы не стали поднимать парус и спускать весло за борт, а забрались все шестеро в бамбуковую каюту и спали, как коралловые глыбы на берегу Ангатау. В течение трех дней мы плыли по океану, не видя никакой земли.

Нас несло прямо к зловещим рифам, которые окружали острова Такуме и Рароиа и на протяжении 40–50 миль перегораживали океан впереди нас. Мы предпринимали отчаянные попытки избежать этих опасных рифов, пройдя севернее; все шло как будто бы хорошо, пока однажды ночью вахтенный не вбежал в каюту и не вызвал нас всех на палубу.

Ветер переменялся. Нас несло прямо на риф Такуме. Начался дождь, и видимость была

очень плохая. До рифа оставалось недалеко.

Среди ночи мы собрали военный совет. Теперь дело шло о спасении жизни. Обогнуть риф с севера не было уже никакой надежды, мы должны попытаться пройти с южной стороны. Мы подтянули парус, повернули весло и пустились в опасное плавание, имея за кормой неустойчивый северный ветер. Если восточный ветер снова задует до того, как мы успеем миновать весь длинный пятидесятимильный барьер рифов, мы очутимся среди бурунов в полной их власти.

Мы договорились обо всем, что надо будет предпринять, если авария станет неизбежной. Во что бы то ни стало мы должны оставаться на борту «Кон-Тики». Мы не должны взбираться на мачту, откуда нас стряхнет, как гнилые фрукты, а должны крепко держаться за шкоты и ванты мачты, когда волны будут перекатываться через нас. Мы положили на палубу ничем не закрепленный резиновый плот и привязали к нему маленький водонепроницаемый радиопередатчик, небольшое количество продовольствия, бутылки с водой и запас медикаментов. Резиновый плот прибьет к берегу независимо от нас, и он очень пригодится, если нам самим удастся благополучно, но с пустыми руками перебраться через риф. На корме «Кон-Тики» мы привязали длинную веревку с бумом, который также будет прибит к берегу; с ее помощью мы сможем попытаться подтянуть деревянный плот, если он застрянет на рифе. После этого мы легли спать.

Пока дул северный ветер, мы медленно, но верно скользили вдоль барьера коралловых рифов, скрывавшихся в засаде за горизонтом. Но вот как-то после полудня ветер стих, а когда он возобновился, то дул уже с востока. По определению Эрика, мы в это время забрались уже так далеко на юг, что имелась некоторая надежда миновать самую южную оконечность рифа Рароиа. Мы должны попытаться обогнуть ее и укрыться за ней, прежде чем направиться дальше, к следующим рифам.

Когда наступил вечер, исполнилось сто дней нашего плавания по океану. Поздно ночью я проснулся с каким-то странным тревожным чувством. Было что-то необычное в движении волн. Ход «Кон-Тики» был совсем не таким, каким он должен был бы быть в этих условиях. Мы стали очень чувствительны к изменениям в ритме движения бревен. Я сразу же подумал о явлениях обратного движения воды от берега, к которому мы приближались, и то и дело выходил на палубу и взбирался на мачту. Ничего не было видно, кроме океана. Но я не мог спокойно спать. Время шло.

На рассвете, около шести часов, Торстейн поспешно спустился с верхушки мачты. Далеко впереди он увидел целый ряд маленьких, поросших пальмами островов. Первым делом мы повернули рулевое весло так, чтобы нос плота отвернул как можно больше к югу. То, что видел Торстейн, были, вероятно, маленькие коралловые острова, которые, подобно нанизанным на нитку жемчужинам, лежат позади рифа Рароиа. Должно быть, нас подхватило течение, шедшее к северу.

В 7 часов 30 минут цепь поросших пальмами островов показалась вдоль всего горизонта к западу. Самый южный из них находился примерно впереди по нашему курсу; таким образом, вдоль всего горизонта справа от нас тянулись острова с купами пальм, к северу превращавшиеся в крохотные точки. До ближайшего острова было четыре или пять миль.

Осмотр с вершины мачты показал, что хотя нос плота направлен к крайнему острову в цепи, боковой снос был настолько велик, что мы шли не в том направлении, какое указывал нос. Мы двигались по диагонали прямо к рифу. Если бы кили были закреплены, у нас осталась бы еще какая-то надежда проскочить. Но акулы плыли за самой кормой плота, и мы не могли нырнуть под плот и укрепить болтавшиеся кили новыми канатами.

Мы поняли, что нам осталось провести на «Кон-Тики» лишь несколько часов. Их следовало использовать для подготовки к неизбежному крушению на коралловом рифе. Мы решили, что должен делать каждый из нас, когда этот момент наступит; каждый знал круг своих обязанностей; мы не будем метаться, наступая друг другу на ноги, когда катастрофа наступит и счет будет идти на секунды. «Кон-Тики» поднимался и опускался, а ветер нес нас

на риф. Уже не было сомнения, что беспорядочное нагромождение волн впереди нас вызвано рифами – часть волн шла вперед, а другие, разбившись о вставшую на их пути преграду, стремительно откатывались назад.

Мы все еще шли с развернутым парусом в надежде, что даже теперь нам удастся проскользнуть мимо рифов. Когда сносимый течением плот постепенно стал приближаться к ним, мы увидели с мачты, что вся цепь поросших пальмами островков соединена коралловыми рифами, местами выступавшими над водой, а местами скрытыми под нею; эти рифы казались чем-то вроде мола, о который волны разбивались, крутясь белой пеной и высоко вздымаясь в воздух. Овальный атолл Рароиа имеет в диаметре 25 миль, не считая примыкающих рифов Такуме. Вся его более длинная сторона тянулась с севера на юг, и мы приближались к ней с востока. Сам риф, простиравшийся сплошной линией от горизонта до горизонта, отстоял от нас всего на несколько сот метров, а за ним лежали идиллические островки, кольцом окружавшие тихую внутреннюю лагуну.

Со смешанным чувством наблюдали мы, как вдоль всего горизонта перед нами синие волны Тихого океана взлетали высоко в воздух и разлетались мелкими брызгами. Я знал, что нас ожидало; я раньше бывал на архипелаге Туамоту и, стоя в безопасности на берегу, наблюдал за грандиозным зрелищем на востоке, где прибой открытого океана разбивался о рифы. В южном направлении продолжали постепенно показываться все новые рифы и острова. Мы, должно быть, находились у самой середины кораллового барьера.

На «Кон-Тики» все было подготовлено к окончанию путешествия. Все ценное было снесено в каюту и привязано. Документы и дневники мы запаковали в непромокаемые мешки вместе с пленками и другими вещами, которые могли пострадать от воды. Бамбуковую каюту мы покрыли брезентами и привязали их особо прочными веревками. Когда мы поняли, что никаких надежд не осталось, мы вскрыли бамбуковую палубу и ножами-мачете перерезали все веревки, которые удерживали кили под плотом. Вытащить кили было нелегко, так как они обросли толстым слоем ракушек. Когда нам это удалось, мы тем самым уменьшили осадку плота; она равнялась теперь только толщине нижней части бревен, и нас легче могло перенести через риф. Лишенный килей, со спущенным парусом, плот окончательно повернулся боком и находился всецело во власти ветра и волн.

Самую длинную из имевшихся у нас веревок мы привязали к самодельному якорю и прикрепили ее к основанию левой мачты; когда якорь будет брошен за борт, «Кон-Тики» вступит в полосу прибоа кормой вперед. Сам якорь состоял из пустых бидонов для воды, наполненных негодными батареями от радиопередатчика и металлическим ломом; из бидонов крест-накрест торчали толстые палки мангрового дерева.

Приказ номер один, который был первым и последним, гласил: «Оставаться на плоту!» При любых обстоятельствах мы должны крепко цепляться за что попало на борту плота и предоставить девяти большим бревнам выдерживать давление рифов. У нас самих будет вполне достаточно дела, когда нам придется сопротивляться напору воды. Если мы прыгнем за борт, мы станем беспомощными жертвами водоворотов, которые будут бросать нас взад и вперед через острые коралловые скалы. Резиновый плот на крутых волнах опрокинется или же разорвется в клочья о рифы, так как под нашей тяжестью он будет глубоко сидеть в воде. Но деревянные бревна раньше или позже будут выброшены на берег, и мы вместе с ними, если только нам удастся продержаться.

Затем всему экипажу было предложено надеть ботинки – в первый раз за сто дней – и иметь наготове спасательные пояса. От последних, впрочем, проку будет мало; если кто-нибудь свалится в воду, то он не утонет, а его будет ударять о рифы, пока не разобьет насмерть. У нас оставалось еще время, чтобы положить в карманы паспорта и немного уцелевших долларов. Но нас беспокоил не недостаток времени.

Наступили тревожные часы, когда мы беспомощно плыли боком, шаг за шагом приближаясь к рифу. На плоту было на редкость тихо; мы все, молча или обмениваясь лаконичными фразами, то влезали в каюту, то снова выходили на бамбуковую палубу и занимались своим делом. Серьезное выражение наших лиц доказывало, насколько хорошо

все понимали, что нас ожидает, а отсутствие нервозности свидетельствовало о непоколебимой вере в плот, которую мы все постепенно приобрели. Если он перенес нас через океан, то он доставит нас живыми и на берег.

В каюте, забитой привязанными коробками с продуктами и другим грузом, царил полнейший хаос. Торстейну с трудом удалось освободить для себя место в радиорубке, где оставался коротковолновый передатчик, на котором он продолжал работать. Мы теперь находились на расстоянии свыше 4 тысяч миль от нашей старой базы в Кальяо, откуда Перуанское военно-морское училище поддерживало с нами постоянную связь, и еще дальше – от Гала и Френка и других радиолюбителей в Соединенных Штатах. Но по воле случая накануне мы установили связь с завзятым любителем-коротковолновиком, который жил на Раротонге, одном из островов архипелага Кука; наши радисты, вопреки всем обыкновениям, договорились опять связаться с ним рано утром. И все время, пока нас ближе и ближе сносило к рифу, Торстейн сидел, стуча ключом, и вызывал Раротонгу.

Записи в судовом журнале «Кон-Тики» гласят:

«8.15. Мы медленно приближаемся к земле. Теперь мы уже различаем невооруженным глазом отдельные пальмы с правого борта.

8.45. Ветер отклонился в еще более неблагоприятном для нас направлении, так что никакой надежды миновать риф нет. На плоту никакой нервозности, но на палубе идут лихорадочные приготовления. На рифе перед нами виднеется что-то, напоминающее остов разбитого парусника, но, может быть, это только куча плавника.

9.45. Ветер несет нас прямо на предпоследний остров, но на пути нас ждет риф. Теперь мы ясно видим весь коралловый риф; здесь он представляет собой испещренный белым и красным барьер, который выступает из воды и опоясывает все острова. Вдоль всего рифа белый пенящийся прибой взлетает к небу. Бенгт подает нам хороший горячий завтрак – последнюю нашу трапезу перед великим событием! На рифе лежит остов разбитого судна. Мы подошли теперь так близко, что видим за рифом сверкающую лагуну и можем различить очертания других островов по ту сторону ее».

Когда эта запись была окончена, глухое ворчание бурунов снова приблизилось; оно раздавалось вдоль всего рифа и наполняло воздух чем-то вроде тревожной барабанной дробы, которая возвещала приближение волнующего конца плавания.

«9.50. Теперь совсем близко. Нас несет вдоль рифа. До него всего около ста метров. Торстейн разговаривает с человеком с Раротонги. Все готово. Теперь пора упаковать журнал. Все настроены бодро: кажется, дело плохо, но мы преодолеем и эту преграду!»

Спустя несколько минут якорь полетел на борт и зацепился за дно; «Кон-Тики» описал полукруг и повернулся кормой к бурунам. Якорь удерживал нас в течение нескольких бесценных минут, пока Торстейн, как сумасшедший, выстукивал ключом. Ему опять удалось связаться с Раротонгой. Буруны грохотали, и океан-яростно вздымался и опускался. Весь экипаж был занят на палубе, а Торстейн вел разговор. Он сообщил, что нас несет на риф Рароиа. Он попросил Раротонгу слушать нас на той же волне каждый час. Если по истечении 36 часов от нас не поступит никаких известий, пусть Раротонга поставит в известность норвежское посольство в Вашингтоне. Последние слова Торстейна были: «О'кэй. Осталось 50 метров. Начинается. До свидания». Затем он выключил радиостанцию, Кнут запечатал документы, и оба поспешили выбраться на палубу и присоединиться к остальным, так как стало уже ясно, что якорь начинает сдавать.

Волны становились все выше и выше, а впадины между ними все глубже, и мы чувствовали, как плот бросало вверх и вниз, вверх и вниз все сильнее и сильнее. Я прокричал прежний приказ:

– Держитесь, не думайте о грузе, держитесь!

Мы были теперь так близко к низвергающемуся водопаду, что больше не слышали непрерывного настойчивого рева вдоль всего рифа. Теперь мы слышали только отдельные громовые раскаты каждый раз, как ближайший бурун с грохотом налетал на скалы.

Все стояли наготове; каждый крепко ухватился за веревку, которую он считал более

надежной. Только Эрик в последний момент полез в каюту; он не успел еще выполнить одного пункта программы – он не нашел своих ботинок!

Никто не стоял на корме, так как именно кормой плот должен был удариться о риф. Не были надежны и два прочных штага, которые шли от верхушки мачты к корме; если мачта рухнет, то те, кто будет держаться за них, окажутся висящими за плотом над рифом. Герман, Бенгт и Торстейн влезли на ящики, привязанные перед стеной каюты; Герман вцепился в оттяжки, шедшие от конька крыши, а двое других держались за свисающие с мачты шкоты, с помощью которых мы когда-то ставили парус. Кнут и я предпочли штаг, который шел от носа к верхушке мачты; если даже мачта, каюта и все остальное полетит за борт, думали мы, все-таки веревка, идущая от носа, останется на плоту, так как мы были обращены теперь носом к волнам.

Когда мы поняли, что находимся во власти волн, мы обрезали якорный канат, и нас понесло. Волна поднялась прямо под нами, и мы почувствовали, как «Кон-Тики» взлетает в воздух. Наступил решающий момент; мы мчались с захватывающей дух скоростью на гребне волны, и наше расшатанное судно скрипело и стонало, содрогаясь под ногами. От возбуждения в нас бурлила кровь. Я помню, что, не придумав ничего лучшего, я махал рукой и во все горло орал «ура». Это доставляло некоторое облегчение и, во всяком случае, не причиняло вреда. Мои товарищи, конечно, думали, что я сошел с ума, но и они все сияли восторженными улыбками. Мы продолжали нестись вперед с бешено мчавшейся волной; это было боевое крещение «Кон-Тики»; все должно быть в порядке и будет в порядке.

Но наше приподнятое настроение вскоре упало. Позади сверкающей стеной из зеленого стекла высоко поднялась новая волна; когда плот опускался, она уже накатывалась на нас, и в то самое мгновение, как я увидел ее высоко над собой, я почувствовал сильный удар, и потоки воды покрыли меня с головой. Я чувствовал, как все мое тело с такой огромной силой засасывает в водоворот, что вынужден был напрячь каждый мускул и все время думать об одном – держаться, держаться! Мне кажется, что в таком отчаянном положении скорей руки оторвутся от плеч, чем мозг даст команду разжать пальцы, хотя бы результат такого упорства представлялся совершенно очевидным. Затем я почувствовал, что гора воды стала уходить, и мое тело освободилось от дьявольской хватки. Когда вся гора с оглушительным ревом и грохотом пронеслась дальше, я снова увидел Кнута, который висел рядом со мной, вцепившись в веревку и скрючившись. Сзади большая волна казалась почти плоской и серой; мчась вперед, она перекатилась через конек крыши каюты, выступавший над водой; там мы увидели трех наших товарищей, которые висели, прижатые к крыше каюты прошедшей над ними волной.

Мы все еще держались на воде.

Я расслабил на одно мгновение мышцы, а затем снова обхватил руками и ногами крепкую веревку. Кнут соскользнул вниз и, прыгнув, как тигр, присоединился к тем, кто стоял на ящиках под защитой каюты. Я услышал их подбадривающие крики, но в тот же момент увидел новую зеленую стену, которая встала из океана и, высоко вздымаясь, двигалась на нас. Я предостерегающе закричал и, вися на веревке, сжался в возможно более маленький и твердый комок. А в следующую секунду над нами снова был ад, и «Кон-Тики» совершенно исчез под массой воды. Волна тащила и толкала меня, со всей своей силой обрушиваясь на несчастный маленький комок человеческого тела. Вторая волна промчалась над нами, а затем третья – такая же.

Тут я услышал торжествующий крик Кнута, который теперь висел на веревочной лестнице:

– Взгляните на плот, он держится!

После трех волн только двойная мачта и каюта чуть покосились. Снова нас охватило чувство торжества над стихиями, и возбуждение от победы придало нам новые силы.

Затем я увидел следующую волну, которая, вздымаясь выше всех остальных, двигалась на нас, и, снова криком предупредив остальных, поспешно взобрался как можно выше на штаг и крепко повис на нем. Затем меня отнесло куда-то в сторону, и я исчез среди зеленой

стены, которая высоко возвышалась над нами; товарищи; находившиеся дальше к корме и видевшие, как я исчез первым, определили высоту волны почти в восемь метров, а пенящийся гребень летел на пять метров выше той части водяной стены, в которой я исчез. Затем огромный вал настиг и их, и у всех нас была одна мысль – держаться, держаться, держаться!

На этот раз мы, должно быть, ударились о риф. Сам я чувствовал только, как изменилось натяжение штага, который, казалось, то резко изгибался, то вдруг ослабевал. Но, висая на нем, я не мог сказать, откуда доносился грохот ударов – сверху или снизу. Мы находились под водой лишь несколько секунд, но они потребовали от нас такой силы, какой в обычных условиях наше тело не обладает. В человеческом организме заключена сила, превышающая силу одних только мышц. Я решил, что если мне суждено умереть, то я умру в этом положении, повиснув узлом на штаге. Волна с грохотом налетела, пронеслась над нами и ушла, и когда ее рев слышался уже где-то рядом, мы увидели ужасное зрелище. «Кон-Тики» совершенно преобразился, как по мановению волшебной палочки. Того судна, которое мы знали в океане на протяжении недель и месяцев, больше не существовало; за несколько секунд наш уютный дом был разбит вдребезги, превратился в развалины.

На плоту я увидел только одного человека. Он лежал плашмя поперек конька крыши каюты, лицом вниз, вытянув руки в стороны, сама каюта была смята, как карточный домик, и сдвинулась к корме и правому борту. Этой неподвижной фигурой был Герман. Никаких других признаков жизни я не заметил, а горы воды продолжали с ревом мчаться рядом через риф. Тяжелая правая мачта была сломана, как спичка, и верхняя часть ее при падении продавila крышу каюты так, что теперь мачта со всеми снастями низко нависла над рифом с правой стороны. На корме рулевую колоду повернуло вдоль, а ронжину сломало; рулевое весло разбилось на куски. На носу фальшборт был сломан, как ящик из-под сигар, а вся палуба сорвана и, как мокрая бумага, прижата вместе с ящиками, бидонами, брезентами и другим грузом к передней стене каюты. Бамбуковые палки и обрывки веревок торчали повсюду, и все вместе производило впечатление полного хаоса.

Я весь похолодел от ужаса. Какой толк в том, что я выдержал? Если я потеряю хоть одного из товарищей здесь, у самой цели, все пойдет прахом; а сейчас, после последней схватки с волнами, я видел только одного человека. В это мгновение за бортом плота показалась скрюченная фигура Торстейна. Он висел, как обезьяна, на снастях мачты; ему удалось снова влезть на бревна и ползком взобраться на обломки, нагроможденные перед каютой. Теперь и Герман повернул голову и заставил себя улыбнуться, чтобы успокоить меня; но он не двигался. Я громко закричал в слабой надежде обнаружить местонахождение остальных и услышал спокойный голос Бенгта, который ответил, что вся команда на борту. Они лежали, держась за веревки, позади баррикады из упругого настила палубы, который переплелся самым причудливым образом.

Все это произошло в течение нескольких секунд, когда «Кон-Тики» обратным течением выносило назад из крошечного ада. Новая волна надвигалась на него. В последний раз я крикнул во все горло, стараясь перекрыть грохот: «Цепляйтесь!» – и это было все, что оставалось делать и мне; я повис на веревке и исчез под массой воды, которая нахлынула и пронеслась в течение двух-трех секунд, казавшихся бесконечными. Я чувствовал, что мои силы иссякают. Я видел, как концы бревен с шумом ударялись об острый уступ кораллового рифа, но не могли перебраться через него. Затем нас опять вынесло назад. Я видел также двух человек, которые лежали, распростершись поперек конька крыши, но никто из нас больше не улыбался. Я услышал, как позади хаотической груды бамбука спокойный голос произнес:

– Дело не пойдет.

Я и сам чувствовал себя обескураженным. Так как верхушки мачты все больше и больше наклонялась над правым бортом, я оказался висящим за плотом на слабо натянутой веревке. Надвигалась следующая волна. Когда она прошла, я почувствовал себя смертельно усталым, и у меня было одно желание: взобраться на бревна и улечься позади баррикады.

Когда обратная волна отступила, я в первый раз увидел обнажившийся зубчатый красный риф под нами и заметил, что Торстейн, согнувшись пополам, стоит на блестящих красных кораллах и держится за пучок оборванных веревок, свисавших с мачты. Кнут, который стоял на корме, собирался также спрыгнуть. Я закричал, что все должны оставаться на бревнах, и Торстейн, которого унесло за борт напором воды, с ловкостью кошки прыгнул обратно на плот.

Еще две или три волны прокатились над нами, но они были не такие сильные. Что тогда происходило, я не знаю; я помню только, что вода, пенясь, налетала и отступала, а я сам опускался все ниже и ниже к красному рифу, на котором мы засели. Затем до нас стали долетать только крутящиеся гребни пены, пропитанной солеными брызгами, и я оказался в состоянии взобраться на плот; там мы все перешли на кормовой конец бревен, который выше всего выступал над рифом.

В это мгновение Кнут согнулся и прыгнул на риф, держа в руке свободный конец веревки, которая лежала на корме. Пока обратная волна отступала, он пробежал, пригнувшись, около тридцати метров по рифу и спокойно стоял, держась за конец веревки, когда следующая волна с пеной устремилась к нему, разбилась и широким потоком отхлынула обратно от плоского рифа.

Затем из полуразрушенной каюты выполз Эрик, ботинки были на нем. Если бы все поступило, как он, мы отделались бы дешево. Так как каюту не унесло за борт, а она оказалась придавленной и почти расплющенной под закрывавшими ее сверху брезентами, Эрик спокойно лежал, вытянувшись среди груза; он слышал, как над ним то и дело грохотали оглушительные раскаты, и видел, как пригибались книзу смятые бамбуковые стены. Когда упала мачта, Бенгт получил легкое сотрясение мозга, но ему удалось вползти в разрушенную каюту и улечься рядом с Эриком. Нам всем следовало бы лежать там, если бы мы могли заранее знать, как крепко будут держаться бесчисленные веревки и бамбуковое плетение, прижатые к основным бревнам давлением воды.

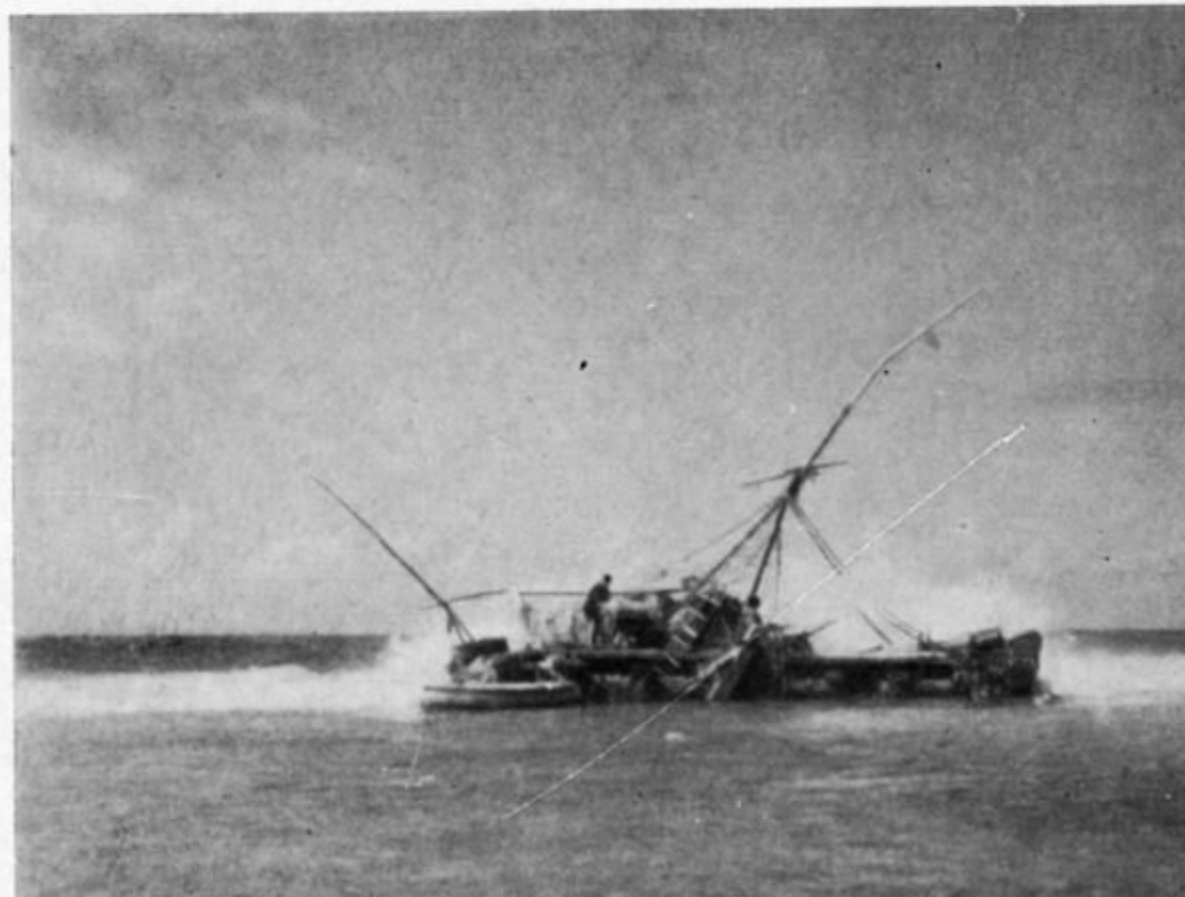
Эрик стоял наготове на кормовых бревнах, и, когда волна отхлынула, он подпрыгнул и также перебрался на риф. Следующая очередь была Германа, затем Бенгта. Каждый раз плот подталкивало чуть-чуть дальше, и, когда настала очередь Торстейна и моя, плот уже так прочно сидел на рифах, что не было необходимости покидать его. Все приступили к спасательным работам.

Мы теперь находились в двух десятках метров от того дьявольского уступа рифа, около которого и за которым разбивались катившиеся один за другим длинные валы бурунов. Коралловые полипы позаботились о том, чтобы построить атолл таким высоким, что лишь самые верхушки бурунов могли перелетать мимо нас и пополнять свежей морской водой лагуну, изобиловавшую рыбой. Здесь, с внутренней стороны рифа, было царство кораллов, и они отличались самой причудливой формой и окраской.

Плот несло на риф

Несколько суток «Кон-Тики» лежал на рифе. Волны подталкивали его все дальше на мель.

Отходя на порядочное расстояние вдоль рифа, мои товарищи обнаружили резиновый плот, который лежал, покачиваясь, наполненный водой. Они вылили из него воду и подтащили его обратно к разбитому плоту; тут мы до отказа нагрузили его самым необходимым – радиостанцией, продовольствием и бутылками с водой. Все это мы перетащили через риф и сложили в кучу на самую верхушку огромной коралловой глыбы, которая одиноко возвышалась на внутренней стороне рифа, напоминая огромный метеорит. Затем мы отправились обратно к месту крушения за новым грузом. Разве могли мы знать, какой вышины достигнут волны, когда на нас устремятся приливные течения?

На мелководье с внутренней стороны рифа мы замечали какой-то предмет, ярко блестящий на солнце. Когда мы вброд подошли, чтобы поднять его, мы увидели, к нашему удивлению, две пустые консервные банки. Это оказалось не совсем то, на что мы надеялись; еще больше мы поразились, когда увидели, что маленькие банки были совершенно светлые и лишь недавно открыты, а этикетки на них с надписью «ананас» были в точности такие, как на банках из новых полевых рационов, которые мы сами испытывали по поручению интендантского управления. Конечно, это были наши собственные банки из-под ананасов, выброшенные после последней трапезы на борту «Кон-Тики». Мы все время плыли вслед за ними до самого рифа.

Мы стояли на острых шероховатых коралловых глыбах и, ступая по неровному дну, брели в воде то по щиколотку, то по грудь – в зависимости от глубины русел и каналов среди рифов. Анемоны и кораллы придавали всему рифу вид какого-то скалистого сада с мхами, кактусами и окаменелыми растениями, красными, зелеными, желтыми и белыми. Все цвета были здесь представлены либо кораллами, либо водорослями, либо раковинами и морскими моллюсками, либо фантастическими рыбами, которые извивались повсюду вокруг нас. В более глубоких каналах в прозрачной воде мы видели небольших акул длиной в метр с лишним, подкрадывавшихся к нам. Но стоило шлепнуть по воде ладонью, как они поворачивали в сторону и отплывали на почтительное расстояние.

Там, где мы были выброшены на риф, нас окружали лишь лужи воды с кое-где выступавшими островками влажных кораллов, а дальше простиралась спокойная синяя лагуна. Шел отлив, и все новые коралловые островки выступали из воды, а прибой, беспрерывно грохотавший вдоль рифа, стал ниже, как бы опустившись на один этаж. Что произойдет здесь, на узком рифе, когда начнется прилив, трудно было сказать. Нам надо уходить.

Риф, напоминая наполовину погруженную в воду крепостную стену, тянулся к северу и к югу от нас. У южного края виднелся длинный остров, густо поросший лесом из пальм. А к северу, вблизи от нас, на расстоянии 600–700 метров находился другой, но значительно меньший остров, также поросший пальмами. Он лежал с внутренней стороны рифа; верхушки пальм поднимались к небу, а белоснежные песчаные пляжи спускались к тихой лагуне. Весь островок походил на огромную зеленую корзину цветов или на миниатюрный рай. На этом острове мы и остановили свой выбор.

Герман стоял рядом со мной, и широкая улыбка сияла на его бородатом лице. Он не произнес ни слова, только протянул руку и тихо засмеялся. «Кон-Тики» все еще сидел на наружной стороне рифа, и брызги прибоя перелетали через него. Он был инвалидом, но почетным инвалидом. На палубе все было исковеркано, но девять бальсовых бревен из киведских джунглей в Эквадоре были по-прежнему совершенно целы. Они спасли нам жизнь. Океан поживился немногим из нашего груза, а то, что мы сложили внутри каюты, осталось в полной сохранности. Мы сами сняли с плота все, что представляло какую-нибудь ценность, и теперь наше имущество лежало в безопасности на вершине огромной накаленной солнцем скалы на внутренней стороне рифа.

С тех пор как я спрыгнул с плота, мне поистине не хватало наших лоцманов, которые раньше скользили в воде впереди нас. Теперь большие бальсовые бревна лежали поверх рифа, погруженные в воду на каких-нибудь 15 сантиметров, и под носом плота извивались

коричневые морские моллюски. Лоцманы исчезли. Золотые макрели исчезли. Лишь неизвестные плоские рыбы с павлиньей окраской и тупым хвостом деловито скользили взад и вперед между бревнами. Мы прибыли в новый мир. Юханнес покинул свою дыру. Он, без сомнения, нашел здесь другое убежище.

Я в последний раз осмотрелся на плоту и заметил крошечную пальму в сплющенной корзине. Из глазка кокосового ореха выступал стебель длиной в 45 сантиметров, а снизу торчали два корня. Я зашагал вброд к острову, держа в руке этот орех. За несколько шагов впереди от себя я увидел Кнута, который весело брел по воде к берегу, держа под мышкой модель плота; он смастерил ее во время путешествия, затратив немало времени. Вскоре мы обогнали Бенгта. Он был превосходный экономайстер. С шишкой на лбу, с мокрой бородой, с которой капала морская вода, он шел согнувшись и подталкивал ящик, который принимался танцевать перед ним всякий раз, как в лагуну попадал поток воды от разбившихся у наружной стороны рифа бурунов. Он гордо приоткрыл крышку ящика. Это был кухонный ящик, а в нем примус и кухонные принадлежности в полном порядке.

Я никогда не забуду этого перехода по рифам к чудесному острову, поросшему пальмами, который становился все больше по мере того, как мы приближались к нему. Когда я добрался до солнечного песчаного берега, я сбросил ботинки и шел, зарываясь пальцами ног в теплый, абсолютно сухой песок. Мне как бы доставлял наслаждение вид каждого следа, оставшегося на девственном песчаном берегу, уходившем вверх к пальмовой роще. Вскоре кроны пальм сомкнулись над моей головой, а я все шел вперед к центру крошечного острова. Зеленые кокосовые орехи висели под макушками пальм, а какие-то пышные кусты были густо усеяны белоснежными цветами, которые пахли так сладко и упоительно, что у меня стала кружиться голова. Две совершенно ручные крачки порхали над моими плечами. Они были такие белые и легкие, что напоминали крохотные вытянутые облачка. Маленькие ящерицы выскальзывали из-под ног; самыми главными обитателями острова были большие кроваво-красные раки-отшельники, медленно ползавшие во всех направлениях с украденными раковинами улиток величиной с яйцо, в которых была спрятана их мягкая задняя половина тела.

Я был совершенно потрясен. Я стал на колени и запустил пальцы глубоко в сухой теплый песок.

Путешествие окончилось. Мы все были живы. Мы высадились на маленький необитаемый остров Южного моря. И что за остров! Торстейн подошел ко мне, сбросил мешок, растянулся на песке и, лежа на спине, смотрел на верхушки пальм и на легких, как пушинки, белых птиц, которые бесшумно кружились над нами. Вскоре мы все шестеро лежали здесь. Герман, всегда полный энергии, вскарабкался на небольшую пальму и сбросил гроздь зеленых кокосовых орехов. Нашими ножами-мачете мы срезали их мягкие верхушки, как будто это были яйца, и, запрокинув головы, стали пить самый восхитительный в мире освежающий напиток – сладкое холодное молоко молодого, незрелого плода кокосовой пальмы. С наружной стороны рифа снова доносился монотонный барабанный бой стражи, охранявшей «ворота рая».

– В чистилище было несколько сыровато, – сказал Бенгт, – но рай примерно таков, каким я его себе представлял.

Мы блаженно растянулись на земле и улыбались белым пассатным облакам, проплывавшим на запад высоко над вершинами пальм. Теперь мы больше не следовали беспомощно за облаками; теперь мы лежали на твердой земле неподвижного острова, в настоящей Полинезии.

И пока мы лежали, растянувшись, буруны у рифа грохотали, как поезд, – туда и сюда, туда и сюда, вдоль всего горизонта.

Бенгт был прав: мы попали в рай.

Глава 8 СРЕДИ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Немножко робинзоны. – Мы боимся, что нас начнут искать. – Все в порядке, «Кон-Тики»! – Остатки еще одного кораблекрушения. – Небитаемые острова. – Сражение с морскими угрями. – Полинезийцы находят нас. – Духи на рифе. – Посол к вождю. – Вождь навещает нас. – «Кон-Тики» опознан. – Высокий прилив. – Путешествие нашего судна по суше. – Вчетвером на острове. – Островитяне приезжают за нами. – Прием в деревне. – Предки из страны, где восходит солнце. – Полинезийские пляски. – Лечение по эфиру. – Мы получаем королевские имена. – Еще одно кораблекрушение. – «Тамара» спасает «Маоае». – На Таити. – Встреча на набережной. – Нас принимают с почетом. – Шесть венков.

Наш островок был необитаемым. Скоро мы уже знали каждую купу пальм и каждый участок берега, так как остров имел в поперечнике около 200 метров. Самая высокая точка лежала меньше чем на два метра над уровнем лагуны.

Над нашими головами на верхушках пальм висели большие гроздья зеленых кокосовых орехов, толстая скорлупа которых предохраняла содержащееся внутри холодное молоко от тропического солнца, так что в течение первых недель мы не будем испытывать жажды. Имелись также спелые кокосовые орехи, полчища раков-отшельников, а в лагуне – рыба всевозможных сортов; у нас ни в чем не будет недостатка.

На северном берегу острова мы нашли остатки старого некрашеного деревянного креста, наполовину засыпанного коралловым песком. Отсюда, если смотреть в северном направлении вдоль рифа, можно было различить разбитый остов судна, который мы впервые увидели с более близкого расстояния, когда нас пронесло мимо него. Еще дальше к северу в синеватой дымке виднелись верхушки пальм другого маленького острова. Значительно ближе было до густо поросшего деревьями острова, который находился на юге. Ни на одном из этих островов мы не замечали признаков жизни, но пока что у нас были другие заботы.

Робинзон Хессельберг в большой соломенной шляпе подошел прихрамывая; он принес целую кучу расползавшихся раков-отшельников. Кнут зажег костер из валежника, и вскоре мы ели раков, а на сладкое пили какао с кокосовым молоком.

– Как хорошо чувствуешь себя на берегу, не правда ли, ребята? – восхищенно сказал Кнут.

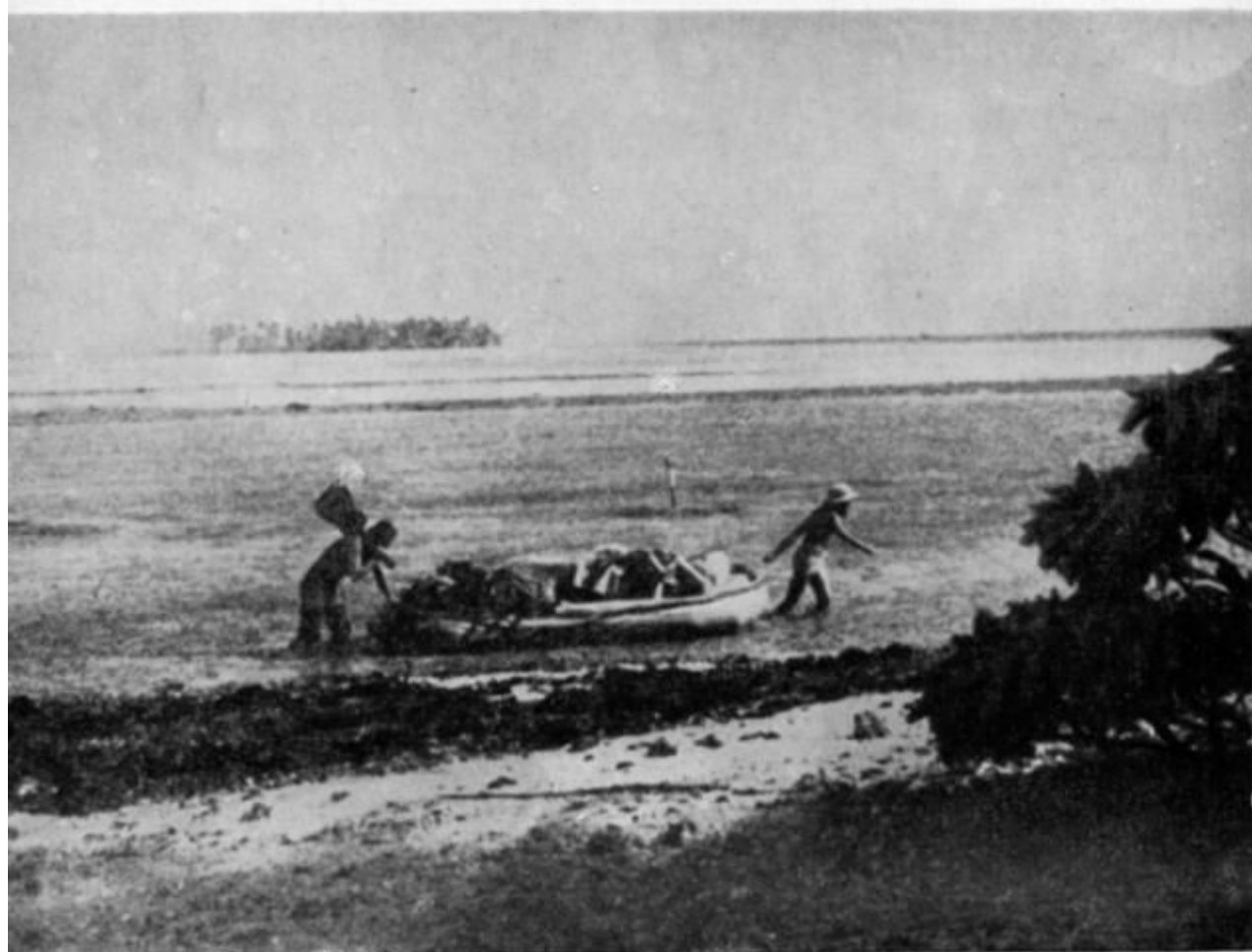
Он уже раз испытал во время путешествия это ощущение. При этих словах он споткнулся и вылил полчайника кипятку на голые ноги Бенгта. Мы все не очень твердо стояли на ногах в этот первый день пребывания на берегу после 101 дня, проведенного на плоту; иногда среди пальмовых стволов нас вдруг пошатывало, так как мы отставляли ногу, чтобы встретить волну, которая не приходила.

Когда Бенгт вручил нам наши обеденные приборы, Эрик широко улыбнулся. Я вспомнил, что по окончании последней трапезы на плоту я, как обычно, перегнулся через борт и вымыл посуду, между тем как Эрик, взглянув на риф, сказал: «Сегодня, пожалуй, я не

стану утруждать себя мытьем». Когда он увидел свою посуду в кухонном ящике, она была такая же чистая, как моя.

После еды мы всласть повалялись на земле, а затем принялись за сборку намокшей радиостанции; это надо было сделать побыстрее, чтобы Торстейн и Кнут смогли вступить в эфир прежде, чем человек с Раротонги передаст сообщение о нашем печальном конце.

Большая часть нашего радиооборудования была уже принесена на берег; среди предметов, нагроможденных на рифе, Бенгт нашел ящик и ухватился за него. Тотчас же он высоко подпрыгнул от удара электрического тока; можно было не сомневаться, что содержимое ящика имело отношение к радиотехнике. Пока наши радисты развинчивали, соединяли и собирали аппаратуру, остальные взялись за разбивку лагеря.

Вверху: хаос на палубе после того, как плот был выброшен на риф. Внизу: мы перетаскивали имущество на резиновой лодке.

Около места, где нас выбросило на риф, мы нашли тяжелый, пропитанный водой парус и притащили его на берег. Мы натянули парус между двумя толстыми пальмами на маленькой лужайке, с которой открывался вид на лагуну; два других угла мы укрепили на бамбуковых жердях, приплывших с места крушения. Густая изгородь из буйно цветущих кустов подпирала парус, так что у нас была крыша и три стены; перед нашим взором расстилалась сверкающая лагуна, а воздух вокруг нас был полон вкрадчивого аромата цветов. Приятно было очутиться здесь. Мы все удовлетворенно посмеивались и наслаждались покоем; каждый устроил себе постель из свежих пальмовых листьев, предварительно убрав обломки ветвей кораллов, которые совершенно некстати торчали из песка. До наступления ночи мы приготовили очень удобное место для сна, а у себя над головой мы видели бородатое лицо доброго старого Кон-Тики. Он больше не выпячивал свою грудь под напором восточного ветра. Теперь он неподвижно лежал на спине и смотрел на звезды, которые мерцали над Полинезией.

На кустах вокруг нас висели мокрые флаги и спальные мешки, а намокшая одежда лежала и сохла на песке. Еще один день на этом солнечном острове, и все хорошенько высохнет. Даже радистам пришлось прекратить свою работу в ожидании, что на следующий день солнце высушит их аппаратуру. Мы сняли с кустов спальные мешки и залезли в них, хвастливо споря о том, у кого самый сухой мешок. Победителем был признан Бенгт: когда он повернулся, его мешок не захлопал. Силы небесные, до чего хорошо было иметь возможность заснуть!

Когда мы проснулись на заре, парус оказался провисшим и наполненным чистой прозрачной дождевой водой. Бенгт позаботился об этом неожиданном даре, а затем не спеша спустился к лагуне и выбросил на берег несколько забавных рыб, которых он заманил в каналы, прорытые им в песке.

Ночью у Германа разболелась шея и спина в тех местах, которые он повредил себе перед отплытием из Лимы, а у Эрика был приступ давно не повторявшегося прострела. В остальном наша прогулка через риф имела удивительно легкие последствия: мы отделались царапинами и незначительными ранами, только Бенгт, которого упавшая мачта ударила по лбу, получил легкое сотрясение. Самый забавный вид был у меня: руки и ноги были покрыты иссиня-черными синяками – с такой силой я сжимал ими веревку.

Ни один из нас, впрочем, не чувствовал себя настолько плохо, чтобы вид сверкающей прозрачной лагуны не соблазнил его наскоро выкупаться перед завтраком. Лагуна была огромна. Вдали она была синяя и от пассата покрывалась рябью; и она была так широка, что мы едва могли различить ряд окутанных голубой дымкой, поросших пальмами островов, которые окаймляли атолл с противоположной стороны. Но здесь, на подветренной стороне островов, пассат мирно шелестел в перистых листьях пальм, которые слегка покачивались, а лагуна лежала внизу, как неподвижное зеркало, и отражала всю их красоту. Горько-соленая вода была чистой и прозрачной; ярко окрашенные кораллы на глубине почти трех метров казались лежащими так близко к поверхности, что мы боялись порезать себе о них ноги при купанье. В воде кишели чудеснейшие разновидности рыб самой разнообразной окраски.

Перед нами раскрывался изумительный мир, полный развлечений. Вода была в меру прохладна, чтобы освежать, а воздух сух и нагрет солнцем до приятной теплоты. Но сегодня нужно было скорей вылезать на берег: Раротонга передаст тревожные сообщения, если до конца дня с плота не поступит никаких известий.

Катушки и другие детали радиопередатчика были разложены на совершенно сухих коралловых плитах и сохли на тропическом солнце, а Торстейн и Кнут соединяли и завинчивали. Прошло все утро, и обстановка становилась все более и более напряженной. Мы забросили все остальные дела и окружили наших радистов в надежде, что сумеем им чем-нибудь помочь. Мы должны быть в эфире до десяти часов вечера. К этому времени истечет тридцатичасовой срок, и радиолюбитель с Раротонги передаст призывы о высылке самолета и спасательных экспедиций.

Настал полдень, затем вечер, и солнце зашло. Хватило бы только выдержки у человека на Раротонге! Семь часов, восемь, девять. Напряжение достигло предела. Ни признака жизни в передатчике, но приемник NC-173 стал оживать у самого основания шкалы, где слабо звучала какая-то музыка. Но на любительском диапазоне ничего не было слышно. Постепенно, однако, звуки начали пробиваться – вероятно, все зависело от сырой обмотки, которая просыхала с одного конца. Передатчик все еще был мертв – повсюду короткие замыкания и искры.

Оставалось меньше часа. Ничего не выйдет! Передатчик вышел из строя, и мы решили снова испробовать маленький подпольный передатчик, которым пользовались во время войны. Несколько попыток мы уже делали в течение дня, но безрезультатно. Может быть, он теперь немного подсох? Все батареи были совершенно испорчены, и для получения тока нам приходилось крутить маленькую ручную динамку. Это была нелегкая работа, и мы четверо, профаны в радиотехнике, в течение всего дня сидели и крутили эту адскую штуку.

Тридцать шесть часов должны были скоро истечь. Я помню, как кто-то шептал: «семь минут», «пять минут», и затем больше никто не смотрел на часы. Передатчик был по-прежнему нем, но приемник что-то бормотал уже близко к нужной нам волне. Вдруг он затрещал на волне любителя с Раротонги, и мы решили, что он ведет разговор с радиостанцией на Таити. Вскоре мы уловили следующий отрывок радиограммы, переданной с Раротонги:

«...ни одного самолета по эту сторону островов Самоа. Я совершенно уверен...»

Затем все снова затихло. Напряжение стало невыносимым. Что они там затевают? Неужели они уже посылают самолет и спасательные экспедиции? Теперь, без сомнения, сообщения о нас разносятся по эфиру во все стороны.

Оба радиста продолжали лихорадочно работать. С их лиц стекал такой же обильный пот, как и с лица того, кто крутил рукоятку динамики. Электрические колебания постепенно стали появляться в контуре антенны передатчика, и Торстейн в экстазе указывал на стрелку, медленно подымавшуюся по шкале, когда он нажимал ключ Морзе. Дело шло на лад!

Мы, как безумные, крутили рукоятку, а Торстейн вызывал Раротонгу. Никто не слышал нас. Еще раз. Теперь опять пробудился приемник, но Раротонга нас не слышала. Мы вызывали Гала и Френка в Лос-Анжелосе и морское училище в Лиме, но никто не слышал нас.

Тогда Торстейн послал сигнал CQ: иначе говоря, он вызывал все станции в мире, которые могли услышать нас на нашей любительской короткой волне.

Это дало некоторый результат. Теперь чей-то слабый голос из эфира стал тихо вызывать нас. Мы повторили сигнал и сказали, что слышим его. Тогда тихий голос из эфира произнес:

– Меня зовут Поль, я живу в Колорадо; как вас зовут и где вы живете?

Это был какой-то радиолюбитель. Мы продолжали крутить ручку, а Торстейн схватил ключ и ответил:

– Это «Кон-Тики», нас выбросило на необитаемый остров в Тихом океане.

Поль совершенно не поверил этому сообщению. Он думал, что какой-то коротковолновик из соседнего квартала разыгрывает его, и больше не появлялся в эфире. В отчаянии мы рвали на себе волосы. Вот мы сидим здесь, под пальмами, звездной ночью на необитаемом острове, и никто не верит нашим словам.

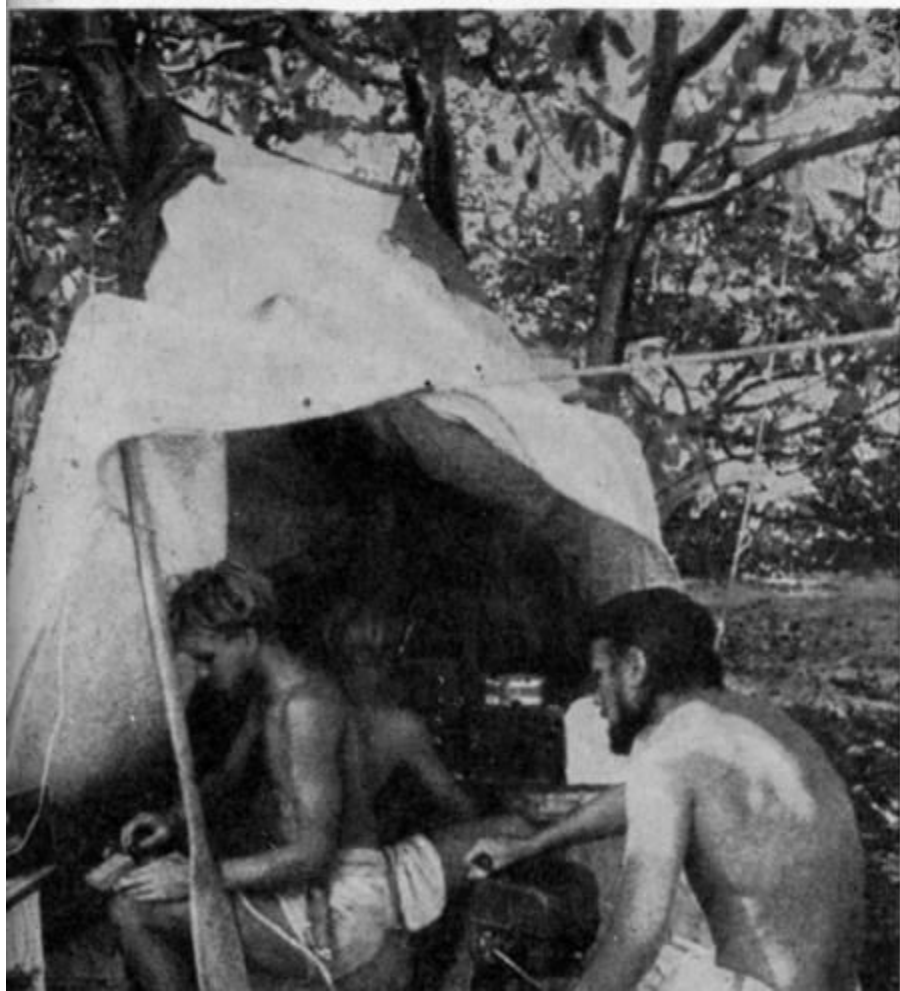
Торстейн не сдавался; он снова взялся за ключ и непрерывно передавал: «Все в порядке, все в порядке, все в порядке». Мы во что бы то ни стало должны приостановить подготовку всех этих спасательных экспедиций в разных концах Тихого океана.

Вдруг мы услышали в приемнике, как кто-то довольно тихо спросил:

– Если все в порядке, то зачем волноваться?

Под прикрытием кораллового рифа в лагуне лежал необитаемый островок. Он стал нашим новым домом.

«Все в порядке, все в порядке», — передавали час за часом в эфир Робю и Хаугланд, чтобы предотвратить розыски. «Если все в порядке, то зачем волновать»

Затем эфир снова умолк. И это было все.

В полном отчаянии мы готовы были подпрыгнуть до верхушек пальм и стрясти с них все кокосовые орехи, и трудно сказать, что мы предприняли бы, если бы внезапно нас не услышали сразу и Раротонга и старина Гал. По словам Гала, он плакал от радости, услышав снова позывные L12B. Вся шумиха немедленно прекратилась; мы опять были одни, и никто нас не тревожил на нашем острове Южного моря. Совершенно измученные, мы улеглись спать на наши постели из пальмовых листьев.

На следующий день мы никуда не торопились и в полную меру наслаждались жизнью. Одни купались, другие рыбачили или бродили по рифу в поисках любопытных морских животных; самые энергичные приводили в порядок лагерь и украшали его окрестности. На берегу, откуда виден был «Кон-Тики», на опушке пальмовой рощи мы выкопали яму, выложили ее листьями и посадили проросший кокосовый орех, привезенный из Перу. Рядом, как раз напротив того места, где «Кон-Тики» наскочил на риф, мы построили пирамиду из коралловых глыб.

За ночь прибой продвинул «Кон-Тики» еще ближе к лагуне, и теперь, окруженный лишь несколькими лужами, он лежал почти целиком над водой, среди больших коралловых глыб далеко от наружного края рифа.

Прогревшись как следует в горячем песке, Эрик и Герман чувствовали себя гораздо лучше и захотели отправиться вдоль рифа на юг в надежде, что им удастся перебраться на большой остров, находившийся в той стороне. Я предупредил, чтобы они остерегались акул, а еще больше угрей³⁹, и они захватили с собой длинные ножи-мачете, засунув их за пояс.

Коралловые рифы являются убежищем страшных угрей с длинными ядовитыми зубами, которыми они легко могут оторвать человеку ногу. При нападении они двигаются, извиваясь с молниеносной быстротой, и внушают панический ужас местным жителям, которые не боятся плавать рядом с акулой.

Эрик и Герман прошли вброд значительное расстояние по рифу на юг, но местами попадались более глубокие русла, по которым вода шла в этом направлении, и тогда им приходилось прыгать в воду и плыть. Они благополучно достигли большого острова и вброд перешли на берег. Длинный и узкий остров, покрытый пальмовым лесом, уходил дальше на юг; его солнечные пляжи были защищены от ветра рифом. Эрик и Герман продолжали идти вдоль острова, пока не достигли южной оконечности. Отсюда риф, покрытый белой пеной, шел дальше на юг к другим островам. Здесь наши исследователи нашли разбитый остов большого корабля; у него было четыре мачты, и он лежал на берегу, разделенный на две части. Эта был старый испанский парусник, груженный рельсами, и ржавые рельсы были разбросаны вдоль рифа. Эрик и Герман вернулись по другой стороне острова, но ни одного следа на песке им обнаружить не удалось.

На обратном пути через риф они то и дело вспугивали каких-то странных рыб и пытались поймать некоторых из них; внезапно на них напало не меньше восьми крупных угрей. Эрик и Герман увидели в прозрачной воде, как те приближались, и вскочили на большую коралловую глыбу; угри стали извиваться вокруг нее. Скользкие чудовища толщиной с мужскую голень были усеяны зелеными и черными пятнами, напоминая ядовитых змей; на маленькой голове блестели злые змеиные глаза, а зубы, острые, как шило, имели в длину два-три сантиметра. Когда маленькие покачивавшиеся головки, извиваясь, приблизились, Эрик и Герман взмахнули ножами; голова одного угря была отрублена, другой был ранен. Кровь в воде привлекла целую стаю молодых голубых акул, которые набросились на мертвого и раненого угрей, а Эрику и Герману удалось перепрыгнуть на другую коралловую глыбу и уйти.

В этот же день я шел вброд к нашему острову, как вдруг кто-то молниеносным движением вцепился с обеих сторон в мою лодыжку и крепко повис на ней. Это оказался осьминог. Он был не крупный, но трудно передать то ужасное ощущение, которое я испытывал, когда холодные щупальца обвили мою ногу и на меня смотрели злобные маленькие глаза, торчавшие на багрово-красном слизистом мешке, представлявшем собой тело осьминога. Я изо всех сил дрыгнул ногой, и осьминог, который не имел в длину и метра, последовал за ней, но щупалец не разжал. По-видимому, его привлекала повязка на моей ноге. Я рывками двигался к берегу с прицепившимся к ноге отвратительным созданием. Лишь тогда, когда я достиг края сухого песка, осьминог отпустил меня и стал медленно отступать по мелководью; его щупальца были вытянуты в направлении берега, и он не спускал с него глаз, как бы готовый к новому нападению, если я того пожелаю. Когда я бросил в осьминога несколько крупных кусков коралла, он поспешно скрылся.

Разнообразные приключения среди рифов придавали только пикантность нашему блаженному существованию на островке. Но мы не собирались провести там всю свою

³⁹ Морские угри – рыбы из отряда угреобразных; достигают длины 2–3 метров и 65 килограммов веса. Прожорливые хищники. Водятся в тропических и умеренных водах Индийского, Атлантического и Тихого океанов.

жизнь, и пора было подумать, как вернуться в обычный мир. По истечении недели «Кон-Тики» пробил себе дорогу до середины кораллового барьера, где теперь лежал, прочно застряв на обнаженных рифах. Большие бревна, стараясь проложить себе путь вперед к лагуне, растолкали и обломали крупные глыбы коралла, но теперь деревянный плот засел недвижимо, и сколько мы его ни тащили и ни толкали, все было бесполезно. Если бы нам только удалось спустить разбитый плот в лагуну, мы могли бы, во всяком случае, срastить мачту и оснастить его достаточно для того, чтобы, плывя по ветру, пересечь мирную лагуну и посмотреть что окажется по ту сторону ее. Если какой-нибудь из островов был населен, то скорее всего тот, который находился далеко на горизонте к западу, где атолл изгибается к подветренной стороне.

Шли дни.

И вот однажды утром кто-то из наших прибежал сломя голову и сообщил, что видел белый парус на лагуне. С более возвышенного места у опушки пальмовой рощи мы могли различить крохотное белое пятнышко, которое отчетливо выделялось на фоне опалово-синей лагуны. Совершенно очевидно, это была парусная лодка, только что отплывшая от противоположного берега. Мы видели, как она повернула на другой галс. Вскоре показался еще один парус.

В течение всего утра они постепенно приближались и увеличивались в размере. Они шли прямо к нам. Мы подняли на верхушку пальмы французский флаг и размахивали нашим норвежским флагом, привязанным к шесту. Один парус находился уже так близко, что мы могли различить под ним полинезийскую пирогу с балансиром. Оснастка ее была более современного типа. Две коричневые фигуры стояли в пироге и смотрели на нас. Мы замахали руками. Они помахали в ответ и подплыли прямо к берегу по мелководью.

– Иа ора на, – приветствовали мы их на полинезийском языке.

– Иа ора на! – хором крикнули они в ответ, и один выпрыгнул из пироги и потащил ее за собой, идя в воде по песчаному дну прямо к нам.

Оба гостя были в европейской одежде, но их хорошо сложенные тела были коричневыми. Ноги у них были голые, а на голове для защиты от солнца они носили самодельные соломенные шляпы. Полинезийцы добрались до берега и несколько неуверенно стали приближаться к нам; но когда мы все до очереди, улыбаясь, пожали им руки, они засияли широкими улыбками, обнажив два ряда ослепительно белых зубов; эти улыбки говорили больше, чем слова.

Наше приветствие на полинезийском языке удивило и приободрило наших гостей, введя их в такое же заблуждение, в каком оказались мы сами, когда их соплеменник с Ангатау кричал нам по-английски «добрый вечер». Они принялись что-то быстро и горячо рассказывать нам по-полинезийски, и прошло немало времени, прежде чем они поняли, что их излияния совершенно не достигают цели. Тогда они умолкли и лишь дружелюбно посмеивались, указывая на другую пирогу, которая теперь приближалась.

В ней было три человека, и когда они вброд достигли берега и поздоровались с нами, то оказалось, что один из них немного говорит по-французски. Мы узнали, что на одном из островов по ту сторону лагуны находится полинезийская деревня и что жители ее как-то видели ночью наш костер. В рифе Пароиа имеется всего один-единственный проход, ведущий к островам, которые окружают лагуну; и так как этот проход расположен у самой деревни, то всякого, кто приблизится к островам, лежащим за рифом, жители деревни должны были бы обязательно заметить. Поэтому старики в деревне пришли к заключению, что огонь, который они видели на рифе к востоку, не мог быть делом человеческих рук, а являлся чем-то сверхъестественным. Это лишило островитян всякого желания переплыть лагуну и самим посмотреть, что произошло. Но затем к их острову прибило приплывший по лагуне сломанный ящик, и на нем были нарисованы какие-то знаки. Двое из островитян, которые побывали на Таити и знали азбуку, разобрали надпись и прочли слово «Тики», написанное большими черными буквами на доске. Теперь больше не оставалось никаких сомнений, что на рифе появились духи, так как Тики, – они все знали это, – был

давным-давно умерший родоначальник их собственного народа. Но через некоторое время по лагуне приплыли банки с сухарями, сигаретами, кокосовые орехи и коробка со старым ботинком; тогда они все поняли, что на восточной стороне рифа произошло кораблекрушение, и вождь отправил две пироги на поиски уцелевших людей, чей костер на острове они видели.

По настоянию своих товарищей островитянин, говоривший по-французски, спросил, почему на доске, которая приплыла по лагуне, было написано «Тики». Мы объяснили, что «Кон-Тики» было написано на всем нашем снаряжении и что это название судна, на котором мы приплыли.

Наши новые друзья громкими восклицаниями выражали свое изумление, когда услышали, что никто не погиб при кораблекрушении и что плоский разбитый остов, лежавший на рифе, был действительно тем судном, на котором мы прибыли. Они хотели сразу же посадить нас всех в пироги и доставить в деревню. Мы поблагодарили и отказались, так как хотели остаться до тех пор, пока не снимем «Кон-Тики» с рифа. Они с ужасом смотрели на неуклюжее сооружение, застрявшее на рифе; конечно, мы не должны и мечтать о том, что нам удастся снова спустить на воду этот исковерканный остов! В конце концов посланец решительно заявил, что мы должны отправиться с ними; вождь дал им строгий приказ без нас не возвращаться.

Тогда мы решили, что один из нас поедет с островитянами в качестве посла для переговоров с вождем, а затем вернется и расскажет нам, какова обстановка на том острове.

Мы не бросим плота на рифе и не можем оставить все снаряжение на нашем маленьком острове. Бенгт отправился с островитянами. Обе пироги столкнули с песчаного берега, и вскоре они, подгоняемые свежим ветром, исчезли на западе.

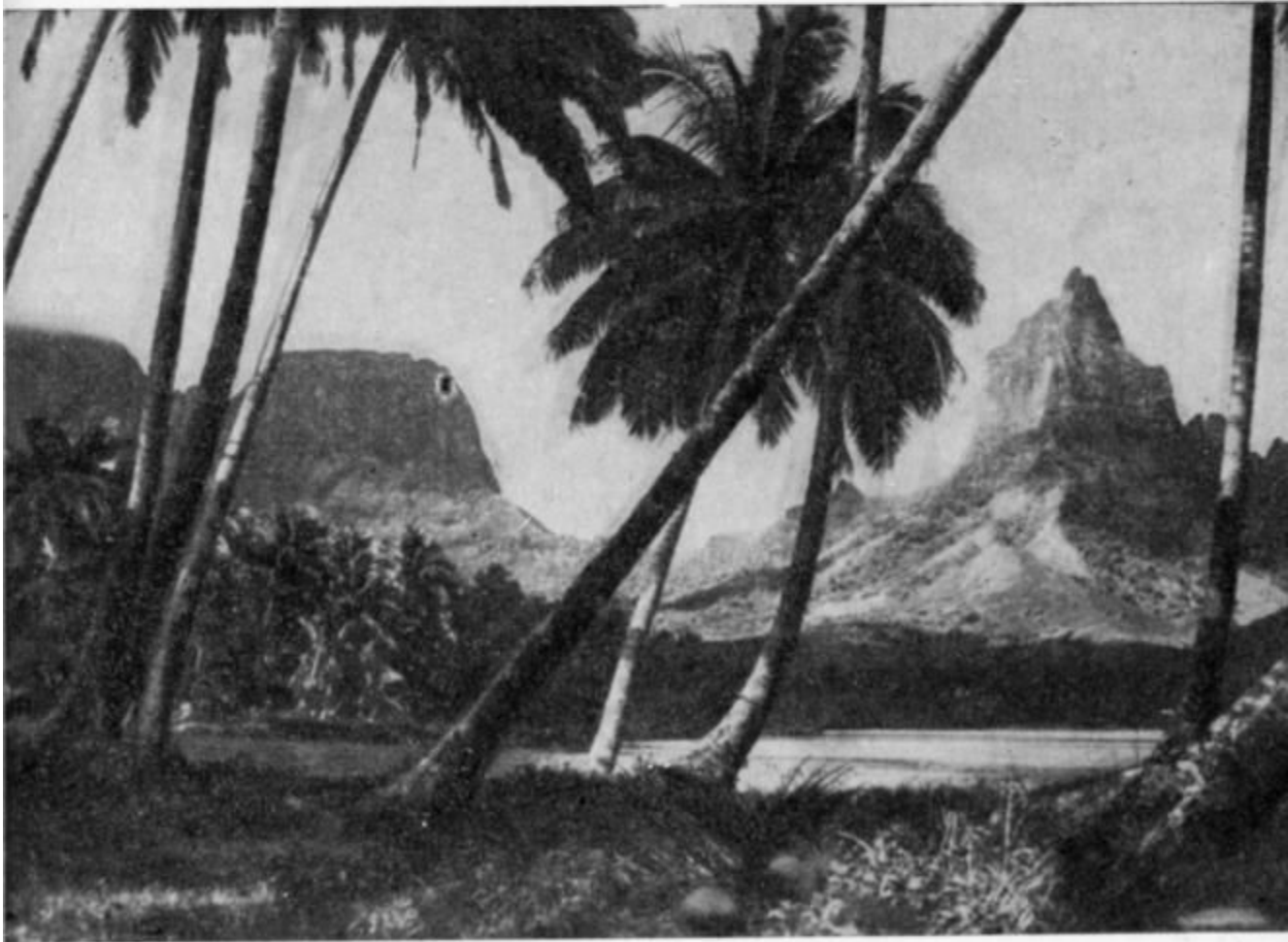
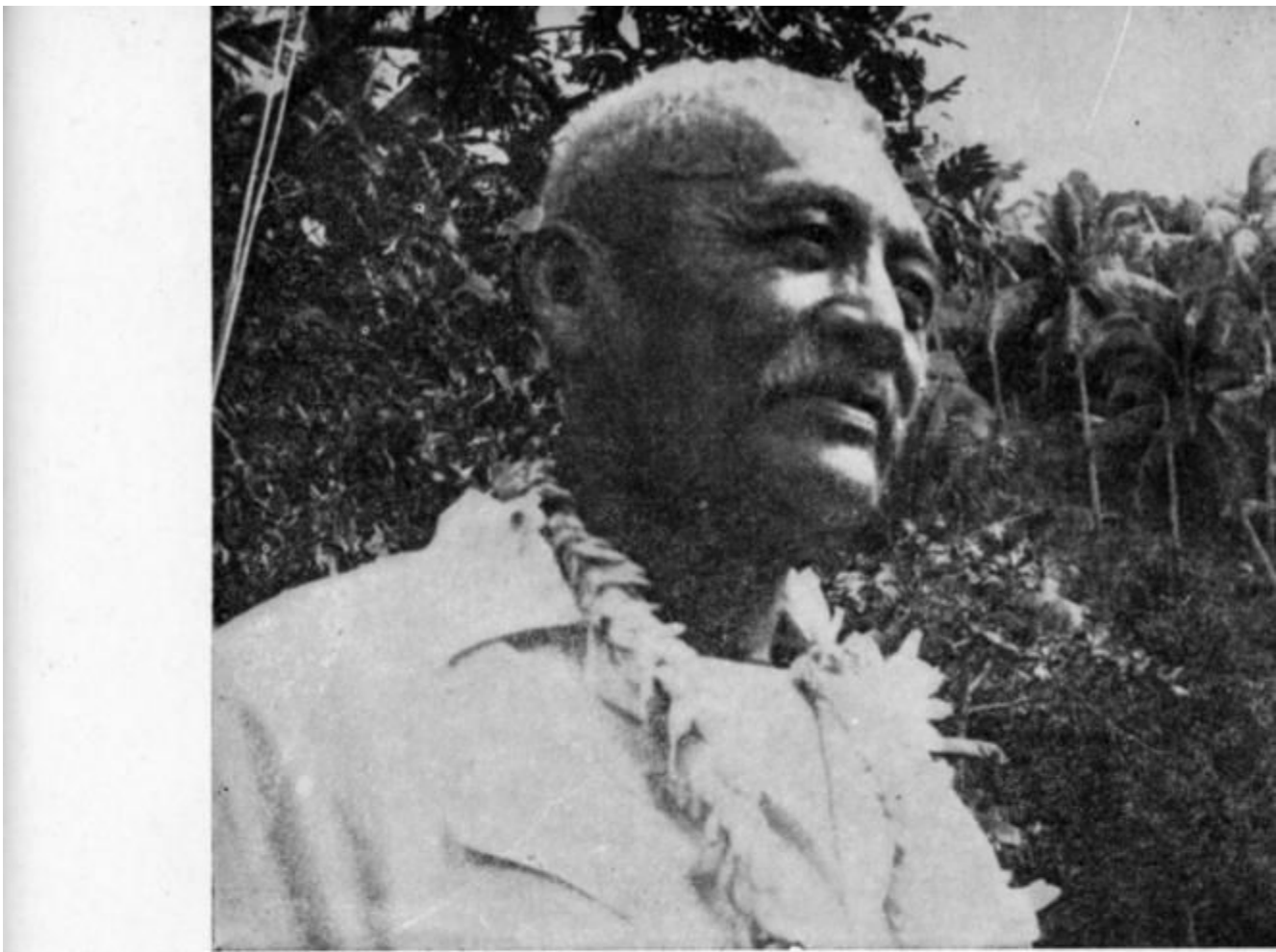
На следующий день на горизонте показались бесчисленные белые паруса. Казалось, теперь островитяне явились за нами на всех судах, какие у них были.

Вся флотилия повернула в нашу сторону, и когда она приблизилась, мы увидели на передней пироге среди коричневых фигур старину Бенгта, который размахивал шляпой. Он крикнул нам, что с ним находится сам вождь, и мы почтительно выстроились на берегу, чтобы встретить подходивших вброд гостей.

Бенгт очень торжественно представил нас вождю.

– Вождя зовут, – сказал Бенгт, – Тепиураиарии Териифаатау, но он поймет, кого мы имеем в виду, если мы будем называть его Тека.

Мы и стали называть его Тека.

Вождь Тека был высокий стройный полинезиец с глазами, говорившими о недюжинном уме. Он был знатным человеком, потомком старого королевского рода на Таити и являлся вождем обоих островов: и Рароиа и Такуме. Он учился в школе на Таити, знал французский язык и умел читать и писать. Он сказал мне, что столица Норвегии называется Христиания⁴⁰, и спросил, не знаю ли я Бинга Кросби⁴¹. Он сообщил нам также, что в течение последних десяти лет всего три иностранных судна заходили на Рароиа, но их деревню несколько раз в год посещают шхуны местных торговцев копррой с Гаити, которые привозят товары и забирают ядра кокосовых орехов. Они уже несколько недель поджидают такую шхуну, так что она может явиться в любое время.

Отчет Бенгта вкратце сводился к тому, что на Рароиа не было ни школы, ни радио, ни белых людей; но 127 полинезийцев, живущих в деревне, сделали все, что могли, чтобы устроить нас со всеми удобствами, и подготовили торжественный прием.

Первым делом вождь пожелал осмотреть судно, которое доставило нас живыми на риф. Мы отправились вброд к «Кон-Тики», сопровождаемые вереницей островитян. Когда мы приблизились, полинезийцы внезапно остановились и стали обмениваться замечаниями, громко крича все зараз. Теперь можно было ясно видеть бревна «Кон-Тики», и один из островитян воскликнул:

– Это не лодка, это *пае-пае* !

– *Пае-пае* ! – повторили все его товарищи хором.

Поднимая брызги, они бросились бегом по рифу и взобрались на «Кон-Тики». Они лазили повсюду, возбужденные, как дети, ощупывали бревна, бамбуковое плетение и веревки. Вождь был в таком же приподнятом настроении, как и остальные; он вернулся к нам и несколько раз повторил:

– «Тики» не лодка, это *пае-пае* . – В его голосе звучало удивление и любопытство.

Пае-пае на полинезийском языке означает «плот» и «помост», а на острове Пасхи это же слово употребляется для обозначения местных лодок. Вождь рассказал нам, что теперь таких пае-пае больше не существует, но самые старые люди в деревне рассказывают древние предания о пае-пае. Все полинезийцы наперебой восхищались огромными бальсовыми бревнами, но от веревок они презрительно отворачивались. Такие веревки под действием соленой воды и солнца не выдержат и несколько месяцев. И островитяне с гордостью показывали нам снасти своих пирога; они сами сплели их из волокон кокосового ореха, и такие веревки безотказно служат пять лет.

Когда мы вернулись обратно на наш маленький остров, мы с общего согласия назвали его «Фенуа Кон-Тики», или «Остров Кон-Тики». Это название мы все могли произнести, но полинезийцам очень тяжело давалось произношение наших коротких северных имен. Они пришли в восторг, когда я сказал им, что они могут называть меня Тераи Матеата, так как великий вождь Таити дал мне это имя, «усыновив» меня во время моего первого путешествия в эти края.

Островитяне притащили из пирога домашнюю птицу, яйца и плоды хлебного дерева, другие с помощью трехзубой остроги набили в лагуне несколько крупных рыб, и вокруг лагерного костра началось пиршество. Мы должны были рассказать обо всех наших приключениях на пае-пае в океане, и рассказ о китовой акуле нам пришлось повторять все снова и снова. И каждый раз, когда дело доходило до того, как Эрик вонзил гарпун в череп акулы, слушатели издавали восторженные крики. Полинезийцы с первого взгляда узнавали всех рыб, зарисованных Эриком, и немедленно сообщали нам, как они называются на их языке. Но они никогда не видели ни китовой акулы, ни змеиной макрели и ничего не

⁴⁰ Христиания – прежнее название столицы Норвегии Осло.

⁴¹ Бинг Кросби – Гарри Л. Кросби – современный американский киноартист.

слышали о них.

Когда наступил вечер, мы, к величайшему удовольствию всех собравшихся, включили радио. Больше всего им понравилась церковная музыка, но затем, к нашему удивлению, мы поймали передававшуюся из Америки настоящую полинезийскую танцевальную музыку. Тогда самые веселые из островитян принялись покачивать руками, согнутыми над головой, и вскоре все наши гости вскочили на ноги и пустились в пляс в такт музыке. С наступлением ночи все улеглись на берегу вокруг костра. Для островитян это было такое же приключение, как и для нас.

Когда мы проснулись на следующее утро, полинезийцы уже встали и жарили свеженаловленную рыбу; шесть только что вскрытых кокосовых орехов были приготовлены для утоления нашей утренней жажды.

В этот день грохот у рифа был громче обычного; ветер усилился, и буруны высоко взлетали в воздух там, за остовом нашего судна.

– Сегодня «Тики» придет в лагуну, – сказал вождь, показывая на разбитый плот. – Прилив будет высокий.

Около одиннадцати часов вода, проходя мимо нас, стала проникать в лагуну. Лагуна начала наполняться, как огромный бассейн, и уровень воды вокруг всего острова поднимался. Позже из океана хлынули целые потоки. Вода шла валами, которые поднимались все выше, и покрыла большую часть рифа. Потоки воды проносились вдоль обеих сторон острова. Они отрывали крупные глыбы кораллов и наносили большие песчаные отмели, которые затем исчезали, подобно сдутой ветром муке, а в другом месте появлялись новые отмели. Отдельные бамбуковые жерди с разбитого плота проплыли мимо нас, и «Кон-Тики» стал шевелиться. Все, что лежало у берега, пришлось перетащить в глубь острова, чтобы спасти от прилива. Вскоре из-под воды виднелись лишь самые высокие выступы рифа, и все берега вокруг нашего острова исчезли, а океан подступал все ближе к лужайкам плоского, как блин, острова. Становилось жутковато. Казалось, весь океан наступает на нас. «Кон-Тики» повернулся на 180° и двинулся с места, но скоро опять застрял среди других коралловых глыб.

Полинезийцы бросились вводу и, то плывя, то идя вброд среди водоворотов, двигаясь от одной отмели до другой, добрались до плота. Кнут и Эрик сопровождали их. На плоту лежали приготовленные веревки, и когда он поднялся над последними коралловыми глыбами и сошел с рифа, островитяне прыгнули за борт и пытались удержать его. Они не знали «Кон-Тики» и его неукротимого стремления двигаться на запад. Плот тащил их за собой совершенно беспомощных, и вскоре он уже с приличной скоростью двигался через риф и дальше по лагуне. Достигнув более тихой воды, «Кон-Тики», казалось, слегка растерялся и стал оглядываться, как бы высматривая дальнейшие возможности. Прежде чем он двинулся дальше и обнаружил выход из лагуны, островитянам удалось обмотать конец веревки вокруг пальмы на берегу. И вот «Кон-Тики» остался в лагуне на крепкой привязи.

Судно, которого не могли остановить никакие преграды, проложило себе путь через баррикаду и вступило во внутреннюю лагуну острова Раоиа.

Воодушевляемые воинственными кликами с бодрым припевом «ке-ке-те-хуру-хуру», мы соединенными усилиями подтащили «Кон-Тики» к берегу острова, носившего его имя. Прилив достиг высоты, которая на 120 сантиметров превышала нормальный уровень воды.

Мы думали, что весь остров будет затоплен.

Подгоняемые ветром волны вздымались по всей лагуне, и в узкие, захлестываемые водой пироги мы смогли поместить лишь незначительную часть нашего снаряжения. Полинезийцам надо было как можно скорей возвращаться в деревню; Бенгт и Герман отправились с ними, чтобы попытаться помочь маленькому мальчику, который умирал в одной из хижин в деревне. У мальчика был гнойный нарыв на голове, а у нас имелся пенициллин.

Следующий день мы провели на острове Кон-Тики вчетвером. Восточный ветер дул теперь с такой силой, что островитяне не могли добраться до нас через лагуну, усеянную

острыми коралловыми рифами и мелями. Вода за ночь несколько спала, но теперь волны опять яростно набегали длинными, мчавшимися уступами валами.

На следующий день ветер стал тише. Мы смогли нырнуть под плот и удостовериться, что девять бревен были в целости; острые выступы рифов лишь соскоблили несколько сантиметров с их нижней стороны. Веревки ушли так глубоко в пазы, что только четыре из них оказались перерезанными кораллами. Мы принялись наводить порядок на плоту. После того как мы убрали с палубы весь хлам, расправили, как гармонь, каюту, срастили и поставили мачту, наше гордое судно приобрело более приличный вид.

Днем на горизонте снова показались паруса; островитяне приехали за нами и за остальным грузом. Герман и Бенгт были с ними; они рассказали нам, что в деревне готовятся большие празднества. Когда мы прибудем на тот остров, мы не должны выходить из пирог, пока сам вождь не даст на это разрешения.

При свежем попутном ветре мы пересекли лагуну, которая здесь имела в ширину шесть миль. Мы с искренней грустью смотрели на знакомые пальмы острова Кон-Тики, покачивавшиеся верхушки которых посылали нам прощальный привет; но вскоре отдельных деревьев уже нельзя было различить, а затем и весь остров превратился в узкую полосу земли, похожую на все остальные островки, раскинувшиеся вдоль восточного рифа. А впереди все отчетливей вырисовывались более крупные острова. На одном из них мы увидели мол и дым, поднимавшийся над хижинами среди пальм.

Деревня казалась совершенно вымершей; не видно было ни одной души. Что там затевается? На берегу за молом из коралловых глыб стояли две одинокие фигуры: одна – высокая и худощавая, другая – огромная и толстая, как бочка. Когда мы приблизились, мы почтительно поздоровались с обоими. Это были вождь Тека и его заместитель Тупухое. Нам всем с первого взгляда понравилась широкая сердечная улыбка Тупухое. Тека был умница и дипломат, а Тупухое был чистейшее дитя природы, прямодушный человек, какие не часто встречаются, полный юмора и первобытного здравого смысла. Могучим телосложением и величественными чертами лица он в точности соответствовал образу полинезийского вождя, созданному нашим воображением. И в самом деле, Тупухое раньше был полновластным вождем острова, но постепенно Тека занял первенствующее положение, так как он умел говорить по-французски, считать и писать, и поэтому владельцы шхун, приходивших с Таити за копррой, больше не обсчитывали жителей деревни.

Тека объяснил нам, что мы должны все вместе проследовать в деревню к дому для собраний, и когда все сошли на берег, торжественная процессия отправилась туда; Герман шел впереди с флагом, развевавшимся на древке гарпуна, а за ним – я между двумя вождями.

В деревне все говорило о торговле копррой с Таити; доски и гофрированное железо было привезено на шхунах. Некоторые хижины были построены в причудливом старинном стиле из сучьев и сплетенных пальмовых листьев, другие были сколочены на гвоздях из досок и напоминали маленькие тропические бунгало. Большой дощатый дом, стоявший в стороне среди пальм, представлял собой новый дом для собраний; там должны были поселиться мы, шестеро европейцев. Через маленькую заднюю дверь мы с флагом вошли в дом и сразу вышли из него на широкие ступени перед фасадом. Перед нами на площадке стояли все жители деревни, способные двигаться, включая женщин и детей любого возраста. У всех был чрезвычайно серьезный вид; даже наши веселые приятели по острову Кон-Тики стояли в рядах вместе с остальными и делали вид, что не узнают нас.

Когда мы вышли на ступени, все собравшиеся одновременно раскрыли рты и запели... «Марсельезу!» Тека, знавший слова, запевал, и дело шло довольно гладко, несмотря на то, что несколько старух сильно фальшивили на высоких нотах. Жители деревни здорово поработали над разучиванием «Марсельезы». Французский и норвежский флаги были подняты перед террасой, и на этом закончился официальный прием нас вождем Текой; он медленно отошел в сторону, и теперь толстый Тупухое выступил вперед и стал руководить церемонией.

Тупухое быстро подал знак, по которому все с жаром запели новую песню. На этот раз

дело шло лучше, так как мелодия была их собственная, да и слова были на их родном языке, а петь свои плясовые песни они умеют. Мелодия при всей своей трогательной простоте звучала так чарующе, что у нас пробежали мурашки по спине, словно само Южное море с рокотом надвигалось на нас. Несколько человек запевали, а через определенные интервалы вступал весь хор; мелодия менялась, но слова, все время оставались одни и те же:

«Добрый день, Тераи Матеата и твои люди, пришедшие по океану на *пае-пае* к нам на Рароиа; да, добрый день, оставайтесь подольше среди нас, и пусть у нас будут одни и те же воспоминания, чтобы мы всегда могли быть вместе – даже тогда, когда вы уедете в далекую страну. Добрый день».

Нам пришлось попросить их спеть эту песню еще раз, и островитяне все больше и больше оживлялись, по мере того как они переставали стесняться. Затем Тупухое попросил меня рассказать в нескольких словах народу, почему мы прибыли из-за океана на *пае-пае*; все хотят услышать об этом. Я должен говорить по-французски, а Тека будет по частям переводить.

Предо мной стояла и ожидала моих слов толпа необразованных, но очень умных коричневых людей. Я рассказал им, что мне пришлось раньше побывать среди их соплеменников здесь, на островах Южного моря, и что я слышал об их первом вожде, Тики, который привел их предков на эти острова из какой-то таинственной страны, местонахождения которой теперь никто не знает. Но в далекой стране, называемой Перу, говорил я, правил когда-то могущественный вождь, носивший имя Тики. Народ называл его Кон-Тики или Солнце-Тики, потому что, по его словам, он был потомком солнца. В конце концов Тики и часть его сторонников покинули свою страну на больших *пае-пае* поэтому мы шестеро думали, что это был тот же самый Тики, который пришел на эти острова. Так как никто не поверил бы, что на *пае-пае* можно переплыть океан, мы сами отплыли на *пае-пае* из Перу; и вот мы здесь; значит, переплыть можно было. После того как Тека перевел мою краткую речь, Тупухое пришел в большое возбуждение и в каком-то экстазе выскочил вперед и стал перед толпой. Он громко кричал по-полинезийски, размахивал руками, указывал на небо и на нас, и в его стремительной речи все время повторялось слово Тики. Он говорил так быстро, что трудно было уследить за смыслом, но все собравшиеся ловили каждое слово и были явно взволнованы. Тека, напротив, имел весьма смущенный вид, когда ему пришлось приступить к переводу.

Тупухое говорил о том, что его отец, и дед, и прадеды рассказывали о Тики, и, по их словам, Тики был первым вождем, который теперь находится на небе.

Но потом пришли белые люди и сказали, что предания их предков ложь. Тики никогда не существовал. Он вовсе не на небе, так как там Иегова. Тики был языческим богом, и они больше не должны верить в него. А теперь мы шестеро приплыли к ним по океану на *пае-пае*. Мы первые белые люди, признающие, что их отцы говорили правду. Тики действительно жил, но теперь он умер и находится на небе.

Испуганный мыслью, что я могу разрушить все труды миссионеров, я поспешил выступить вперед и объяснил, что Тики действительно жил – в этом не может быть сомнений – и что он давно умер. Но находится ли он теперь на небе или в аду, знает один только Иегова, так как Иегова был всегда на небе, а Тики был смертным человеком, великим вождем, как Тека и Тупухое, может быть, даже еще более великим.

Мои слова развеселили и удовлетворили полинезийцев; они кивали головой, одобрительно бормотали, и это ясно показывало, что мое объяснение пришлось им по вкусу.

Тики когда-то жил, это было главное. Если он теперь находится в аду, то больше всех печалиться этим должен он сам; Тупухое высказал даже предположение, что в этом случае, пожалуй, больше надежды встретиться с ним опять.

Три старика протолкались вперед и пожелали пожать нам руки. Без сомнения, это они сохраняли в народе воспоминания о Тики. Вождь сказал нам, что один из стариков знает бесчисленное множество преданий и исторических баллад из времен далеких предков. Я спросил старика, нет ли в преданиях каких-либо намеков на то, с какой стороны пришел

Тики. Нет, ни один из стариков не мог вспомнить, чтобы ему приходилось слышать об этом.

Но после долгого усердного размышления самый старый из трех сказал, что Тики сопровождал близкий родственник, по имени Мауи, а в балладе о Мауи говорилось, что он пришел на острова из Пура, а слово «пура» означает ту часть неба, где восходит солнце. Если Мауи пришел из Пура, сказал старик, то, конечно, и Тики пришел из того же места, а мы шестеро также пришли на пае-пае из Пура, это совершенно ясно.

Я рассказал старым островитянам, что на небольшом уединенном острове, называемом Мангарева, расположенном ближе к острову Пасхи, жители никогда не знали лодок и вплоть до наших дней продолжали плавать по океану на больших *пае-пае*. Об этом старики не слыхали, но они знали, что их предки также пользовались большими *пае-пае*, которые постепенно вышли из употребления и теперь известны только по названию и по преданиям. В отдаленные древние времена, добавил самый старый из островитян, они назывались «ронго-ронго», но теперь такого слова в языке больше не существует. Но название «ронго-ронго» упоминается в самых старинных легендах.

Это название заинтересовало меня, так как Ронго – на некоторых островах произносят Лоно – было имя одного из наиболее известных легендарных предков полинезийцев. В рассказах о нем подчеркивалось, что у него была белая кожа и светлые волосы. Когда капитан Кук впервые посетил Гавайские острова, жители встретили его с распростертыми объятиями, так как они приняли его за своего белого сородича Ронго, который отсутствовал много поколений, а теперь вернулся с родины их предков на этом большом парусном судне. А на острове Пасхи, словом «ронго-ронго» называли загадочные иероглифы, тайна которых была погребена вместе с последним «длинноухим», умевшим писать!

Между тем как старики хотели обсуждать вопрос о Тики и *ронго-ронго*, молодым не терпелось послушать о китовой акуле и путешествии по океану. Но угощение было уже готово, а Тека устал переводить.

Теперь всем жителям деревни было разрешено подойти и пожать руку каждому из нас. Мужчины бормотали «иа-ора-на» и чуть не вывихивали нам руку, девушки старались протиснуться вперед и здоровались с нами кокетливо и застенчиво, а старухи лепетали и хихикали, указывая на наши бороды и белую кожу. Все лица сияли дружеским расположением, так что всякие лингвистические недоразумения не имели никакого значения. Если островитяне говорили нам что-нибудь совершенно непонятное по-полинезийски, мы отвечали им тем же по-норвежски, и все очень веселились. Первое полинезийское слово, которое мы выучили, было «нравится»; если к тому же можно было указать на то, что нам нравилось, и рассчитывать сразу же получить это, то все было очень просто. Если же при слове «нравится» морщили нос, то это означало «не нравится», и на этой основе мы, могли вполне хорошо объясняться.

Как только мы перезнакомились со всеми 127 жителями деревни, был поставлен длинный стол для обоих вождей и нас, шестерых, и деревенские девушки стали приносить самые изысканные кушанья. Пока одни расставляли все на столе, подошли другие и повесили венки из цветов нам на шею, а венки поменьше надели нам на голову. Цветы испускали томный аромат, а их прохладное прикосновение в жару было очень приятно. Так начался праздник в нашу честь, который продолжался несколько недель, пока мы не покинули острова. Глаза у нас широко раскрылись и рот наполнился слюной при виде столов, заставленных жареными молочными поросятами, цыплятами, жареными утками, свежими омарами, полинезийскими рыбными блюдами, плодами хлебного и дынного дерева, молоком кокосовых орехов. И в то время как мы набросились на еду, толпа развлекала нас полинезийскими песнями, а молодые девушки танцевали вокруг стола. Мои товарищи смеялись и были в полном восторге; вид мы имели самый нелепый, когда сидели за столом с развевающимися бородами и с венками из цветов на голове, уписывая за обе щеки, как умирающие с голоду люди. Оба вождя, как и мы, не скрывали своего удовольствия.

После еды началась полинезийская пляска в грандиозном масштабе. Жители деревни хотели показать нам местные народные танцы. Нас, шестерых, Теку и Тупухое усадили на

табуретки в первом ряду, затем появились два гитариста, присели на корточки и забренчали на своих инструментах настоящие мелодии Южного моря. Сквозь кольцо зрителей, также сидевших на корточках и певших, скользя и извиваясь, в круг вступили две цепи танцующих мужчин и женщин с шелестящими юбочками из пальмовых листьев вокруг бедер. Живым и

энергичным запевадой была на редкость тучная вахине⁴², у которой одна рука была откушена акулой. Вначале танцоры держались несколько театрально и напряженно; но когда они увидели, что белые люди с *пае-пае* не воротят носа от народных танцев их прародителей, пляска стала все больше и больше оживляться. К ней присоединилась и часть пожилых; у всех было великолепное чувство ритма, и они знали танцы, которых в обычных случаях уже, конечно, не танцуют. А когда солнце опустилось в Тихий океан, пляска среди пальм стала принимать еще более бурный характер, и аплодисменты зрителей становились все более дружными. Танцоры забыли, что на них смотрят шесть чужестранцев; теперь мы, шестеро, были людьми их народа, наслаждавшимися зрелищем вместе с ними.

Репертуар был бесконечным: одна очаровательная мимическая сцена следовала за другой. Наконец толпа юношей уселась на корточки, образовав тесный круг как раз перед нами, и по знаку Тупухое принялась ритмично отбивать такт ладонями по земле – сначала медленно, затем быстрее; когда ритм стал совершенно безупречным, неожиданно вступил барабанщик и принялся аккомпанировать им, с бешеной скоростью ударяя двумя палками по сухому выдолбленному чурбану, который издавал сильный резкий звук. После того как ритм достиг нужного темпа, раздалось пение и в круг стремительно прыгнула девушка с венком из цветов вокруг шеи и цветами за ухом. Босиком, согнув колени, она двигалась в такт музыке, ритмично покачивая бедрами и закинув руки над головой в настоящем полинезийском стиле. Она танцевала великолепно, и вскоре все зрители отбивали ритм, хлопая ладонями по земле.

Еще одна девушка вскочила в круг, а за ней третья. Они двигались с изумительной гибкостью, строго следуя ритму, и скользили в танце одна вокруг другой, как грациозные тени. Глухие удары руками по земле, пение и веселый бой деревянного барабана одновременно убыстряли свой темп все больше и больше, а танец становился все более и более исступленным, а зрители завывали от восторга и отбивали такт, хлопая ладонями по земле.

⁴² Вахине – по-полинезийски «женщина».

Это была жизнь Южного моря, какой ее знали в старые дни. Звезды мерцали, и пальмы покачивались. Ночь была теплая и длинная, наполненная запахом цветов и пением цикад.

Тупухое широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

– Маитаи? – спросил он.

– Да, маитаи, – ответил я.

– Маитаи? – спросил он всех остальных.

– Маитаи, – с энтузиазмом ответили все, и это было действительно так.

– Маитаи, – произнес Тупухое, кивая головой и указывая на себя; он также был очень доволен.

Даже Тека считал, что праздник вышел очень удачный; в первый раз, сказал он, белые люди присутствуют на их танцах на Рароиа. Быстрее и быстрее, быстрее и быстрее становилась дробь барабана, хлопанье в ладоши, пение и танцы. Но вот одна из танцевавших девушек перестала двигаться по кругу и, стоя на месте, начала вся извиваться в бешеном темпе, вытянув руки в сторону Германа. Герман посмеивался в бороду; он не знал, как ему следует к этому отнестись.

– Поддержите нашу марку, – шепнул я ему, – вы ведь хороший танцор.

И, к бесконечному восхищению толпы, Герман вскочил в круг и, согнувшись чуть не пополам, принялся добросовестно выделывать, извиваясь всем телом, сложные па полинезийского танца. Ликование стало всеобщим. Вскоре Бенгт и Торстейн пустились в пляс; пот струился по их лицам, когда они трудились изо всех сил, стараясь не отставать от аккомпанемента, ритм которого все ускорялся и ускорялся, темп стал таким бешеным, что теперь слышны были только звуки барабана, слившиеся в одно протяжное гудение, а три настоящие полинезийские танцовщицы в такт музыке дрожали как осиновые листья; наконец девушки опустились на землю и бой барабана резко оборвался.

Теперь героями вечера были мы. Энтузиазм зрителей не имел предела.

Следующим номером программы являлся танец птиц, представлявший собой одну из древнейших церемоний на Рароиа. Мужчины и женщины двумя рядами прыгали в ритмичном танце, изображая под руководством главного танцора стаи птиц. Главный танцор носил титул вождя птиц и делал забавные телодвижения, но в общем танце участия не принимал. Когда танец птиц окончился, Тупухое объяснил, что он был исполнен в честь нашего плота и что теперь его следует повторить, но главного танцора должен сменить я. Так как мне казалось, что основная задача главного танцора состояла в том, чтобы испускать дикие вопли и кружиться, виляя задом и размахивая руками над головой, я надвинул поглубже на голову свой веночек, и вышел на сцену. Извиваясь в танце, я видел, как хохотал старый Тупухое, чуть не падая с табуретки; музыка стала ослабевать, так как певцы и музыканты последовали примеру Тупухое.

Теперь танцевать хотели все, старые и молодые, и вскоре барабанщик и музыканты, бившие руками по земле, снова оказались на своих местах и заиграли вступление к огненной полинезийской пляске. Сначала в круг вскочили девушки и принялись плясать, все ускоряя и ускоряя ритм; они приглашали всех нас по очереди принять участие в танце, к которому постепенно присоединялось все больше и больше мужчин и женщин, топавших ногами и извивавшихся все быстрее и быстрее.

Но Эрика никак не удавалось расшевелить. От ветра и сырости на плоту у него был рецидив прострела, и он сидел, как старый шкипер, бородатый и неподвижный, попыхивая трубкой. Его не могли сдвинуть с места девушки-танцовщицы, пытавшиеся заманить гостя в круг. На нем были широкие штаны из овчины, которые он надевал по ночам в самое холодное время, когда мы плыли в течении Гумбольдта; сидя под пальмами, обнаженный по пояс, с большой бородой, в овчинных штанах, он в точности походил на Робинзона Крузо. Одна хорошенькая девушка за другой старались снискать его расположение, но тщетно. Он продолжал сидеть с венком на лохматой голове, важно попыхивая трубкой.

Но вот зрелая матрона с могучими мышцами вступила в круг, проделала несколько

более или менее грациозных па, а затем решительно двинулась к Эрику. Он с беспокойством смотрел на нее, но амазонка, обворожительно улыбаясь, решительно схватила его за руку и стащила с табуретки. Комические штаны Эрика были сшиты мехом внутрь, и сзади они немного распоролась, так что торчал белый клочок шерсти, напоминавший кроличий хвост. Эрик шел за своей дамой очень неохотно и, прихрамывая, вступил в круг; в одной руке он держал трубку, а другую прижимал к тому месту, где у него болело от прострела. Когда он попытался сделать несколько прыжков, ему пришлось отпустить штаны, чтобы поправить угрожавший падением венок, а затем, с покосившимся на сторону венком, он должен был снова ухватиться за свои штаны, которые под собственной тяжестью стали соскальзывать с него. У его полной дамы, топтавшей в танце перед ним, был не менее забавный вид, и мы смеялись так, что слезы стекали с наших бород. Вскоре все остальные танцоры остановились, и взрывы хохота разносились по пальмовой роще, а танцор Эрик и женщина-тяжеловес продолжали грациозно кружиться. Наконец и им пришлось остановиться, так как и певцы и музыканты не в силах были продолжать и держались за бока от смеха.

Праздник продолжался до утра, когда нам было разрешено немного отдохнуть; но прежде мы должны были снова пожать руки всем 127 островитянам. В течение всего нашего пребывания на острове мы каждое утро и каждый вечер пожимали руки всем жителям. Шесть постелей были собраны по всем хижинам деревни и положены рядом вдоль стены дома для собраний; на них мы спали, улегшись в ряд, как семь маленьких гномов из сказки⁴³, и над нашими головами висели сладко пахнувшие венки.

На следующий день состояние шестилетнего мальчика, у которого был нарыв на голове, сильно ухудшилось. Температура у него поднялась до 41 градуса, и нарыв на макушке головы стал величиной с мужской кулак и болезненно пульсировал.

Тека сообщил, что немало ребят уже погибло от этой болезни и что если никто из нас не сможет придумать какое-нибудь лечение, то мальчик не протянет и нескольких дней. У нас были новые препараты пенициллина в форме таблеток, но мы не знали, какую дозу надо давать маленькому ребенку. Если мы начнем лечить мальчика и он умрет, это, возможно, будет иметь серьезные последствия для всех нас.

Кнут и Торстейн снова распаковали радиостанцию и натянули антенну между самыми высокими кокосовыми пальмами. Когда наступил вечер, мы опять связались с нашими невидимыми друзьями, Галом и Френком, которые сидели у себя в комнате в Лос-Анжелосе. Френк соединился по телефону с врачом, и мы с помощью ключа Морзе передали все симптомы болезни мальчика и список лекарств, имевшихся у нас в аптечке. Френк передал нам ответ доктора, и в этот же вечер мы отправились в хижину, где метался в жару маленький Хаумата, а половина деревни плакала и причитала над ним.

Герман и Кнут должны были заняться лечением, а остальным хватало хлопот с жителями деревни, которые стремились попасть в хижину. Когда мы пришли с острым ножом и попросили вскипятить воду, мать мальчика впала в истерику. Волосы на голове мальчика были сбиты и нарыв вскрыт. Гной брызнул чуть не под потолок, и несколько взволнованных островитян ворвались в хижину; их пришлось выгнать. Тут было не до шуток. После того как рана была очищена и продезинфицирована, на голову мальчика наложили повязку, и мы приступили к лечению пенициллином. В течение двух суток мальчику давали пенициллин каждые четыре часа; температура держалась очень высокая, и выделение гноя не прекращалось. И каждый вечер мы консультировались с врачом из Лос-Анжелоса. Затем температура у мальчика сразу упала, гной сменился плазмой, и начался процесс заживления; мальчик улыбался и просил показать ему картинки с изображением необыкновенного мира белых людей, в котором существовали автомобили, коровы и дома в несколько этажей.

⁴³ Семь гномов – по сказке братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов».

Неделю спустя Хаумата играл на берегу с другими детьми; первое время на голове у него была большая повязка, а затем ему разрешили ее снять.

Теперь, когда все кончилось удачно, в деревне без конца обнаруживались больные. У всех болели зубы или было расстройство желудка, и у всех, старых и молодых, были чирьи в самых различных местах. Мы отсылали больных к доктору Кнуту и доктору Герману, которые назначали диеты и щедро раздавали пилюли и мази, имевшиеся в нашей аптечке.

Некоторые вылечились, хуже никому не стало, и когда аптечка оказалась пустой, мы приготавливали кашу из какао и овсяной муки, которая чудесно помогала истеричным женщинам.

Мы прожили среди наших коричневых поклонников несколько дней, и праздничные торжества достигли своего апогея, вылившись в новую церемонию. Мы должны были стать почетными гражданами Рароиа и получить полинезийские имена. Сам я не должен больше оставаться Тераи Матеата: так могли меня называть на Таити, но не здесь, среди них.

Посреди площади для нас поставили шесть табуреток, и вся деревня собралась пораньше, чтобы занять хорошие места вокруг нас. Тека с важным видом сидел вместе со всеми; он был настоящим вождем, но только не в тех случаях, когда дело шло о старинных местных церемониях. Тогда на первый план выступал Тупухое.

Все сидели в ожидании молча и с очень серьезным видом, между тем как огромный тучный Тупухое торжественно и медленно приближался с крепкой узловатой дубинкой в руке. Он был весь проникнут торжественностью этого момента, и все не спускали с него глаз, когда он, погруженный в размышления, подошел и занял свое место перед нами. Он был прирожденным вождем, блестящим оратором и актером.

Он обернулся к главным певцам, барабанщикам и руководителям танцев, взмахом своей узловатой дубинки указал на каждого из них по очереди и тихим размеренным голосом отдал им короткие приказания. Затем он повернулся опять к нам и вдруг широко раскрыл свои большие глаза; огромные белки сверкали на его выразительном медно-коричневом лице так же ярко, как и зубы. Он поднял свою узловатую дубинку, и с его губ посыпались слова, как горох из мешка; он произносил древние обрядовые формулы на старинном, забытом диалекте, который понимали только старики.

Затем он сообщил нам, пользуясь услугами Теки для перевода, что имя первого короля, обосновавшегося на их острове, было Тикароа и что он царствовал над этим же атоллom с севера до юга, с востока до запада и вверх до неба, расстилающегося над головами людей. И пока хор исполнял старинную балладу о короле Тикароа, Тупухое положил свою большую руку мне на грудь и, поворачивая меня к зрителям, объявил, что даст мне имя Вароа Тикароа, то есть Дух Тикароа.

Когда пение стихло, наступила очередь Германа и Бенгта.

Большая коричневая рука коснулась поочередно их груди, и они получили имена Тупухое-Итетахуа и Тобакино. Так звали двух древних героев, которые вступили в бой с морским чудовищем и убили его у прохода в рифе Рароиа.

Барабанщик несколько раз энергично ударил в барабан, и двое здоровенных мужчин выскочили вперед с повязкой вокруг бедер и с длинным копьём в каждой руке. Высоко поднимая колени к самой груди, держа копьё острием вверх, поворачивая голову из стороны в сторону, они принялись быстро маршировать, отбивая ногами такт. Когда снова раздался бой барабана, они высоко подпрыгнули и, строго соблюдая ритм, принялись изображать легендарную битву по всем правилам балетного искусства. Вся интермедия была короткой и быстрой и изображала битву героев с морским чудовищем. Затем с пением и церемониями было дано имя Торстейну; его называли Мароаке – по имени древнего короля этой деревни, а Эрик и Кнут получили имена Тана-Матарау и Тефаунуи в честь двух мореплавателей и морских героев древности. Длинная монотонная речь, сопровождавшая присвоение им имен, произносилась с головокружительной быстротой; безостановочный поток слов был рассчитан одновременно на то, чтобы произвести впечатление и позабавить.

Церемония была закончена. Среди полинезийцев на Рароиа опять появились белые

бородатые вожди. Из толпы выступили две цепи танцовщиков и танцовщиц в плетеных соломенных юбочках, с покачивающимися лубяными коронами на голове. Танцуя, они приблизились к нам и переложили короны со своих голов на наши; нам пришлось также надеть на себя шелестящие соломенные юбочки, и празднества продолжались.

Однажды ночью увенчанные цветами радисты связались с радиолюбителем на Раротонге, который передал нам сообщение с Таити. Это был сердечный привет от губернатора французских тихоокеанских колоний.

По распоряжению из Парижа он послал правительственную шхуну «Тамара», которая должна доставить нас на Таити, так что нам не придется ждать копровой шхуны, срока прихода которой никто не знал. Таити был центром французских колоний и единственным островом, имевшим постоянную связь с внешним миром. Мы должны добраться до Таити и там сесть на пароход, совершающий регулярные рейсы, который доставит нас домой, на родину.

На Рароиа продолжались празднества. Как-то вечером с океана донеслись какие-то странные завывания; дозорные спустились с вершин пальм и сообщили, что у входа в лагуну находится какое-то судно. Мы бросились бегом через пальмовый лес к берегу с подветренной стороны острова. Там мы стали смотреть на океан в направлении, противоположном тому, откуда мы пришли на «Кон-Тики». С этой стороны, защищенной от ветра всем атоллom и рифом, буруны были значительно ниже.

Как раз у входа в лагуну со стороны океана мы увидели огни корабля. Небо было ясное и звездное, и мы могли различить очертания широкой двухмачтовой шхуны. Это и есть судно губернатора, пришедшее за нами? Почему оно не входит?

Островитяне проявляли признаки все возрастающего беспокойства. Теперь увидели и мы, что судно имело большой крен и ему грозила опасность опрокинуться. Оно сидело на мели на невидимом подводном рифе.

Торстейн схватил фонарь и просигналил:

– Que bateau?⁴⁴

– «Маоае», – передали нам в ответ.

«Маоае» была копровая шхуна, курсировавшая между островами. Она держала путь на Рароиа за копррой. Капитан и команда шхуны были полинезийцы, и они знали о рифах на подступах к лагуне. Но в темноте их подвело течение. Счастье было, что шхуна находилась с подветренной стороны острова и что погода была тихая, но течение за пределами лагуны было достаточно коварным. Крен «Маоае» увеличивался и увеличивался, и команда спустила шлюпку. Матросы закрепили крепкие канаты на верхушках мачт, а свободные концы канатов доставили в шлюпку на берег, где островитяне обвязали их вокруг стволов кокосовых пальм, чтобы шхуна не опрокинулась. Матросы с другими канатами остановились на шлюпке за проходом в рифе в надежде, что им удастся снять «Маоае» с мели, когда начнется прилив и вода устремится из лагуны. Жители деревни спустили на воду все свои пироги и принялись спасать груз копры. На борту шхуны было девяносто тонн этого ценного товара. Мешки с копррой партия за партией перевозились с раскачивавшейся шхуны на берег.

Вода поднялась, но «Маоае» все еще сидела на мели, раскачиваясь и ударяясь о коралловые рифы, пока не получила пробоины. Когда наступил рассвет, шхуна находилась еще в худшем положении, чем раньше. Команда ничего не могла поделать; не стоило и пытаться стащить с рифа тяжелое судно, водоизмещением в 150 тонн, с помощью шлюпки и пирога островитян. Если шхуна будет и дальше лежать там же, ударяясь о риф, она развалится на части; а если переменится погода, ее унесет к атолла, и в прибое разобьет в щепу.

На «Маоае» радио не было, но у нас оно имелось. Однако если бы мы и вызвали спасательное судно с Таити, то к тому времени, когда оно пришло бы, «Маоае» давно превратилось бы в обломки. И все же второй раз в течение месяца, риф Рароиа упустил свою

⁴⁴ Какое судно? (франц.).

добычу.

В тот же день около полудня шхуна «Тамара» показалась на горизонте на западе. Она была послана за нами, чтобы забрать нас с Рароиа, и находившиеся на ее борту были немало удивлены, увидев вместо плота две мачты большой шхуны, которая беспомощно сидела на рифе, накренившись и раскачиваясь.

На борту «Тамары» был французский чиновник, управляющий островами Туамоту и Тубуаи, Фредерик Анн, которого губернатор направил с Таити встретить нас. На «Тамаре» находились также француз-кинооператор и француз-радиотехник, но капитан и команда были полинезийцы. Сам Анн, француз по происхождению, родился на Таити и был великолепным моряком. Он принял на себя командование судном с согласия капитана-таитянина, который был рад освободиться от ответственности в этих опасных водах. Пока «Тамара» ловко лавировала среди бесчисленных подводных рифов и водоворотов, обе шхуны были соединены прочными канатами, и Анн приступил к искусным и рискованным маневрам, а прибой между тем грозил выбросить оба судна на один и тот же коралловый риф.

Когда прилив достиг наибольшей высоты, «Маоае» сошла с рифа, и «Тамара» отбуксировала ее на глубокое место. Но теперь через пробоину вода стала заливать «Маоае», и ее пришлось как можно скорей увести в лагуну на мелководье. В течение трех дней «Маоае» стояла у деревни полузатопленная, и все помпы работали круглые сутки. Лучшие искатели жемчуга из числа наших друзей-островитян ныряли под шхуну со свинцовыми листами и гвоздями и заделали самые большие пробоины, так что «Маоае» с работающими помпами могла в сопровождении «Тамары» добраться до дока на Таити.

Когда «Маоае» была готова к отплытию, Анн провел «Тамару» между покрытыми кораллами мелководьями в лагунах к острову Кон-Тики. Плот был взят на буксир, а затем «Тамара» отправилась обратно к выходу с «Кон-Тики» на буксире; а «Маоае» шла вслед за ней на таком близком расстоянии, чтобы можно было снять команду, если в океане прибыль воды в трюме возьмет верх над помпами.

Наше прощание с Рароиа было более чем грустным. Все, кто мог двигаться, были на молу; они играли и пели наши любимые мелодии, когда судовая шлюпка увозила нас на «Тамару».

Огромный Тупухое возвышался в центре, держа за руку маленького Хаумата. Хаумата плакал, слезы текли и по щекам могучего вождя. У всех стоявших на молу были слезы на глазах, но они продолжали петь и играть еще долго-долго после того, как шум бурунов, набегавших на риф, заглушил для нас все остальные звуки.

Эти чистые сердцем люди, которые стояли на молу и пели, теряли шестерых друзей, а мы, безмолвно стоявшие на борту «Тамары», пока мол не скрылся за пальмами, а пальмы не исчезли в океане, теряли 127 друзей. В ушах у нас продолжала звенеть прихотливая мелодия:

«... пусть у нас будут одни и те же воспоминания, чтобы мы всегда могли быть вместе – даже тогда, когда вы уедете в далекую страну. Добрый день».

Через четыре дня перед нами возник из океана остров Таити. Он не походил на нить жемчужин с кронами пальм. Дикае зубчатые синие горы вздымались к небу, и вершины их были окутаны облаками, напоминавшими венки.

По мере того как мы приближались, на синих горах обнаружили зеленые склоны. Пышная растительность юга зелеными пятнами сбегала по рыже-красным холмам и утесам, которые переходили в глубокие ущелья и долины, спускавшиеся к морю. Когда берег был уже совсем близко, мы увидели стройные пальмы, плотно обступавшие все долины и весь берег позади золотистого пляжа. Остров Таити был когда-то образован вулканами. Теперь они потухли, и коралловые полипы постепенно воздвигли защитный риф вокруг острова, чтобы океан не мог разрушить его.

Рано утром мы прошли пролив между рифами и очутились в бухте Папеэте. Перед нами возвышались церковные шпили и красные крыши домов, наполовину скрытые листвой гигантских деревьев и верхушками пальм. Папеэте – столица Таити, единственный город во французских владениях в Океании. Это был город развлечений, резиденция правительства и

центр всех морских путей в восточной части Тихого океана.

Когда мы вошли в бухту, жители Таити стояли на берегу плотной яркой живой стеной и ожидали нас. Новости распространяются на Таити с быстротой ветра, и каждому хотелось посмотреть на пае-пае, который прибыл из Америки.

«Кон-Тики» было отведено почетное место у морского бульвара; мэр Папэте приветствовал нас, а маленькая полинезийская девочка преподнесла нам от имени Полинезийского общества огромный букет таитянских полевых цветов. Затем подошли молодые девушки и надели нам на шею сладко пахнувшие венки из белых цветов, приветствуя нас с прибытием на Таити, жемчужину Южного моря.

Я искал в толпе знакомое лицо, лицо моего приемного отца на Таити, вождя Териероо, являвшегося главой 17 местных вождей острова. Конечно, он был тут. Высокий и грузный, живой и веселый, как в старые дни, он вынырнул из толпы, крича «Тераи Матеата!» и улыбаясь всем своим широким лицом. Он стал стариком, но у него был все тот же представительный вид прирожденного вождя.

– Поздно ты явился, – сказал он, улыбаясь, – но ты явился с хорошими новостями. Твой пае-пае поистине принес на Таити синее небо (тераи матеата), так как мы теперь знаем, откуда пришли наши отцы.

Губернатор устроил прием в своем дворце, был званый вечер в городской ратуше, приглашения сыпались на нас со всех концов гостеприимного острова.

Как и в прежние дни, вождь Териероо устроил большое празднество у себя в доме в долине Папено, который я так хорошо знал; и так как Таити не Рароиа, то здесь была проделана новая церемония наделения таитянскими именами тех, кто раньше их не имел.

Это были баззаботные дни; солнце ярко светило, в небе медленно проплывали легкие облака. Мы купались в лагуне, лазили по горам и танцевали полинезийские танцы на траве под пальмами. Дни проходили и превращались в недели. Похоже было на то, что недели превратятся в месяцы, прежде чем придет корабль, который отвезет нас домой к ожидавшим нас делам.

Затем была получена радиограмма из Норвегии, в которой сообщалось, что судовладелец Ларс Кристенсен дал предписание судну «Тор I» водоизмещением в 4 тысячи тонн направиться с Самоа на Таити, чтобы захватить участников экспедиции и доставить их в Америку.

Однажды рано утром большой норвежский пароход вошел в бухту Папэте, и французский военный катер отбуксировал «Кон-Тики» к борту его огромного соотечественника; тот протянул длинную стальную руку и поднял своего маленького родственника на палубу. Громкие завывания сирены разнеслись по поросшему пальмами острову. Коричневые и белые люди толпились на набережной Папэте и бесконечной вереницей взбирались на борт корабля с прощальными подарками и венками. Мы стояли у поручней и вытягивали, как жирафы, шеи, чтобы высвободить подбородок из венков, которые один за другим надевали на нас.

– Если вы хотите вернуться на Таити, – прокричал вождь Териероо, когда над островом разнесся последний гудок, – вы должны, после того как пароход тронется, бросить венки в лагуну!

Концы были отданы, заревели двигатели, винт забурлил в воде, ставшей зеленой, и мы медленно отошли от набережной.

Красные крыши вскоре исчезли за пальмами, пальмы растворились в синеве гор, которые постепенно, как тени, опускались за горизонтом в океан.

Волны ходили по синему океану. Теперь до них было далеко. Белые пассатные облака проплывали по синему небу. Мы уже не двигались в одну сторону с ними. Теперь мы не повиновались природе. Мы находились на пути к XX веку, до которого было так далеко.

Но мы, шестеро, стоявшие на палубе около наших девяти огромных бальсовых бревен, были все живы. А на лагуне в Таити шесть белых венков лежали на воде, и ласковые волны то прибывали их к берегу, то относили назад.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Успешный результат экспедиции на «Кон-Тики» не доказал правильности моей миграционной теории как таковой. Мы доказали лишь, что южноамериканский бальсовый плот обладает качествами, о которых современные ученые раньше не знали, и что тихоокеанские острова расположены в пределах досягаемости для доисторических судов, отплывающих из Перу. Первобытные народы были способны предпринимать далекие путешествия по открытому океану. В вопросе океанических миграций расстояние не является решающим фактором, если только направления ветра и течения в общем совпадают и остаются неизменными днем и ночью в течение круглого года. Пассаты дуют на запад, и экваториальные течения тоже идут на запад вследствие вращения Земли, и на протяжении всей истории человечества Земля вращается в одну и ту же сторону.